

А

**КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ
(1918 г. – НАЧАЛО XXI в.)**

ВИТЕБСК 2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной академии наук Беларуси»
Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ
(1918 г. – начало XXI в.)**

*Материалы III Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 17–18 мая 2018 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2018 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Косов (*гл. ред.*), **Г.Н. Яковлева** (*зам. гл. ред.*),
В.В. Данилович, **А.Н. Дулов**, **В.А. Космач**, **И.В. Николаева**,
А.П. Соловьянов, **С.Ф. Шимукович**, **Д.В. Юрчак**

Рецензенты:

декан факультета международных отношений БГУ, доктор исторических наук, профессор *В.Г. Шадурский*; декан исторического факультета УО «ГГУ имени Ф. Скорины», доктор исторических наук, доцент *Н.Н. Мезга*; профессор кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова, доктор философских наук *М.А. Слемнев*

Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 192 с.
ISBN 978-985-517-662-7.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам международных отношений и дипломатии новейшего периода всемирной истории. Сборник может быть полезен исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и современным состоянием международных отношений и дипломатии.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73

ISBN 978-985-517-662-7

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ	8
<i>Мазарчук Д.В.</i> Концепция «баланса сил» в творчестве Франческо Гвиччардини	8
<i>Егоров А.М.</i> Проблема эволюции принципов международного права и дипломатии в условиях первой общеевропейской войны 1618–1648 гг.	12
<i>Циватый В.Г.</i> Образ, личность и реноме французского дипломата в теории и практике дипломатии: от раннего нового времени до современности (историческая ретроспектива)	16
<i>Дорофеев Д.В.</i> Генезис внешней политики США: трансформация дипломатических систем в Европе (XV–XVIII вв.)	20
<i>Докучаев А.В.</i> Политическое и нравственное значение понятия «враг» в международных отношениях	23
<i>Акимов Ю.Г.</i> К вопросу о количественных методах оценки эффективности парадипломатии субъектов федераций	25
<i>Kulińska K.</i> Lingvistic Barriers in Modern Diplomacy – The Case of Sign Language	29
РАЗДЕЛ 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.). ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)	34
<i>Крупская С.Ю.</i> Внешняя политика нацистской Германии (вторая половина 1930-х гг.) и формирование образа врага	34
<i>Тодорова Р.В.</i> Конец иллюзии для коллективной безопасности (1936–1937 гг.)	38
<i>Урывский А.П.</i> Проблема выстраивания внешнеполитических курсов между Англией и Францией в контексте региональных конфликтов (лето 1936 г.)	42
<i>Тимошкова О.А.</i> Ревизия Версальской системы нацистской Германией: испанский плацдарм (вт. пол. 1930-х гг.)	46
<i>Малай В.В.</i> Испанский вектор внешней политики Италии накануне Второй мировой войны (1936–1939 гг.)	51
<i>Фомичев Н.Н.</i> Освещение участия британских добровольцев в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. (на примере консервативной прессы Великобритании)	55

<i>Барышников В.Н.</i> К.Г.Э. Маннергейм и проблема начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг.	57
<i>Жиров А.А.</i> «Линия Керзона» в советской дипломатии в 1941–1945 гг.	62
<i>Монин С.М.</i> Американская программа ленд-лиза и распространение ее действия на СССР	66

РАЗДЕЛ 3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1991 гг.)

<i>Величко Н.В.</i> Позиция партии «Объединение французского народа» (РПФ) и ее лидера Ш. де Голля по германскому вопросу в 1945–1949 гг.	71
<i>Podriez U.</i> Truman's Doctrine As an Instrument for Strengthening Diplomatic Influence and Control in Western Europe After the Collapse of the Model of Eurocentricity in the World in 1947	75
<i>Шенин С.Ю.</i> Формирование взглядов Дж. Кеннеди на проблемы «третьего мира» (1950-е гг.)	80
<i>Рубо О.П.</i> Влияние внешних факторов на развитие отношений ЕЭС – КНР (1970-е – конец 1980-х гг.)	86

РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

<i>Довгялло М.С.</i> Международный трибунал по бывшей Югославии: история и уроки	90
<i>Зуев И.В.</i> Роль Швейцарской Конфедерации в системе европейской безопасности	96
<i>Пипченко Н.А.</i> Внешнеполитическая практика США и ЕС в условиях цифровой дипломатии	103
<i>Погорская И.И.</i> Развитие единой Европы в сфере безопасности: особенности современного научного дискурса	109
<i>Соловей Т.Г., Вечер Л.С.</i> Феномен евроскептицизма в европейской политике	114
<i>Хришкевич Т.Г.</i> Миграционный кризис 2014–2015 гг. в ЕС: проблемы приграничного сотрудничества	117
<i>Бао Ин.</i> Борьба за мировое лидерство после распада СССР	121
<i>Косов А.П.</i> Трамповская Америка во внешнеполитической стратегии России: надежды и реалии	125
<i>Казамель А.С., Свилас С.Ф.</i> Участие Германии в миротворческих миссиях ООН	129

<i>Космач В.А.</i> Российско-германские отношения на современном этапе: факторы сближения и отторжения	132
<i>Ланчук К.А.</i> Инициатива «Один пояс, один путь»: Китай и страны Персидского залива	138
<i>Коломенская В.Д.</i> Коптский вопрос в египетско-американских отношениях	140
<i>Косов А.П.</i> Союзное государство Беларуси и России в геополитической системе координат (1999–2018 гг.)	145
<i>Прохоров А.М.</i> Политика России и ЕС на постсоветском пространстве: Беларусь и Украина в контексте международной интеграции ...	151
<i>Орехова М.С.</i> Российские регионы в современных интеграционных процессах	156
РАЗДЕЛ 5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2018 гг.)	160
<i>Бараноўскі А.В.</i> Віцебская губерня паміж БССР і РСФСР	160
<i>Свилас С.Ф.</i> Об истоках формирования архива МИД Республики Беларусь	164
<i>Краско Г.Г.</i> Внешние источники угроз государственной безопасности: деятельность иностранных спецслужб на территории БССР в 1945–1991 гг.	168
<i>Юрчак Д.В.</i> Роль белорусской делегации в переговорах в Беловежской пуще	172
<i>Вонсович Л.В.</i> Интеграция в рамках Евразийского экономического союза как приоритетное направление внешней политики Республики Беларусь	176
<i>Острога В.А., Бусел С.Ю.</i> Современное состояние и перспективы развития института таможенного атташе в Республике Беларусь	180
<i>Шереметьев С.И.</i> Внешняя культурная политика Россотрудничества в контексте совершенствования работы культурных центров Беларуси за рубежом	184
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня изучению международных отношений и дипломатии уделяется большое внимание во всем мире. Не является исключением и Республика Беларусь. Ежегодно в стране проводятся научные мероприятия, посвященные актуальным проблемам международных отношений, дипломатии и мировой политики.

На протяжении последних пяти лет подобные форумы проходят и в Витебске. Настоящий сборник является результатом работы уже III международной научно-практической конференции, посвященной исследованию международных отношений и дипломатии. Первая конференция состоялась в стенах Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 25–26 апреля 2013 г. и была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии второй половины XX – начала XXI в. Вторая конференция прошла 23–24 апреля 2015 г. В ходе ее работы рассматривались вопросы внешней политики, дипломатии и международных отношений в период новейшей истории (1918 г. – начало XXI в.). Третья конференция также охватывает период с 1918 по 2018 гг. Она традиционно прошла в ВГУ имени П.М. Машерова и собрала исследователей из различных научных и учебных учреждений и организаций Беларуси, России, Украины и Польши.

Хронологический и тематический диапазон проблем, рассмотренных на конференции, определен научными интересами ее участников. Обратим внимание на то, что представленные материалы основаны на введенных впервые в оборот источниках или же на новом оригинальном и весьма убедительном прочтении уже известных источников.

Так, с позиций современных достижений науки и состояния источниковой базы участниками научно-практической конференции рассмотрены теоретические аспекты международных отношений и дипломатии, вопросы становления и развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, дипломатия периода Второй мировой войны, актуальные проблемы действия Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, современной системы международных отношений, а также внешней политики и дипломатии Беларуси в 1918 г. – начале XXI в.

Сегодня у исследователей свои интерпретации актуальных вопросов международных отношений и дипломатии, что во многом обусловлено национальной спецификой, историческими и современными реалиями, а также собственным авторским видением той или иной рассматриваемой проблемы.

Организаторам научно-практической конференции важно было выявить как можно более широкий спектр мнений и оценок в рамках заявленных направлений конференции. И, на наш взгляд, это удалось.

В целом, материалы данного сборника скреплены единой научной канвой: они демонстрируют тот непреложный факт, что только в совместных обсуждениях событий прошлого и настоящего можно отыскать продуктивные пути к осмыслению столь сложного современного мира. Думается, его издание станет значимым вкладом в историографию международных отношений и дипломатии XX – начала XXI в.

Подготовка и издание сборника конференции является результатом плодотворного научного сотрудничества Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Института истории Национальной академии наук Беларуси и Республиканского института высшей школы в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) задания 1.1.04.

Надеемся, что активное научное сотрудничество ученых-международников из разных стран продолжится и в будущем. И ВГУ имени П.М. Машерова еще неоднократно будет площадкой для научных дискуссий в сфере международных отношений и дипломатии.

От редколлегии

Р А З Д Е Л 1

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

КОНЦЕПЦИЯ «БАЛАНСА СИЛ» В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

Д.В. Мазарчук (Минск)

В инструментарии теории международных отношений понятие «баланса сил» является, по словам Гленна Снайдера, «центральным теоретическим концептом» [8, р. 21–24]. В самом деле, несмотря на определённую многозначность или, скорее, многовариантность использования, данное понятие занимает одно из главных мест в работах по теории и истории международных отношений. К нему обращаются, в частности, тогда, когда возникает потребность описать определённое состояние взаимного позиционирования акторов в условиях угрозы возникновения гегемонии.

С исторической точки зрения понятие баланса сил чаще всего используют применительно к реалиям XVIII–XIX вв., хотя возводят обычно к эпохе итальянского Ренессанса [6; 9]. Своеобразие данной эпохи, несомненно, наложило отпечаток на специфику развития международных отношений. С начала Средневековья Апеннинский полуостров не имел политического единства, а понятие «Италия» оставалось сугубо историческим и географическим. На протяжении столетий итальянские государства вступали в конфликты между собой или, напротив, объединялись в союзы. При этом ни одно из них не могло превозмочь противников и занять доминирующие позиции в Италии. Следствием длительной борьбы стало складывание системы международного равновесия сил в границах итальянского региона.

Если обратиться к сочинениям видных историков и теоретиков политической науки – современников эпохи Итальянских войн, то станет заметен контраст, с которым они описывали события, предшествовавшие их началу и поход французского короля Карла VIII на Неаполь в 1494 г. (начавший Первую Итальянскую войну). В этих сочинениях 90-е гг. XV в. рассматриваются как своего рода рубеж между старым временем и новой историей, между периодом, когда страна «наслаждалась процветанием» (*aveva... Italia tanta prosperità*) и периодом «бедствий Италии» (*le calamità d'Italia*) [3, р. 1–2].

Одно из самых подробных и ярких описаний исторических событий указанного времени принадлежит флорентийскому дипломату Франческо Гвиччардини (1483–1540 гг.). В своей «Истории Италии» он описал события, происходившие на Апеннинском полуострове в период с 1490 по 1534 гг.,

когда Франция пыталась установить свой контроль над южным Неаполитанским королевством. Труд Гвиччардини является не только ценным источником по политической истории того времени. Характерная для автора рефлексия по поводу судеб Италии в конце XV в. даёт один из первых в историографии примеров теоретизирования на тему «баланса сил».

Несколько десятилетий, непосредственно предшествовавших военной экспедиции Карла VIII в Италию, историк определил как время мира и стабильности и, как следствие этого, процветания итальянских городских республик и монархий [3, р. 5]. Ключевым фактором, обусловившим мирное существование на протяжении десятилетий, Гвиччардини называет фактический баланс, установившийся между ведущими государствами Италии: Миланом, Неаполем, Венецией, Римом и Флоренцией. По мысли историка, формирование «баланса сил» было вызвано самой логикой событий: стремлением четырёх ведущих итальянских держав сдерживать экспансионистские устремления пятой – Венецианской республики [3, р. 3–4].

Со времён мирного договора в Лоди и последовавшего после него образования Итальянской лиги (1455 г.) названные государства объединились в союз, участники которого признавали существующие границы в качестве *status quo*, обещали не нарушать территориальную целостность и обязались помогать друг другу в случае нападения извне. В случае возникновения внешней угрозы члены лиги обязались оказывать друг другу вооружённую поддержку, для чего они должны были содержать постоянные военные силы.

Гвиччардини признавал, что этот альянс не был «искренней и верной дружбой». Напротив, союзники относились друг к другу с завистью и соперничеством (*emulazione e di gelosia*). Итальянская лига устанавливала на Апеннинском полуострове мир путём «взаимного срыва всех планов, в соответствии с которыми кто-либо мог стать более влиятельным либо знаменитым» [3, р. 5].

Этот вид «баланса сил» можно назвать «состязательным», в противоположность другому, также описанному флорентийским историком. Второй вид Р. Литтл называет «ассоциативным» [4, р. 76]. Речь идёт о деятельности флорентийского лидера Лоренцо де Медичи «Великолепного», который, согласно Ф. Гвиччардини, являлся апологетом сохранения мира в Италии средством взаимного сдерживания. Лоренцо считал, что любой военный конфликт создаёт основу для территориального приращения одного из его участников. Последнее, в свою очередь, приводит к угрозе последующего его чрезмерного возвышения и потенциальной угрозе превращения в итальянского гегемона. Заботившийся о безопасности родной Флоренции Лоренцо не мог допустить возвышения ни одного из потенциальных противников, поэтому предпринимал массу усилий для сохранения мира между пятью ведущими государствами Италии.

Начиная с неожиданного визита во враждебный лагерь во время войны с Неаполем в 1480 г. Лоренцо де Медичи вёл в регионе последовательную примиренческую политику. Он служил своего рода «уздой» для наиболее могущественных итальянских государств – Неаполя и Милана, постоянно сдерживая амбиции их правителей и предотвращая взаимное столкновение этих держав [3, р. 6].

Гвиччардини писал о Лоренцо де Медичи: «Зная то, что как для него самого, так и для Флорентийской республики грозит опасность, если один из ведущих правителей (*maggiore potentati*) усилится, он стремился любыми средствами поддерживать в итальянских делах баланс, т. е. гарантировать, что одна из сил не перевесит другую; [баланс,] который не может быть достигнут без сохранения мира и предотвращения с величайшей тщательностью малейших инцидентов» [3, р. 2–3].

Во второй половине XX в. в историографии произошёл пересмотр представлений о роли Лоренцо в формулировании идей дипломатии «баланса сил» и установления в Италии «всеобщего мира». На основании анализа взглядов флорентийского политика, содержащихся в его переписке с иноземными государями, дипломатическими агентами и частными лицами историки отвергли указанные представления как устаревшие. Судя по всему, «Великолепный» не верил в возможности всеобщего мира и действенность общей лиги итальянских государств, предпочитая придерживаться традиционного для своей семьи союза с Неаполем и Миланом. Понятие «баланса сил» впервые сформулировал близкий его семье Бернардо Ручеллаи; что касается Лоренцо де Медичи, то ему авторство этой идеи было приписано Ф. Гвиччардини [2, р. 216, 506–507].

Подобно любому другому правителю, Лоренцо являлся прагматиком, и то, что отвечало (пусть и по его только мнению) интересам Флоренции, использовалось им в полной мере с помощью всех доступных средств. Как отмечает М. Буллард, «дипломатия баланса сил... лучше всего может быть понята как дипломатия целесообразности, вырастающей из необходимости» [1, р. 45]. Именно целесообразность являлась определяющим фактором внешнеполитической активности Лоренцо.

Флорентийская республика времени «правления» там Лоренцо «Великолепного» была далеко не единственным примером использования политики «баланса сил». В той или иной мере все основные итальянские государства, включая Папскую область, следовали ей в целях собственной безопасности или по иным причинам. Для поддержания равновесия и недопущения чрезмерного возвышения одного из этих государств активно использовался механизм создания «частных лиг» [10, с. 49–51].

Войны и альянсы поддерживали баланс сил на Апеннинском полуострове [5, р. 82]. При этом если войны преследовали целью собственное возвышение либо уничтожение противника, то «частные лиги» являлись инструментом предотвращения возникновения в итальянском политиче-

ском пространстве чьей-либо гегемонии. Почти во всех случаях они создавались именно для этой цели, хотя были и исключения (когда две лиги противостояли одна другой).

С позиций сегодняшнего дня «частные лиги» можно расценивать как форму «ассоциативного баланса сил». Эти альянсы создавались с целью сдержать потенциального гегемона. Этот элемент был сугубо конъюнктурным, а значит отличался динамизмом. По словам Дж. Пиллини, система итальянского равновесия была «равновесием узких интересов» (*equilibrio di egoism*) [7, p. 52].

Ещё одним важным элементом сложившейся в Италии во второй половине XV в. системы «баланса сил» был страх перед вторжением извне. Не случайно современник Гвиччардини Никколо Макиавелли писал, что в период до похода Карла VIII у правителей пяти ведущих итальянских государств «было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах» [11, с. 333].

Гвиччардини расценивал нежелание допускать внешнее вмешательство в итальянские дела как один из неперенных атрибутов сложившейся системы межгосударственных отношений. Так, рассматривая сложившуюся после смерти в 1492 г. Лоренцо де Медичи ситуацию, флорентийский историк пишет о новых попытках пошатнуть эту систему со стороны миланского правителя Лодовико «Моро» Сфорца. Не осознавая, насколько губительным для больного может быть использование «сильнодействующего лекарства» (*medicina più potente*), «Моро» решил найти себе защитника за пределами Италии – в лице юного французского короля Карла VIII [3, p. 18]. Его действия в конечном итоге привели к вторжению французов в Италию и к неисчислимым бедствиям для жителей последней.

Ф. Гвиччардини, как историк Итальянских войн, описывая их причину и приведшие к ним события, фактически дал первый анализ системы «баланса сил». Основными элементами этой системы следует считать существование «всеобщей» Итальянской лиги с «частными» лигами, а также избегание вовлечения в дела Италии иноземных государей. Таким образом, сложившаяся во второй половине XV в. в Италии система межгосударственных отношений может быть охарактеризована как равновесная (описываемая понятием «баланс сил»).

За несколько лет, последовавших за смертью Лоренцо де Медичи правитель Милана Лодовико «Моро» Сфорца нарушил все основополагающие принципы сложившейся к тому времени системы. Во-первых, он разорвал союз с Неаполитанским королевством, отстранив от миланского престола своего племянника, женатого на дочери короля Ферранте. Во-вторых, «Моро» не сумел добиться поддержки папы Александра VI в новом «частном альянсе» (Лига св. Марка). Наконец, в третьих, он пригласил французского короля вторгнуться в Италию, чтобы восстановить свои ди-

настические права и избавить Лодовико от потенциальной угрозы со стороны неаполитанской династии. Приглашение Карла VIII Французского в Италию явилось началом длительного периода войн, изменивших облик политической карты Западной Европы.

Источники и литература:

1. Bullard, M. M. The Magnificent Lorenzo de' Medici; between Myth and History / M. M. Bullard // Politics and Culture in Early Modern Europe. Essays in Honor of H. G. Koenigsberger / ed. by Ph. Mack, M. C. Jacob. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – P. 25–58.
2. Gilbert, F. History: Choice and Commitment: A Selection of Essays / F. Gilbert. – Cambridge, Mass.; London, 1977. – 463 p.
3. Guicciardini, F. Storia d'Italia / F. Guicciardini. – Torino : Einaudi, 1971. – 1960 p.
4. Little R. Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models / R. Little. – Cambridge, N. Y. : Cambridge University Press, 2007. – 328 p.
5. Mattingly, G. Renaissance Diplomacy / G. Mattingly. – N. Y. : Dover Publications, 1988. – 284 p.
6. Nelson, E. W. Origins of Modern Balance of Power Diplomacy / E. W. Nelson // Medievalia and Humanistica. – 1943. – Vol. 1. – P. 124–142.
7. Pillinini, G. Il sistema degli stati italiani 1454–1494 / G. Pillinini. – Venezia: Universitaria editrice, 1970. – 167 p.
8. Snyder, G. H. Balance of Power in the Missile Age / G. H. Snyder // Journal of International Affairs. – 1961. – Vol. 14, № 1. – P. 21–34.
9. Vagts, A. The Balance of Power: Growth of an Idea / A. Vagts // World Politics. – 1948. – Vol. 1, № 1. – P. 82–101.
10. Мазарчук, Д. В. Баланс сил и политика альянсов в Италии во второй половине XV в.: к истории становления дипломатии Нового времени / Д. В. Мазарчук // Журнал международного права и международных отношений. – 2016. – № 3–4. – С. 47–52.
11. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Избранные сочинения / Н. Макиавелли. – М. : Художественная литература, 1982. – С. 301–378.

**ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПРИНЦИПОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ДИПЛОМАТИИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1618–1648 гг.**

А.М. Егоров (Псков)

Одним из ранних признаков перехода к буржуазной эпохе в международных отношениях можно с некоторыми допущениями считать возникновение первого общеевропейского вооруженного конфликта, т.н. Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., которая знаменовала зарождение новых политических механизмов поддержания баланса сил на международной арене и сопровождалась пересмотром некоторых принципов международного права и дипломатии.

В первой половине XVII века в Европе сложилась неустойчивая ситуация, обусловленная непримиримой борьбой ведущих на тот момент

держав за гегемонию как на самом континенте, так в определенной степени и за его пределами. При этом ни одна из противоборствующих сил долгое время не могла окончательно навязать свою волю противнику, что спровоцировало острейший военно-политический кризис, который прямо или косвенно затронул практически все основные страны континента и породил небывалый для современников виток насилия.

Международные противоречия особо остро заявили о себе в 1618 г., когда Чехия (Богемия), находившаяся в личной унии с австрийской династией, подняла антигабсбургское восстание, а затем заявила о своей независимости от Австрии и пригласила в качестве короля главу протестантской Унии курфюрста Фридриха V Пфальцского. Для Вены дело грозило закончиться повторением голландской буржуазной революции в ее восточноевропейском варианте.

Однако к концу 1619 г. политическая ситуация начала меняться в пользу австрийских Габсбургов, получивших серьезную финансовую и военную помощь от своего родственника Филиппа III Испанского (1598–1621). Осенью 1620 г. войска «зимнего короля» Фридриха Пфальцского были разбиты, сам он лишился титула курфюрста и бежал в Соединенные Провинции северных Нидерландов, а его германские владения были объявлены конфискованными.

Чешское восстание было воспринято в Мадриде как прекрасный повод для расширения сферы своего влияния в Европе. Весной 1620 г. Филипп III санкционировал оккупацию наследственных владений Фридриха Пфальцского на среднем Рейне. Дипломатическим прикрытием испанской интервенции являлся аргумент о необходимости нейтрализации агрессора, посягнувшего на личные владения Габсбургов.

В сентябре 1620 г. командующий Фландрской армии талантливый полководец Амбросио Спинола занял Нижний Пфальц (Палатинат), обеспечив господство Испании над значительной частью Рейнского бассейна, за исключением его голландской дельты.

Почти одновременно в ноябре 1620 г. по инициативе испанского наместника Милана герцога Ферия отряды католиков из Ломбардии и Тироля вторглись на территорию швейцарского кантона Граубюнден, устроив настоящую резню в долине Вальтелина, через территорию которой пролегла дорога из Северной Италии к верховьям Рейна (путь в Нидерланды) и Инна (путь в Австрию). Под давлением силы власти кантона были вынуждены уступить этот альпийский проход Миланскому герцогству, закрепив в 1621 г. акт аннексии специальным договором. В 1626 г. под давлением Франции он был пересмотрен, но и по новому соглашению Габсбурги сохранили свободу прохода через Вальтелину. Кроме того, от Граубюндена был отнят Нижний Энгадин и присоединен к австрийскому Тиролю.

В апреле 1621 г. Амбросио Спинола получает приказ передать командование в Палатинате генералу Гонсалесу Кордове, а самому спешить во Фландрию и возглавить наступление на Голландию. Таким образом, Испания

втягивается в войну с достаточно сильным государством, от которого она уже терпела поражения в прошлом. Решение внутренних проблем Испании отодвигается на неопределенный срок. Равновесие в Европе нарушается.

В феврале 1622 г. Спинола оккупировал Юлих, после чего усилил натиск на Соединенные Провинции, сумев овладеть в 1625 г. крепостью Бреда, которая считалась неприступной и занимала одно из ключевых мест в системе голландской обороны.

Однако сложный природный ландшафт, в условиях которого велись боевые действия, остановил дальнейшее продвижение испанцев, так как Рейн, впадая в Северное море, разделялся здесь на множество рукавов, образуя так называемый речной барьер. Цепь пограничных укреплений голландцев по рекам Эйсел, Ваал, Маас, Линг и Лек прорвать было почти невозможно. Поэтому война приняла затяжной характер.

В 1625 г. английский флот предпринял рейд против испанского побережья. Однако в 1627–1628 гг. он был переброшен на помощь французским протестантам (гугенотам), восставшим и осажденным королевской армией в своей главной цитадели Ла-Рошель. По этой причине Франция, занятая укреплением центральной власти и ликвидацией гугенотского «государства в государстве», временно уступила Габсбургам.

В 1627 г. после смерти бездетного герцога Мантуи, завещавшего свои владения в Северной Италии члену французской королевской семьи Карлу де Неверу, Испания оказалась вовлечена в еще один вооруженный конфликт. Опасаясь за южный фланг своих европейских коммуникаций, она в обход воли законного сюзерена договорилась о разделе мантуанского наследства с герцогом Савойи. Согласно этому договору левый берег реки По, включая город Мантую, отходил савойцам, а правый берег (Монферрат) с мощной крепостью Казале, прикрывавшей коридор Генуя – Милан, забирали испанцы [2, с. 192].

Но сопротивление мантуанских сторонников Невера, отказавшихся добровольно сдать крепости Монферрата, спутало данный план и привело к оттягиванию в Италию всех резервов, необходимых для активных боевых действий в Нидерландах. Для Габсбургов это означало потерю драгоценного времени, так как нейтралитет Франции не мог продолжаться вечно. Полководец Спинола, посетивший проездом из Брюсселя в Мадрид французский лагерь под Ла-Рошелью, был поражен размахом инженерных работ и не удержался от комплимента в адрес короля Франции Людовика XIII и его первого министра кардинала Ришелье [3, р. 352].

Прибыв 24 февраля 1628 г. ко двору испанского короля, Спинола доложил его Государственному Совету, что затягивание войны приближает экономический и политический крах Южных Нидерландов. Глава испанской администрации инфанта Изабелла уже стара, а ее правительство – слабо. Гражданское население, разоренное блокадой со стороны Голландии, находится на пороге бунта. Финансовое положение антверпенской

биржи близко к критическому. Фландрская армия, давно не получавшая жалованья, ропщет [3, р. 347].

С началом наступления в Германии войск шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632) испанцы были вынуждены отказаться от своих притязаний в Монферрате и сосредоточиться на помощи императору. В 1632 г. в битве под Люценом Густав Адольф погиб, но шведские отряды продолжали оккупировать значительную часть Германии. Вскоре они вновь начали продвигаться на юг, создав реальную угрозу габсбургским коммуникациям. В качестве контрмеры осенью 1633 г. наместник Милана герцог Ферия предпринял бросок через Швейцарию в северные предгорья Альп и захватил крепость Брейзах, которая господствовала над Верхним Рейном и являлась ключом к Эльзасу. Однако шведская проблема не могла быть решена обороной отдельных ключевых пунктов на «испанской дороге».

Кроме того, на Государственном Совете в Мадриде герцог Оливарес высказывал справедливые опасения относительно позиции французской короны в том духе, что «в случае захвата Людовиком XIII герцогства Лотарингского, который кажется весьма вероятным, будут нарушены последние связи между Германией и Фландрией, исключая лишь Кельнский путь. Сейчас, когда им оккупирована часть Эльзаса, только Брейзах охраняет путь из Италии в Германию. Его потеря окончательно блокирует дорогу между Италией и Фландрией» [4, р. 117].

В итоге Государственный Совет решил направить в Европу новую экспедиционную армию. Ее командующим был назначен младший брат Филиппа IV, талантливый военачальник кардинал-инфант Фердинанд (1609–1641).

В июле 1634 г. испанская армия, возглавляемая кардиналом-инфантом, выступила из Ломбардии в направлении альпийских перевалов. Уже в сентябре того же года, соединившись с войсками императора, принц Фердинанд наголову разгромил шведов в битве под Нердлингеном в Южной Германии. 17 апреля 1635 г., пройдя форсированным маршем через мятежные немецкие княжества, капитулировавшие одно за другим, кардинал-инфант торжественно вступил в Антверпен в качестве нового наместника Южных Нидерландов. Это событие отмечалось здесь как великий праздник. Триумфальная арка в честь победителя возводилась по эскизам Рембрандта, которые стали одной из последних работ великого мастера. Ликовали и в самой Испании.

Но уже через месяц Франция, которая после поражения шведов не могла больше продолжать борьбу с габсбургской коалицией чужими руками, открыто вступила в войну, выставив пять армий: для наступления в Южных Нидерландах, в Северной Италии, в Пиренеях, на Рейне и еще одну резервную. Очень скоро все стороны конфликта оказались настолько измотаны, что с 1640 г. начали вести закулисные консультации о перемирии, а с 1644 г. и официальные переговоры в городах Оснабрюке и Мюнстере в Вестфалии.

Вестфальский договор 1648 г. оказал серьезное влияние не только на текущую политическую расстановку сил в Европе. С его работой связывают начало утверждение идеи суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств, разделения светской и духовной власти, а также применение субъектами международных отношений в качестве инструмента давления на соперников коллективных санкций.

Достаточно популярным в истории международного права является мнение (оспариваемое некоторыми исследователями [1]), что в рамках Вестфальской модели миропорядка суверенитет (т.е. верховенство и самостоятельность публичной власти) впервые официально начинает рассматриваться как атрибут государства, а не монарха. Вопрос об этом в свете господства монархических форм правления в Европе до XIX века включительно, конечно, остается дискуссионным, но достаточно обоснованным представляется предположение о том, что отправной точкой зарождения некоторых актуальных политико-правовых идей последующих международных конструкций, действительно является только начинавшая апробироваться практика раннего Нового времени.

Источники и литература:

1. Тешке, Б. Миф о 1648 годе. Класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
2. Черкасов, П. П. Кардинал Ришелье / П. П. Черкасов. – М. : Международные отношения, 1990. – 384 с.
3. Elliot, J. H. The Count-Duke of Olivares: The Statesman in an Age of Decline / J. H. Elliot. – New Haven and London : Yale University Press, 1988. – 738 p.
4. Elliot, J. H. Richelieu and Olivares / J. H. Elliot. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1984. – 200 p.

**ОБРАЗ, ЛИЧНОСТЬ И РЕНОМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ДИПЛОМАТИИ:
ОТ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ
(ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА)**

В.Г. Циватый (Киев)

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии от раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) до современности, автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии Франции в общеевропейском и институционально-цивилизационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект именно в контексте влияния общественно-политической мысли на процесс формирования внешнеполитической стратегии Франции, на развитие и институ-

ционализацию дипломатических служб в государствах Европы в временно-пространственном измерении, и формирование ментальных установок, институционально-психологических, внешнеполитических и дипломатических идеологием в политико-психологической конструкции идей относительно формирования и трансформации европейской системы государств в XVI–XVIII веках и последующие исторические эпохи [4, с. 287–294].

Репута́ция (англ. *reputation*), реноме́ (фр. *Renommée*) – это закрепившееся в обществе определённое мнение о человеке или группе людей, в т.ч. и о дипломатах. Дипломаты на практике должны были подтверждать своё реноме. Репутация – мнение группы субъектов (представителей социума) о человеке, группе людей или организации на основе определённого критерия (более научно – это социальная оценка). Репутация является важным фактором во многих сферах деятельности человека. Социальная оценка деятельности дипломата, его положительное реноме играли важную роль в его дипломатической карьере как в эпоху Средних веков и раннего Нового времени, так и в Новейшее время. Репутация (реноме) дипломата – это развёрнутый комплекс оценочных представлений о его профессиональной деятельности, жизненных и социальных принципах [11, р. 20–31].

В яркой палитре истории Франции, в теории и практике европейской дипломатии, видное место занимают дипломаты как личности и индивидуальности, а также модель французской дипломатии, французская дипломатия как институция (профессиональная школа), с деятельностью которой связывают блестящие внешнеполитические успехи и опасные концепции, которые позволяли этому государству последовательно отстаивать свои национальные интересы даже в самые трудные моменты ее истории и цивилизационного развития. А умелое, почти филигранное сочетание военной мощи, безопасности, дипломатических тонкостей, протокола и международного этикета, внешнеполитических стратегий и дипломатического мастерства непременно обеспечивало Франции место в авангарде европейских наций, которое она занимает и сегодня [5, с. 371–377].

В течение многих столетий Франция играла ведущую роль в европейской и мировой политике. В эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), наряду с возникновением и эволюцией европейской системы государств, происходит объективно обусловленный процесс институционального оформления европейской общественно-политической мысли и закономерный процесс ее влияния на становление и трансформацию, соответствующее развитие теории внешней политики и моделей дипломатии государств Европы [3].

Именно в этот период во Франции происходит институциональный процесс перестройки политической и дипломатической систем в контексте формирования новой европейской системы государств.

Одной из главных задач Франции, и ее институтов дипломатии эпохи раннего Нового времени, стало идеологическое обоснование своей приоритетности в межгосударственных отношениях и корреляция ее внешнеполи-

тического курса и внешнеполитических стратегий. Французская дипломатия в новом статусе направила свои усилия на выход на международный плацдарм в качестве реального международного актора, например, Франции [6].

Раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) было для европейского общества трансформационным периодом, временем разноплановых изменений и инноваций. Наиболее четко новые тенденции проявили себя в формировании нового французского общества в целом, и в частности – формировании ментальных установок и личности нового типа дипломатии и дипломатов под влиянием европейской общественно-политической мысли раннего Нового времени. Одним из таких факторов влияния служило распространение во Франции практики книгопечатания как нового направления распространения информации во французском обществе, распространению идеологием от внешнеполитической теории к политико-дипломатической прагматике [12, р. 76–94].

В новых политических условиях формируются и новые идеологемы, новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, новые внешнеполитические стратегии и модели [7].

Попытка построить обобщенную модель политико-дипломатической мысли (стратегий, идеологием, концептов, теорий и тому подобное) начала особой, трансформационной эпохи, конечно, не является исчерпывающей и окончательной. Практически все вышеупомянутые подходы в той или иной степени приближают нас к раскрытию и пониманию своеобразия взглядов на дипломатию и внешнюю политику государства, а, соответственно, помогают также составить представление о людях тогдашней эпохи, их мировоззрение, идеологемы и ментальные установки [9].

Эпоха раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) – это период трансформации и институционализации принципиально нового общественно-политического порядка в Европе, образованного территориальными государствами, и формирования новой институционально-дипломатической практики и внешнеполитических стратегий государств. Понимать идеологему, значит понимать целую идеологию, в частности новую внешнеполитическую идеологию, внешнеполитическую стратегию Франции в контексте европейского лидерства, междоцивилизационного диалога и трансформации системы межгосударственных отношений. Очень важным источником информации о дипломатических практиках Франции исследуемого периода являются – дипломатические документы [10]. Они содержат исчерпывающий материал и информацию о деятельности, функциях и образе дипломата Франции эпохи раннего Нового времени [8].

В работах современников исследуемого периода мы можем проследить зачатки классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые (военные) инструменты внешней политики. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничест-

во); переговорный процесс; портрет дипломата (личные качества, требования к профессиональным качествам, образование) [2].

В эпоху раннего Нового времени в Европе уже сформировался традиционно европейский образ дипломата (личность дипломата). Интеллектуальная Европа создала институциональную модель и новый образ дипломата, с дипломатическим иммунитетом, моральными качествами и формальным статусом [1, с. 196–203].

Рассматривая образ, личность и реноме французского дипломата в Новое и Новейшее время, в исторической ретроспективе, следует констатировать, что сформировавшийся в раннее Новое время институционально-психологический традиционный портрет французского дипломата продолжает наследоваться и его модель представлена и адаптирована в последующей теории и практике дипломатии указанных эпох.

Таким образом, можно констатировать, что важными составляющими характеристики дипломатических практик раннего Нового времени и Новейшего времени являются внешние силы, воздействующие на личность дипломата извне или проникающие в его душу и образ. В отличие от других чувств эмоции имеют социокультурную обусловленность, они возникают в процессе коммуникации и предполагают не рациональный анализ, а внутреннюю включённость в процессы.

Рациональные и иррациональные эмоции – их сочетание и составляет особенности дипломатических практик и деятельности дипломатов Франции эпохи Средневековья и раннего Нового времени, и в этот период уже ставится вопрос о требованиях контроля над эмоциями, хотя взгляды на пределы такого контроля различаются в дипломатических и ментальных установках системы ментальных координат в международно-политическом контексте.

Личность дипломата, его реноме, приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) и последующих эпох – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии и в военное, и в мирное время.

В XVI–XVIII веках в модели дипломатии Франции (французская модель дипломатии) приоритетной становится тенденция к повышению формального значения практических полномочий дипломата вместе с сохранением важности функции репрезентации и коммуникации.

Французский посол эпохи раннего Нового времени должен был проявлять все свои лучшие качества и в целом уже соответствовал общеевропейским канонам дипломатического искусства.

Реноме (репутация) французского дипломата – имидж его государства. Язык дипломатического протокола и этикета международной вежливости уже становится языком межгосударственного общения и дипломатических практик.

Традиционализм является характерной чертой современной теории и практики французской дипломатии, и в частности французской модели

дипломатии (как исторической, так и современной). Современный французский дипломат свято чтит исторический традиции, но в то же время – уверенно держит ответ на новые вызовы и угрозы глобализированного современного полицентричного мира XXI века.

Источники и литература:

1. Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени: Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 416 с.
2. Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 231 с.
3. Цатурова, С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков / С. К. Цатурова. – М. : Наука, 2012. – 638 с.
4. Циватый, В. Г. Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект / В. Г. Циватый // Codrul Cosminului. – 2012. – Т. XVI, № 2. – Р. 287–294.
5. Циватый, В. Г. Дипломатична служба Франції доби раннього Нового часу (XVI–XVIII століття): інституціональні основи, модель, національні особливості / В. Г. Циватый // Древнее Причерноморье: Сборник научных статей / VIII Чтения памяти П. О. Карышковского. – Одесса : А. С. Фридман, 2008. – Вып. 8. – С. 371–377.
6. Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVII-e siècle / B. Barbiche. – P., 2001. – 396 p.
7. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Reaktion Books, 2010. – 312 p.
8. Commynes, Ph. de. Mémoires / Ph. de Commynes. – Paris, 1924–1925. – Т. 3.
9. Dumont, J. Corps universelle diplomatique du droit des gens / J. Dumont. – Amsterdam, 1726. – Т. 3. – Pt. 2.
10. Flassan, G. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, ou de la politique de la France, depuis la fondation de la Monarchie, jusqu'à la fin du règne de Louis XVI / G. Flassan. – Paris, 1811. – Т. 1.
11. International Relations. Edited by Stephen McGlinchey. – Bristol, England, 2017. – Part I: DIPLOMACY. – P. 20–31.
12. Le Goff, J. Les mentalités: une histoire ambiguë / Ed. J. Le Goff, P. Nora // Faire de l'histoire. III. – Paris, 1974. – P. 76–94.

**ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В ЕВРОПЕ (XV–XVIII вв.)**

Д.В. Дорофеев (Симферополь)

Уменьшение религиозного фактора и коалиционная природа войн XVII–XVIII вв. вели к дальнейшему развитию дипломатии и внешнеполитических ведомств со своими структурами и бюрократическим штатом: в 1718 г. петровские реформы в Российской империи трансформируют Посольский приказ в Коллегию иностранных дел, в 1723 г. образуется должность Государственного секретаря по иностранным делам во Франции,

в 1727 г. должность государственного канцлера в Австрийской империи, в 1736 г. основывается должность государственного секретаря иностранных дел и войны в Португалии, в 1782 г. учреждается пост Министра иностранных дел в Великобритании [4, с. 431]. Однако влияние создаваемых институтов на процесс генезиса внешней политики и международных отношений было невысоким, так как сказывался контроль со стороны монархов и вмешательства министров [6, р. 112–113].

Несмотря на то, что на протяжении XVI–XVIII вв. в Европе завершилась институционализация внешней политики, сам этот процесс не был связан с революцией в дипломатии: не получили повсеместного применения такие ключевые изменения, как специализация функции, инфраструктура дипломатических представительств, персонала и делопроизводства, работа системы карьерного продвижения по заслугам и стажу, бюрократическая профессионализация [2, с. 292–293; 3, с. 190].

Европейская система дипломатии предполагала развитие двусторонних отношений: документы Вестфальских конгрессов (1648 г.) окончательно закрепили институт постоянных дипломатических представительств, перечислили иммунитеты и привилегии дипломатических агентов. К началу Просвещения в европейских государствах появился многочисленный дипломатический корпус. Эта практика восходила к опыту городов-государств Средней и Северной Италии конца XV в. в – Венеции, Генуи, Милане, Флоренции, Пизе. Взаимоотношение этих субъектов международных отношений друг с другом, а также с ведущими европейскими государствами Европы – Францией, Англией, Испанией, Священной Римской империей, Скандинавскими странами, привели к тому, что на протяжении XVI–XVII вв. в государствах Европы, столь нуждавшихся в системе дипломатических отношений, начинает распространяться и применяться итальянская модель дипломатической службы. Таковая основывалась на четырех постулатах: 1) система взаимных постоянных дипломатических представительств; 2) создание государственных внешнеполитических канцелярий; 3) формирование бюрократического аппарата в сфере реализации внешней политики государства; 4) появление особого типа дипломатической корреспонденции и дипломатических архивов [1, с. 10–12]. Следует отметить, что в историографии ряд специалистов, считает, что в основе итальянской модели дипломатии лежал принцип аморальности: государственные интересы оправдывали все в международных отношениях [7, р. 27, 31].

Адаптация итальянской модели породило к жизни новую модель: на рубеже XVII в. и XVIII в., с возвышением Франции, при короле Людовике XIV, образуется французская дипломатическая модель. В отличие от итальянской, она предполагала профессионализацию дипломатической службы, подразумевавшей создание институтов по подготовке дипломатов, ведения более аккуратного переговорного процесса и дипломатической корреспонденции, искусство ведения переговоров, принципы государственных интересов. Переговорный процесс было превращен в ключе-

вой внешнеполитический механизм. При формировании государственных интересов элиты руководствовались рационализмом и не следовали средневековой традицией веры в универсальность общих христианских ценностей [9, р. 102]. Практически весь XVIII в. прошел при взаимовоздействии двух моделей дипломатии [5, р. 87].

В то время как в классический период дипломатии, начавшись в 1648 г., ознаменовавший постепенное сосредоточение управления внешней политикой в руках исполнительной власти, в США первые дипломатические институты создавались непосредственно представительными органами, что радикально отличает модель их создания от Англии и большинства стран Западной Европы. В течение 1775–1789 гг. они подчинялись законодательным, а не исполнительным структурам власти [8, р. 7]. Но при этом европейские процессы, связанные с развитием моделей дипломатии, создавали системообразующие направляющие для зарождения и становления внешней политики США. Рационализм, принципы государственных интересов, профессионализм дипломатии, институциональный контроль над внешней политикой были адаптированы отцами-основателями Соединенных Штатов из европейского опыта.

Источники и литература:

1. Ивонин, Ю. Е. У истоков европейской дипломатии нового времени / Ю. Е. Ивонин. – Минск : Изд-во «Университетское», 1984. – 160 с.
2. Циватый, В. Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового Времени (Теоретико-методологический аспект) / В. Циватый // „Codrul Cosminului”. – 2012. – Vol. XVIII, №. 2. – Р. 287–294.
3. Циватий, В. Теорія і практика дипломатії європейських держав раннього Нового Часу (XVI–XVIII ст.): інституціональний аспект / В. Циватий // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2012. – Вип. XXXIII. – С. 187–192.
4. Черняк, Е. Б. Система международных отношений в Европе в XVIII веке (до 1789 г.) / Е. Б. Черняк // История Европы : в 8 томах. – М. : Наука, 1994. – Т. 4. Европа нового времени (XVII – XVIII века). – С. 430–456.
5. Anderson, M. S. The Rise of modern diplomacy: 1450–1919 / M. S. Anderson. – Harlow: Longman, 1993. – 320 p.
6. Black, J. A History of diplomacy / J. Black. – London : Reaktion, 2010. – 312 p.
7. Nicolson, H. Evolution of diplomatic method / H. Nicolson. – London : Constable, 1954. – 97 p.
8. Plischke, E. U.S. Department of State : a reference history / E. Plischke. – Westport : Greenwood press, 1999. – 763 p.
9. Watson, A. Diplomacy: The Dialogue between States / A. Watson. – London : Eyre Methuen, 1982. – 239 p.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВРАГ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.В. Докучаев (Москва)

Понятие врага выражает волю к нравственному и политическому различению. Различие реализует себя как осознание принадлежности к определенной политической или культурной общности. То, что эллины в силу культурной, государственной и родственной принадлежности составляют единую общность, служит для Платона доказательством невозможности квалифицировать (даже понятийно) противостояние внутри Эллады как аналогию внешнего противоборства. Платон не называет войной вооруженную борьбу между греческими полисами, используя для этого понятие раздора. Сфера политического и культурного различения проявляется в противопоставлении эллинского и варварского мира: сражение эллинов с варварами, их вражда называются не раздором, но войной, так как они враги по самой своей природе.

В древнейшей письменной форме фиксации римского права (*Leges XII Tabularum*) констатируется необходимость предавать смертной казни того, кто подстрекает врага римского народа к нападению на римское государство (греческий аналог дефиниции «враг народа» – «враг афинян», которому вменялось в вину стремление разрушить афинскую демократию). Латинское смысловая дихотомия *inimicus* (личный недруг) – *hostis* (политический враг, враг народа) закрепляет эту волю к различению и по отношению к внутренним врагам. Русская традиция в структуре смыслов слова «враг» (противник, супостат, неприятель, противник рода человеческого и т.п.) выявляет несколько основных, сущностно важных вариаций. Во-первых, враг – отверженный, кого извергли из родовой группы. Во-вторых, супостат. Противоположность слов «супостат» и «враг» подчеркивает В.В. Колесов: враги постоянны, супостаты же становятся явными во время сражения (князь половецкий – постоянный враг Руси). Враг вездесущ, тогда как супостат на виду, на линии боя – именно на это отличие от противника и врага и важно указать. «Супостат и враг» – это соответствие греческому «*polemios hegeteosis* – «выступивший против тебя враг» [2, с. 70]. Наконец, врагом называют нечистую силу, дьявола. У злой силы вообще нет никаких врагов, враг – это форма ее собственного бытия. В политических интерпретациях существует не менее четкая грань «свои» – «чужие».

«Чужое» понимается в его тотальности, как отрицание самой возможности нашего самостоятельного бытия. Таким же образом «враг» есть отрицание чужого, нравственное различие. «Такое различие, – писал Гегель в сочинении «Система нравственности», – есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве «ничто» врага и это «ничто» для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы. Для нравст-

венного этот враг может быть лишь врагом народа, а точнее лишь каким-то народом» [1, с. 331].

В XVIII веке появляется идея внутренней войны, как условия выживания общества, защиты от опасностей, появляющихся в самом социальном организме. Принцип «врага народа» как «внутреннего врага» с особой тщательностью зафиксирован в известном Декрете от 10 июня 1794 года во время Великой французской революции. В этом документе объявляется об учреждении революционного трибунала для наказания врагов народа. Термин «враг народа» трактуется максимально широко, в эту категорию может попасть практически каждый: лица, стремящиеся уничтожить общественную свободу или Национальный Конвент и революционное правительство; изменившие республике; мешающие снабжению Парижа продовольствием; распространяющие ложные слухи; содействующие планам врагов Франции; старающиеся ввести в заблуждение общественное мнение; развращающие общественные нравы и совесть; пытающиеся ослабить энергию и чистоту революционных и республиканских принципов и т.п. По отношению к врагам народа устанавливается только один вид наказания – смертная казнь. Впрочем, еще до этого декрета, а именно в феврале 1794 года был принят Декрет Конвента о секвестре имущества врагов революции. Однако более поздний акцент, обусловивший стремление к слиянию политического и нравственного смысла категорий «враг революции» и «враг народа», выявил очевидное преимущество последнего концепта (идеологически более гибкого и исторически более традиционного). Согласно этой логике формировали свой политический язык и большевики в России.

В логике международных отношений постепенно закрепляется категория «враг человечества» (как вариант: враг «цивилизованного человечества»). Данный концепт фактически уравнивает какое-либо политическое сообщество (или группу, личность) с религиозным понятием «врага человеческого рода». Так как человечество не может быть врагом самому себе, то логически и понятийно определенный народ перестает быть частью человеческого сообщества. Соответственно, этот народ может быть демонизирован и объявлен «чудовищем из морских глубин» (как представители Госдепартамента США называют современную Россию) или любой другой инфернальной силой. Эта терминологическая подмена позволяет не утруждать себя доказательствами собственных утверждений, маскировать реальные политические интересы и цели и оправдывать совершенно бесчеловечное отношение к противнику. В настоящее время в связи с провокационным «отравлением» в Солсбери, России объявлен прямой дипломатический ультиматум: или признать себя врагом человечества (если согласиться с ложным авторством применения химического оружия на территории Великобритании), или объявить о неспособности гарантировать нераспространение технологий производства химических отравляющих веществ (следовательно, показать структурную и организационно-политическую неполноценность российского государства). В последнем случае речь неизбежно пойдет

об экстерриториальном международном контроле над российскими вооружениями и оборонными разработками. Это уже военный вызов. Поэтому современная дипломатия находится в непредсказуемой кризисной стадии. В сущности, в мировой политике XXI века Запад ориентируется не на поиск сотрудничества и компромиссов в рамках международного права, а на голую стратегию собственного выживания, которая может быть обеспечена только тотальным доминированием.

Таким образом, категория «враг» отражает одно из фундаментальных свойств политического бытия. Пока существуют политические и нравственные различия, то в прямом или замаскированном виде государство будет воспроизводить проблему дифференциации противников. Причем любое политическое сообщество, отказавшееся от тяжести данного различия, обречено на потерю собственного суверенитета в международных отношениях.

Источники и литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – 439 с.
2. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДАХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРАДИПЛОМАТИИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИЙ

Ю.Г. Акимов (Санкт-Петербург)

Активизация международной деятельности субнациональных акторов (городов, регионов, муниципалитетов и др.) – одна из отличительных черт международных отношений конца XX – начала XXI в. Среди всего многообразия данных акторов выделяются субъекты федераций: провинции Канады, земли ФРГ и Австрии, штаты США, Мексики, Бразилии, Австралии, субъекты Российской Федерации и т.д. С одной стороны, это связано со спецификой их правового статуса (наличием ограниченного суверенитета), с другой – с количественными показателями (ряд субъектов по территории, населению и объему ВВП превосходят средние европейские государства). Многие субъекты федераций поддерживают контакты с зарубежными партнерами различного уровня, участвуют в деятельности международных организаций, осуществляют культурные и гуманитарные проекты, проводят собственную иммиграционную политику. Одной из важных задач, стоящих перед исследователями международной деятельности (парадипломатии) субъектов федераций, является выработка методов оценки данной деятельности, определение критериев ее эффективности. В данной статье будет рассмотрена методология, предложенная мексиканским политологом Хорхе Скъявоном для оценки внешних связей мексиканских штатов, и про-

анализированы перспективы ее использования применительно к субъектам других федераций, в том числе Российской Федерации.

Основоположники североамериканской школы исследований парадипломатии (Джон Кинкейд, Ханс Мичелман, Панайотис Сольдатос), выделили несколько основных направления международной деятельности, характерные для большинства субъектов федераций, развивающих собственные внешние связи. Это продвижение экспорта, привлечение инвестиций, участие в международном сотрудничестве, а также вопросы иммиграционной политики и/или политики, нацеленной на поддержание эмигрантов и укрепление связей с ними [3]. Другой видный представитель данной школы Иво Духачек отметил, что в настоящее время международная деятельность субъектов федераций осуществляется как минимум шестью способами. Во-первых, это открытие ими представительств в столицах суверенных государств и/или в крупных городах; во-вторых, организация и широкое освещение в СМИ зарубежных визитов представителей местных властей; в-третьих, направление за границу миссий чиновников; в-четвертых, организация международных мероприятий или выставок местной продукции; в-пятых, углубление отношений с другими субъектами федераций как на региональном, так и на глобальном уровне; в-шестых, участие в работе международных организаций и форумов [3].

Отталкиваясь от этих базовых положений, Х. Скъявон предложил измерить уровень «международного участия» мексиканских штатов по трем показателям: институциональная структура, экономическая активность, политическая активность. Каждый показатель оценивается условной величиной – единицей. Таким образом, максимально можно набрать три единицы. Если по сумме всех показателей субъект набирает менее единицы, уровень его международной активности считается низким, если он набирает больше единицы, но меньше двух – средним, больше двух, но меньше трех – высоким и, наконец, три единицы соответствуют очень высокому уровню [6].

Первый показатель – институциональная структура оценивается следующим образом. 0,5 единицы начисляется в случае наличия в субъекте бюрократической структуры, отвечающей за его внешнеэкономические связи на уровне отдела/дирекции в рамках местного министерства экономики либо аналогичного министерства. Еще 0,5 единицы дается при наличии специального органа, отвечающего за внешние связи либо координирующего их на уровне штата.

Оценка экономической активности производится по пяти критериям, каждый из которых соответствует 0,2 единицы. Первый предполагает наличие местных программ, фондов, консалтинговых агентств и т.п., занимающихся содействием экспорту и привлечением инвестиций. Вторым связан с осуществлением для этих же целей зарубежных визитов местных руководителей и чиновников, посещением ими международных выставок, ярмарок и т.п. Третий отражает наличие базовых соглашений о сотрудни-

честве в сфере экономики с иностранными партнерами. Четвертый касается непосредственного участия этих партнеров в местных проектах (финансирование, предоставление технологий и т.п.). Пятый – открытие за границей офисов с целью продвижения местных экономических интересов.

Политическая активность оценивается аналогично экономической (пять критериев по 0,2 единицы каждый). Первый – зарубежные «визиты вежливости». Второй – визиты, с целью поддержания контактов с эмигрантами, а также другая деятельность, направленная на поддержку соотечественников за рубежом. Третий – заключение рамочных соглашений о сотрудничестве с иностранными партнерами. Четвертый – членство в международных структурах или рабочих группах регионального / трансграничного уровня. Пятый – членство в международных организациях глобального уровня.

Применяя данную шкалу к мексиканским штатам, Х. Скъявон отметил общий рост их международной активности в период между 2004 и 2009 гг., выразившийся в частности в том, что к концу этого периода не осталось штатов с низким показателем (менее единицы). Что же касается их деления на три группы, – со средним, высоким и очень высоким показателем, то оно объясняется тремя факторами: экономическим (уровень дохода), политическим (совпадение / несовпадение партийной принадлежности администрации штата и федерального центра) и географическим (приграничное положение, близость/удаленность от той или иной границы). При этом наибольшее значение имеет экономический фактор – субъекты, имеющие более высокий уровень развития экономики, более активны на международной арене. Политический фактор играет меньшую роль, поскольку совпадение партийной принадлежности может как стимулировать международную деятельность штата, так и тормозить ее и наоборот. Что же касается географического фактора, то в случае с Мексикой наибольшее значение имеет наличие у того или иного штата границы с США – основным торгово-экономическим партнером, главным центром притяжения иммигрантов, и, что немаловажно, федеративным государством, субъекты которого также активно развивают внешние связи.

Безусловно, данная методика, представляется небесспорной. Так, прежде всего, не совсем понятно, почему при оценке экономического и политического показателей все критерии имеют одинаковое количественное выражение – 0,2, хотя очевидно, что и с точки зрения затрат, и с точки зрения эффективности они различны. Содержать зарубежное представительство (а тем более, несколько представительств) гораздо труднее и дороже, чем принять программу содействия экспорту или создать виртуальное агентство или фонд. То же самое касается заключения рамочных соглашений (их может быть подписано очень много, но, при этом, они могут не иметь реального наполнения) и членства в международных организациях, требующего больших усилий и затрат.

Кроме того, среди факторов, определяющих уровень парадипломатической активности мексиканских штатов, отсутствует фактор идентичности. Практика показывает, что наибольшую активность на международной арене часто проявляют субъекты федераций, обладающие этнокультурной / этно-национальной спецификой, продвижение которой является важной составляющей их парадипломатии – так называемой идентификационной парадипломатией [4, р. 73–74]. Это канадская провинция Квебек, Фламандский и Валлонский регионы Бельгии, многие республики в составе Российской Федерации [1]. В Мексике данный фактор необходимо учитывать при рассмотрении международной деятельности штата Чьяпас – самого «индейского» штата Мексики, с начала 2000-х гг. поддерживающего контакты с несколькими десятками государств (хотя, конечно, главным фактором здесь было восстание Сапатистов, привлечшее к этому штату внимание всего мира).

Несмотря на это, данная методика может быть применена к международной деятельности российских регионов, которые стали выходить на международную арену с начала 1990-х гг., когда после распада СССР в России начался процесс перехода к рынку и создание новой политической системы. В Мексике штаты начали развивать внешние связи почти в это же время и в сходных обстоятельствах – в период неолиберальных реформ середины 1980-х – начала 1990-х гг. [5].

В количественном выражении у значительной части субъектов Российской Федерации уровень развития парадипломатии будет высоким (более двух единиц). Это связано с рядом обстоятельств. Так, большинство республик, краев и областей имеют в структуре своих правительств органы, занимающиеся внешними и внешнеэкономическими связями (комитеты, департаменты и т.п.). Это означает, что первый показатель у них равен единице. Второй показатель также высок и варьируется незначительно – от 0,8 до 1. Разница здесь связана с тем, что далеко не все регионы имеют представительства за рубежом. Разброс по третьему показателю более значителен: если «визиты вежливости» и рамочные соглашения о сотрудничестве с зарубежными партнерами распространены достаточно широко, то связи институционализированные связи с соотечественниками за рубежом поддерживают далеко не все. К тому же их уровень весьма различен (вряд ли можно сравнивать Всемирные конгрессы татар, проводимые при активной поддержке властей Татарстана, и заседания «Всемирного клуба петербуржцев»). Также далеко не все субъекты Российской Федерации участвуют в деятельности международных организаций регионального (и тем более глобального уровня) уровня.

Что касается трех факторов, определяющих степень парадипломатической активности субъектов федераций, то в случае с российскими регионами, наиболее важными будут экономический и географический факторы. Очевидно, что уровень развития экономики субъекта в большинстве случаев напрямую коррелирует с уровнем развития его внешних связей. Политический

же фактор не играет значительной роли, по крайней мере, в том виде, в каком это имеет место в Мексике, поскольку говорить о партийно-политических расхождениях между регионами и центром не приходится. Географическое положение и, прежде всего, «фактор границы» работает достаточно выборочно. В отличие от Мексики, где все северные штаты, граничащие с США, демонстрируют высокий уровень международной активности, субъекты Российской Федерации, граничащие со странами Евросоюза, отличаются достаточно большим разбросом показателей. Так, если Республика Карелия активно развивает трансграничное сотрудничество с прилегающими районами Финляндии и международные связи в целом (в том числе в рамках еврорегиона Карелия) [2], то пограничное положение Псковской области не столь существенно влияет на ее внешние связи.

Следует также подчеркнуть, что большое значение для международной деятельности субъектов Российской Федерации имеет этнокультурный фактор.

Источники и литература:

1. Акимов, Ю. Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федерации / Ю. Г. Акимов // Управленческое консультирование. – 2016. – № 2. – С. 25–33.
2. Яровой, Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса [Электронный ресурс] / Г. О. Яровой // *Studia Humanitatis Borealis*. Научный электронный журнал. – 2013. – № 1. – С. 28–41. – Режим доступа: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=2903>. – Дата доступа: 29.03.2018.
3. *Federalism and International Relations: the Role of Subnational Units* / Ed. by H. Michelmann and P. Soldatos. – Oxford : Clarendon Press, 1990. – 336 p.
4. Paquin, S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation* / S. Paquin. – Bruxelles : P.I.E. Peter Lang, 2004. – 189 p.
5. Schiavon, J. A. *La Proyección Internacional de las Entidades Federativas: México ante el Mundo* / J. A. Schiavon. – México : Instituto Matías Romero : SRE, 2006. – 149 p.
6. Schiavon, J. A. *Sub-State Diplomacy in Mexico* / J. A. Schiavon // *Regional Sub State Diplomacy Today* / Ed. by D. Crikemans. – Leiden; Boston : Martinus Nijhoff, 2010. – P. 65–98.

**LINGUISTIC BARRIERS IN MODERN DIPLOMACY –
THE CASE OF SIGN LANGUAGE**

K. Kulińska (Wrocław)

One of the key elements of diplomacy, regardless of time and space, is language. Diplomacy can even be defined in terms of communication – as a “regulated process of communication” or “communication system of modern diplomacy” [3, p. 75]. But language is not just a communication tool. Language is at the same time a carrier of cultural code which determines its meaning – inaccurate use of it may even lead to serious violation of the diplomatic protocol

and sometimes, also unconsciously, to inaccuracies in the creation and discrepancy in the application of international law (both treaties and soft law instruments) – such cases were noted even in antiquity [3, p. 72]. In the context of international relations, the use of a given language also brings many other additional information: it can be an expression of tradition, etiquette, using a host language may be a way to show respect or when using the third language as a common reference framework is supposed to help to avoid inaccuracies and achieve greater precision when applying certain terms. In a simplified way, it can be said that the basic value of a language in diplomacy is its functionality. “The problem of achieving shared meanings has been central to diplomatic communication throughout the ages” and therefore “there has always been a tendency toward developing a *lingua franca* of diplomacy” [3, p. 72].

Despite its deep historical roots, the evolution of diplomatic languages can be briefly characterized as a transfer from Latin through French to increasing importance of English. However, that would be true mostly for western countries, where in eastern Asia for example the Chinese would be considered equivalent for Latin as it was understood by the most people. Overall, we may refer to Latin as language of proto-diplomacy, French as a language of classical and neo-diplomacy and English to be the ‘court language’ of contemporary diplomacy and techno-diplomacy [5, p. 120].

At the advent of post-world wars – world the very concept of *lingua franca* would be first challenged by multilateral diplomacy, mostly due to major international conferences and occurrence of International Tribunals. This led to various solutions such a distinction between official and working languages in the UN.

Later on, 20th century witnessed not only expansion of official languages for multilateral diplomacy, “but also a significant increase in the use of translation of bilateral treaties and other diplomatic texts into the languages of nation-states that were parties to them” [5, p. 120]. Development of technology made it possible to conduct simultaneous interpretation on a great scale. Due to expansion of interpretation possibilities during plenary sessions of international organizations, negotiations and other diplomatic activities could be performed by anyone, whether or not they understood the speaker’s language “or even one of the official languages of the organization”. This was an end of monopoly of multilingual elites holding diplomatic posts around the world.

It was not only the matter of facilitating communication, the advancement in interpretation and translation technology and methodology gave a rise to so – called “democratization of linguistic communication”. A feature often prized by States and as language is often considered extension of national identity and it is easier to encourage integrating when this dimension of sovereignty remains untouched and even exemplified. The best example of such approach is European Union (EU) where official languages are languages of all Member States (MS). Practice of the EU in that regard helps us identify also the disadvantages of implementing such policy. Simultaneous interpretation is

provided in meetings of the European Commission, European Parliament and European Council and all major texts and legal sources must be translated into all of the official languages. Complexity of the problematic related to that solution arose with the growth EU.

As Pigman rightfully notes, today there is a shortage of professionals who can translate and interpret directly between all of the less common languages of the EU, e.g. Maltese to Latvian, now routinely have to be translated via one of the major languages, like English, French or German. And it is long proven phenomena, that intermediate translation weakens the equivalence of the initial and final communicate [5]. The other side of the problem is that, diplomats from countries which official languages are not common, have to use their second or third languages on every day basis. This creates potentially dangerous disproportions between them and diplomats who use their native tongue. That gives French and English speakers extra power advantages in diplomatic interaction.

Understanding the structure of linguistic relations in contemporary diplomacy outlined above is necessary to properly determine the potential status of sign language on the international forum. First however, it is necessary to make some comments about the sign language itself.

Recognition of sign languages as natural languages of the deaf people is a relatively new phenomenon. Recognition as a natural language means that sign languages are equal to any other, phonetic languages used on every-day basis by people without any hearing or speech deficiencies. A proper identification of those languages happened through researches conducted by prominent linguists, independently in various countries, in the late 20th century. For example, in Europe we could name Prillwitz in Germany or Fariss in Poland. However, there are still some common misconceptions in regard to the sign language. Firstly, there does not exist one common sign language for all deaf people, each country has its own national sign language and they vary to the same extend as spoken languages do. To name a few, there are American Sign Language, Русский Жестовый Язык, Deutsche Gebärdensprache, Polski Język Migowy etc. Secondly, those languages are not a visual 'equivalent' of a native spoken language, they are purely independent and have its own grammar rules and other unique features. A system where signs represent letters or phones is in fact so called "manual code for spoken language". It is artificial, based on grammar of a given spoken language and usually used to ease the communication between deaf and hearing persons as for the latter it is much easier to learn. To visualize how non-interchangeable are those two types of communication it is often said that manual codes are for primary users of sign language as Russian language is for Belarusian. In conclusion, it must be stressed that sign language is a fully-fledged tool for communication – and as such could be used in legal, international or any other context.

On the other hand, for its effectiveness, sign language requires a multilevel interpretation and/or translation, both from a given sign language B to a spoken language A, later from a spoken language A to a spoken language of a

particular discourse A' and potentially again into other sign language B'. Such 'chain of translation' would of course differ depending on the participants of the discourse – we could imagine also a direct sign-language to sign-language translation, but from a practical standpoint it is not likely to appear with a significant frequency in diplomatic situations. The most evident disadvantage of the use of sign language would be the danger of multiplication of errors in final translation, as the probability misapprehensions increases with every additional chain of translation. This probability could be referred to as a specific subcategory of a legal risk, especially that it could be calculated in category of its impact on certain state of affairs or even potential costs.

Therefore, the counterargument for thesis on misapplication of sign language in international relations is the variability of translation erroneousousness in each situation which may be even lower than the same factor in purely spoken languages situation where as well, many levels of translation can occur or even some very rare languages are used, so that qualified interpreters are unavailable, or their competences are hard to verify. Additionally, impact of technology on modern diplomacy is beneficial accordingly, and maybe above all to the sign languages. There already exist well developed programmes used both for sign language-spoken language translations and sign-language to sign language translation instruments [6].

Still, the issue of costs remains. This was a key problem in the most representative (and likely, the only) case of an access to diplomatic post for a deaf person – the Jane Cordell Case.

Mrs. Cordell lost her hearing as an adult, and it was for this reason that she joined the diplomatic service of Great Britain, where there was a great tolerance for disability. Since 2006, successfully, she has been holding a post of the head of the embassy political section in Warsaw. After the end of the contract she was chosen to become a head of mission in Kazakhstan. Her candidacy was rejected, as British official argued that the cost of providing sign language interpreters for this purpose would be excessive. The dispute was both about the actual costs of maintaining the translators (Mrs. Cordell claimed that the estimated cost was 17,000,000£, while the calculations of the British services were 300,000£). At the same time, Mrs. Cordell tried to show that the employment of additional translators cannot be considered extraordinary, given that for example education of children of diplomats is often paid from public money, and it is of lesser direct significance for the function she performs. Unfortunately, the case has not been resolved in favor of Mrs. Cordell, however, it drew public attention to the problem of possible discrimination of disabled people in public life and international relations. This does not mean that the calculations of the British government were incorrect, but it should be remembered that every such situation should be analyzed on case-to-case basis to avoid aprioristic disproportions in situation of deaf people or even discrimination. Even more importantly, it must be bared in mind that not once

the issue of inappropriateness of sign language or erroneousness of sign language translation was brought up during consideration of that case.

Another, and final example of functioning of sign language in international dimension is the NGO 'The European Union of Deaf' (EUD) which comprises of National Associations of the Deaf. "It is the only supranational organisation representing Deaf people at European level and is one of the few ENGOs representing associations from all of the 28 EU MS, in addition to EFTA countries" [2]. Among the objectives of EUD are the recognition of the right to use an indigenous sign language and equality in education and employment, including equality in public life – also in international dimension. Despite of its status as non-primary subject of international law, EUD is currently the best research object in terms of actual use of sign language in international relations and especially in a few year's its experiences will play a vital role in creating legal and practical solutions for enabling deaf people access to international public life on equal footing.

In summary, it must be stated that as the paper showed the problem of multilateral international relations in terms of language is broader than it is traditionally assumed. Also, the concern on discrimination of the deaf people in particular, and people with various communication disabilities in general, is not artificial one. Although legal considerations, especially in term of the application of the principle of equality play a vital role in delimitation of the structural framework for 'linguistic democracy', what is most needed is the application of practical solutions created with the use of disciplines such as logistics and management to verify risk associated with this phenomena and the proper linguistic background to understand the features and value of unspoken communication.

Sources and Literature:

1. Borowiak, M. Przyszłość językowa Unii Europejskiej: mit wielojęzyczności czy dominacja języka angielskiego? / M. Borowiak // *InvestigationesLinguisticae*. – 2008. – № 16 – P. 1–14.
2. Official Webstore of the European Union of Deaf [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.eud.eu/about-us/about-us/>. – Date of access: 28.03.2018.
3. Jönsson, Ch. Essence of diplomacy / Ch. Jönsson, M. Hall. – Springer. – 2005. – 207 p.
4. Milmo, C. Diplomat 'denied post due to her deafness' [Electronic resource] / C. Milmo. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/diplomat-denied-foreign-post-due-to-her-deafness-2078434.html>. – Date of access: 28.03.2018.
5. Pigman, G. A. Contemporary diplomacy. Representation and communication in a Globalized World / G. A. Pigman. – Cambridge : Polity Press, 2010. – P. 118–125.
6. Suszczanska, N. Translating Polish Texts into Sign Language in the TGT System – 20th IASTED International Multi-Conference Applied Informatics / N. Suszczanska, P. Szmaj, J. Francik. – Innsbruck, 2002. – P. 282–287.
7. Tomaszewski, P. Czy polski język migowy jest prawdziwym językiem? / P. Tomaszewski, P. Rosik. G. Jastrzębowska, Z. Tarkowski (red.). Człowiek wobec ograniczeń. Niepełnosprawność-Komunikacja-Terapia. – Lublin : Fundacja Orator, 2002. – P. 133–165.

Р А З Д Е Л 2
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.).
ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1939–1945 гг.).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)
И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

С.Ю. Крупская (Белгород)

Региональные конфликты в Западной и Центральной Европе второй половины 1930-х гг. символизировали крах Версальского миропорядка, при этом поляризируя ситуацию и влияя на международную расстановку сил на континенте. Всем им были присущи международные аспекты, в том числе, и пропагандистский. Рассматриваемые нами европейские региональные конфликты 1936–1939 гг. с точки зрения пропагандистских установок можно условно разделить на две группы. Первая из них – «этнические очаги» (Рейнская область, Австрия, Чехословакия), вторая – «идеологические очаги» (Гражданская война в Испании). Этнические конфликты, несомненно, содержали в себе не только национальный, но и идеологический компонент, однако ведущую роль в них играла именно национальная составляющая, находящая свое выражение в пропагандистской игре на националистических чувствах и мотивах.

В целом, конфликты в Европе (1936–1939) стали удобным полигоном для апробации «старых» и разработки «новых» германских идейных постулатов. Итогом такой пропагандистской работы стало формирование «образа врага», активно используемого в дальнейшем на фронтах II Мировой войны.

В идеологическую основу подготовки ревизии, как известно, была положена идея «Volksgemeinschaft», по которой единство немцев определялось биологическим фактором, принадлежностью к «северогерманской» расе, соответственно, даже проживающие за пределами Германии немцы входили в «единое германское народное сообщество» [8, с. 374–380]. Появление в информационной политике Германии проблемы «зарубежных немцев» было связано с ее территориальными потерями после I Мировой войны, в чем нацистское руководство «видело» удобную возможность для восстановления нарушенного Версальской системой «принципа национальности, который увеличил разорванность германского народа и прибавил угрозу увековечивания этого состояния нации» [3, с. 49, 50]. По мне-

нию Гитлера, «для самосознания великой державы невыносимо в течение длительного периода видеть немцев, подвергающихся тяжелейшим преследованиям, в соответствии с чем, Германия, имеет право принимать меры, позволяющие устранить ненужные мучения для меньшинств» [4, с. 35].

Образ внешнего врага национал-социалистической Германии базировался на психоэмоциональном компоненте, делающем ставку на массового потребителя в соответствии с «Mein Kampf», научная и интеллектуальная составляющие, соответственно, были сведены к минимуму, результатом чего стало упрощение процесса информационной обработки населения через внедрение в массы готовых стереотипизированных образов [17, s. 196]. Особенностью создания образа врага в рейхе стало наделение его комплексом упрощенных и негативных стереотипов.

Для создания и закрепления в среде европейской общественности подобных устойчивых шаблонов нацистскими пропагандистами активно использовались изобразительные средства, при этом акцент в них обязательно делался на сцены жестокости и насилия, осуществляемые «врагом» или же на исходящую от него опасность. В газетах, журналах, листовках использовались другие приемы – повторение устойчивых словосочетаний, образных выражений, помещение «нужных» заголовков на первую страницу, использование мелкого или крупного шрифта и др. Комплекс пропагандистских средств делал ставку на субъективно-эмоциональную оценку угрозы и «взрачивал» в умах толпы чувство отторжения, презрения и ненависти к врагу.

Достаточно активно данный образ эксплуатировался во время информационной подготовки ремилитаризации Рейнской зоны и чаще всего был представлен антифранцузской и антикоммунистической линиями. Печатная нацистская пропаганда по этому поводу активно муссировала тезис о том, что Франция «со времени Версаля на европейском континенте пыталась держать Германию в цепях» [6, с. 214–215], подчеркивалась и ответственность французов за глобальные последствия франко-советского пакта, поскольку после его подписания немцы стали представлять Францию как «государство, ориентированное в сторону большевизма», и считали своей задачей – «защиту Европы» от подобной опасности [5, с. 260]. Направляя основное острие удара на Францию, германские пропагандисты до определенного времени лишь косвенно затрагивали СССР, предпочитая писать о Коминтерне, подчеркивая его тождество с Советским государством [1, с. 46–47]. Однако непосредственно перед ремилитаризацией Рейнской области германская пропаганда стала представлять СССР гораздо более резко, подчеркивая агрессивность его намерений [1, с. 21]. Наиболее четко образ СССР как врага национал-социалистической Германии (зимой-весной 1936 г.) был представлен в устных выступлениях лидеров рейха через использование противопоставлений «коммунистической диктатуры», «разрушительной концепции хаоса большевизма», «азиатского деструктивного мировоззрения» [15, s. 587] «миролюбию немцев» и их страху за

всю Европу [11, с. 48]. Дополнялся положительный образ Германии также за счет демонстрации таких «своих» качеств, как мужество, смелость, честь и др. [15, s. 595–596]

Процесс разработки и наполнения национал-социалистами образа внешнего врага в австрийском направлении проходил более «успешно». Важной особенностью пропагандистского оформления образа врага в связи с подготовкой аншлюса Австрии (до 1936 г.) был его слишком абстрагированный характер, основанный на дестабилизирующей составляющей. Более четкий образ «вредителя» в Австрии использовался немцами с начала 1936 г. и включал в себя не только СССР, но и в целом понятие «австрийской республики», «Версальского договора» и канцлера Шушнига, «не желавшего наводить в государстве порядок». В отношении австрийского правительства германская пропаганда сосредоточилась на декларации таких его качеств, как коррупционность, политическая, экономическая, военная слабость и пр. [13, 1936. 17. Apr.; 14, 1936. 18. Apr.; 18, 1936. 15. Apr.; 19, 1936. 16. Apr.] Образ СССР использовался для устрашения австрийской общественности время от времени, систематически же стал применяться только с января 1938 г. (в собственно австрийском направлении) и наделялся такими качествами, как жестокость, агрессивность, дезинтеграция. Заметна тенденция слияния (в отношении советской России) в единый образ трех компонентов – расового/национального, идеологического и политического, например, в программных речах нацистских лидеров (1938) активно употреблялись словосочетания типа – «еврейский, большевистский интернационал», «еврейско-интернациональный коммунизм» [3, с. 28]. В целом, кампания в прессе некоторое время носила «миролюбивый» в отношении австрийцев характер, на фоне чего подчеркивалась отрицательная роль «красных», «несчастное» положение населения (до аншлюса), которое не могло организовать сопротивление, подчеркивалась роль Германии как «спасительницы Австрии». Однако перед аншлюсом национал-социалистская пропаганда предприняла попытку создания образа Австрии как «разлагающейся» страны, пришедшей к такому состоянию в результате «козней большевиков и чехов». Германия заявила, что она не в состоянии больше «переносить убийства немцев немцами» [12, с. 51–52]. Сообщения из Австрии подавались под заголовками о «большевистском хаосе, угрожавшем самостоятельности и независимости Австрии [13, 1938. 11 März], большевистской провокации, союзе Шушник – Сталин», об обидах, чинимых в Австрии германским подданным, и т.п. [7, с. 122]

В отношении Чехословакии, акцент при формировании образа врага изначально делался на его большевистскую составляющую. Анализ прессы рейха за июнь – август (1938 г.) позволяет сделать выводы о том, что германские журналисты скрупулезно и критически комментировали также деятельность чехословацкого правительства. На страницах нацистских газет расписывали практически каждое событие, происходившее в Чехосло-

вакии в мрачных тонах. Пресса пестрела заголовками о «кровавом терроре», «о нарушении границы чешскими самолетами», «чудовищных зверствах чехов», о «проповеди ненависти чехами», «чешском империализме», «грязных делах правительства» в отношении судетских немцев, подчеркивалось бедственное положение в Судетской области [13, 1938. 1, 9, 18. Juli; 2, 9, 10, 11, 15, 30. Aug.; 19, 1938. 1, 6, 17. Juli]. Такая методика представляла собой «контролируемое распространение сознательно искаженных представлений» [9, с. 244]. При этом известно, что в связи с утверждениями о голоде и бедственном положении германские журналисты использовали инсценировки, чтобы подкрепить статьи «вещественными доказательствами» в виде фотографий [2, с. 222].

В сентябре 1938 г. германская пропаганда стала активно использовать в отношении чехословацкого государства одну из основных классических составляющих «образа врага» – демонизацию. Например, Чехословакию объявили «чешской преисподней со всадниками Апокалипсиса» [10, с. 197]. Враг преподносился как воплощение вероломства, он посылал своих агентов всюду, в том числе, в Германию и Чехословакию. Он разжигает везде конфликты. После навязывания таких посылок снова повторялся тезис о том, что только «цивилизованные нации Европы» могут противостоять такому «варварству». Во главе борьбы с таким врагом должна стоять национал-социалистическая Германия, несущая красоту и радость. Эти акценты усиливались тиражированием словосочетаний типа «гуситские убийцы», «темный средневековый режим», «ужасные злодеяния», и другие аналогичные, которые пестрели как в текстах газетных заметок, так и выносились в заголовки [13, 1938. 1, 2. Sept.; 16, 1938. 3, 6. Sept.; 19, 1938. 3, 4, 8, 9, 13, 21. Sept.; 14, 1938. 2, 5, 6. Sept.]. Вскоре, как известно, судьбу судетских земель решит Мюнхенская конференция (сентябрь 1938). Не последнюю роль в уступчивой политике европейских стран в чехословацком вопросе сыграет сформированный в его контексте нацистской пропагандой образ врага.

В целом, образ врага, формируемый нацистской пропагандой не был статичным, поскольку на разных этапах и в разных европейских конфликтах доминировал не «комплексный» образ, а лишь какие-то из его компонентов. Так, в Рейнской авантюре чертами врага наделялись, например, французские журналисты и пресса зарубежных стран, коммунисты, а в судетском конфликте – чехословацкое государство, как таковое, и его конкретные политические лидеры, чехи как нация, СССР и т.д. Обострение противоречий, порожденных Версальской системой, принявшее форму кризиса в середине 1930-х гг. давало основание для трансформации содержательных компонентов образа врага.

Источники и литература:

1. Архив внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). – Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45.
2. АВП РФ. – Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 45, 56.
3. АВП РФ. – Ф. 56. Оп. 23. П. 51. Д. 6.

4. АВП РФ. – Ф.082. Оп.18. П.81. Д. 11.
5. АВП РФ. – Ф.082. Оп.19. П.83. Д. 8.
6. АВП РФ. – Ф.82. Оп.19. П.65. Д. 24.
7. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 21. 1 января – 31 декабря 1938. – 792 с.
8. Кульков, Е. Н. К вопросу о трактовке в ФРГ истории нацистской Германии / Е. Н. Кульков // Война. Народ. Победа : материалы междунар. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 г. – М. : Наука, 2008. – С. 372–380.
9. Работяжев, Н. В. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы / Н. В. Работяжев, Э. Г. Соловьев. – М. : Наука, 2005. – 327 с.
10. Российский Государственный Военный Архив. – Ф. 1493 К. Оп.1. Д. 9.
11. Ширер, У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента / У. Ширер. – М. : Центрполиграф, 2002. – 508 с.
12. Ярошенко, В. Н. «Черный» эфир: Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания / В. Н. Ярошенко. – М. : Искусство, 1986. – 207 с.
13. Der Angriff. – 1936, 1938.
14. Deutsche Allgemeine Zeitung. – 1936, 1938.
15. Domarus, M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945: 2 Bde. / M. Domarus. – Würzburg : Süddeutscher Verlag, 1962. – Bd. 1. Triumph (1932–1938). – 995 s.
16. Frankfurter Zeitung. – 1938.
17. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – München : Eher Verlag, 1936. – 792 s.
18. NSZ – Rheinfront. – 1936.
19. Völkischer Beobachter. – 1936, 1938.

КОНЕЦ ИЛЛЮЗИИ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1936–1937 гг.)

Р.В. Тодорова (Москва)

В начале второй половины 30-х годов XX века нацистская Германия приступила к активной фазе денонсации Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Это было обусловлено началом активного роста немецкой экономики. В рамках глобальных политических процессов именно Германия стала активным проводником антикоммунистических идей, что способствовало усилению ее позиций в европейской политике того времени. Рост экономического, военного и политического потенциала позволил Берлину реализовать так называемую политику «свершившегося факта», которая, по мнению германской элиты, легитимировала нарушение норм международного права.

После определенной пропагандистской подготовки правящие круги нацистской Германии нацелились на возврат Рейнской области. В этой связи, дипломатический корпус Третьего рейха провел определенную работу, направленную на получение негласной поддержки запланированных действий со стороны британских политиков. Так, в начале 1935 г. немецкий посол в Великобритании Леопольд фон Хэш в Лондоне провел встречу

с будущим королем Эдуардом VIII, по итогам которой сообщил в Берлин о поддержке принцем позиции Германии в рейнском вопросе и его стремлению к налаживанию взаимовыгодных англо-германских отношений.

На основании докладов фон Хэша и информации полученной из французского генштаба о том, что Франция направит свои вооруженные силы в Рейнскую область только вместе с Великобританией, министр иностранных дел Третьего рейха фон Нойрат доложил Гитлеру, что «Запад не будет мешать», если Германия решится ввести вермахт в Рейнскую область. Позднее фюрер объяснил отказ британцев воевать за демилитаризированную зону критической ситуацией, сложившейся в Лондоне в результате событий вокруг Эдуарда VIII [3, с. 70–71, 73].

Воспользовавшись этим, нацистское руководство осуществило план «Шулунг» по ремилитаризации Рейнской области. Данным шагом Берлин, по сути, аннулировал договорённости Локарнской конференции. 7 марта 1936 г. министр иностранных дел Германии фон Нойрат вызвал послов Великобритании, Франции, Бельгии и Италии, чтобы вручить им ноту и сообщить о решении своего правительства расторгнуть Рейнский гарантийный пакт, поскольку подписанием франко-советского договора о взаимопомощи Париж нарушил договорённости Локарнской конференции. Министр также проинформировал послов о решении Берлина ввести войска на территорию Рейнской области. В той же ноте Германия предложила Франции и Бельгии подписать трёхсторонний пакт о ненападении на 25 лет. При соблюдении таких договорённостей, Германия высказала готовность вернуться в Лигу Наций [5, р. 41–45].

В это время свыше 30 тысяч немецких солдат вступило в Рейнскую область. При этом они не имели боеприпасов, а офицеры имели приказ на отступление без сопротивления в случае наступления французских и бельгийских войск. Но, поскольку французы и бельгийцы на территорию Рейнской области так и не вошли, Германия беспрепятственно заняла вышеназванную территорию. Совет Лиги Наций отреагировал на действия Берлина соответствующей резолюцией, которая признала нарушение статьи 43 Версальского договора и договорённости Локарнской конференции. В связи с тем, что иных санкций на действия Германии не последовало, 21 марта 1936 года Гитлер заявил о фактическом прекращении функционирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

На юге Европы, непосредственно после итальянской агрессии в Абисинии, наблюдалось существенное нарастание напряженности в Средиземноморье. Претензии Италии на Додеканесские острова можно охарактеризовать, как открытые акты демонстрации силы, что существенно повлияло на итало-турецкие отношения.

Пытаясь обезопасить свои границы и регламентировать нормы международного права, связанные с режимом проливов Босфор и Дарданеллы Турция предложила провести международную конференцию по рассмот-

рению старых договоров, заключенных и подписанных в Лозанне в период 1922–1928 гг., но нератифицированных всеми государствами.

С 22 июня до 20 июля 1936 г. девять государств, участвующих в Лозаннских договоренностях, провели международную конференцию в г. Монтрё, (Швейцария). Во время ее работы представители стран-участниц обсудили проблему прохождения по проливам военных кораблей, принадлежащих черноморским и нечерноморским государствам. Каждая делегация отстаивала свои интересы. Тем не менее в результате продолжительного обсуждения участниками конференции была принята новая конвенция о проливах. По условиям вступившего в силу договора государства-участники конференции признали право Турции на контроль и наблюдение за проливами, а также их полную демитализацию. Конвенция предоставляла право всем черноморским государствам на беспрепятственное пересечение проливов торговыми и военными кораблями, а для других государств устанавливались определенные ограничения. В случае войны, в которой Турция не участвовала, по проливам могли пройти любые военные корабли. А в случае ее участия в войне или в случае угрозы войны Анкара имела право самостоятельно решать вопросы пользования проливами. Однако, решение части проблем, связанных с напряженностью в Средиземноморье не уменьшило общего политического напряжения на европейском континенте.

18 июля 1936 г. вспыхнул мятеж испанских солдат в Марокко против республиканского правительства в Испании. Мятежники высадили десант на испанской территории и 19 июля взяли Севилью. В Испании началась гражданская война, между силами законного правительства Народного фронта (коалиция из 15 партий) и его противниками – африканским военным корпусом, который получил поддержку ряда политических сил страны. Во главе антиправительственной коалиции встал генерал Ф. Франко. Ему стали оказывать всестороннюю помощь Германия и Италия. Через три месяца после начала гражданской войны в Испании Берлин и Рим осуществили прямое вмешательство во внутрииспанские дела в рамках реализации итало-испанских договоренностей от 28 ноября 1936 г. В соответствии с ними немецкие и итальянские воинские подразделения приняли непосредственное участие в боевых действиях на территории Испании на стороне генерала Франко [1, с. 7–10]. Такая поддержка со стороны Гитлера и Муссолини была обусловлена необходимостью расширения фашистскими государствами сферы геополитического влияния на европейском континенте на случай последующей конфронтации с Великобританией и Францией. Кроме того союзническая для Германии и Италии Испания позволила существенно снизить потенциал Гибралтара, как одной из баз британского военного флота.

В свою очередь испанское республиканское правительство получало поддержку от Советского Союза, который начал оказывать помощь Мадриду в октябре 1936 года, направляя в Испанию оружие и добровольцев.

К республиканской армии в Испании присоединились тысячи добровольцев из 54 стран мира, названных участниками интернациональных бригад.

Можно сказать, что гражданская война в Испании была не только борьбой внутривластных сил страны, а стала первым открытым столкновением между демократическими и фашистскими государствами. Кроме того конфликт отразился на всем средиземноморском регионе, который хоть и косвенно, но оказался полностью вовлечен в этот военный конфликт. Именно ввиду масштабного вовлечения третьих государств, эти события занимают отдельное место в анализе европейских процессов 30-х годов XX века. При этом ведущие европейские и мировые державы фактически безразлично отнеслись к сложившейся ситуации. Великобритания и Франция объявили о политике «невмешательства». Великобритания также настояла на том, чтобы США воздержались от любых действий и сохраняли нейтралитет, после чего 1 мая 1937 г. Президент США Ф.Д. Рузвельт подписал «постоянный Акт о нейтралитете».

Генерал Франко оказался особенно впечатлен такой реакцией США. Для него закон о нейтралитете стал «жестом, который мы, националисты, никогда не забудем» [4, р. 125–126]. В августе 1938 года Великобритания в рамках реализации политики «невмешательства» создала международный комитет по делам Испании, базирующийся в Лондоне. В него вошли 27 стран, включая Германию, Италию, СССР, но без участия Испании. Комитет начал свою работу 9 сентября 1936 г., после чего начались бесконечные дебаты по вопросам о нарушении нейтралитета Испании, которые не меняют позиций участвующих в военных действиях стран.

Французское правительство объявило эмбарго испанского золота, находящегося во французских банках (25 июля 1936 г.) и закрыло франко-испанскую границу. Париж также аннулировал двусторонний торговый договор, что лишило Мадрид возможности закупать оружие во Франции. В конце ноября 1936 г. Испания снова обратилась в Лигу Наций с запросом о рассмотрении военной интервенции со стороны Германии и Италии. Совет Лиги Наций рассмотрел данный иск, но принял тривиальную резолюцию, рекомендующую учитывать сложившееся в стране положение [2, с. 640]. Можно сказать, что таким образом Лига Наций отказала в поддержке легитимному испанскому правительству в его борьбе против военной хунты и поддержавших ее государств-агрессоров.

Летом 1938 года мятежники и германо-итальянские интервенты сумели переломить ситуацию в свою пользу. В результате в марте 1939 г. генерал Франко захватил Мадрид. Правительства Великобритании и Франции официально признали режим Франко.

Политикой умиротворения США, Великобритания и Франция способствовали агрессивным устремлениям Германии, Италии и Японии. В конце 1936 г. сближение экспансионистских государств продолжилось на открытой антикоммунистической основе. Союз Гитлера и Муссолини,

оформленный 25 ноября 1936 г. в Берлине германо-итальянским протоколом, сформировал так называемую ось Рим-Берлин, новый геополитический союз в Европе, принесший столько бед и разрушений европейскому континенту. При этом необходимо отметить, что основными мотивами сближения этих стран стало «внутреннее родство режимов», «полное совпадение интересов» и т.д. Неофициально, по предложению Муссолини, Рим и Берлин договорились о том, что Средиземное море является сферой интересов и влияния Италии.

Вместе с тем, часть итальянской политической элиты вполне осознавала риски альянса с Гитлером. Многие политики не без основания видели в нацистской Германии реинкарнацию прусского милитаризма и империализма, предполагая, что Берлин не рассматривает Италию как полноценного и равноправного союзника, а лишь использует ее в своих глобальных стратегических интересах.

Вполне очевидно, что отсутствие единого подхода к этому союзу среди итальянской политической элиты предопределило в дальнейшем развитие широкого антифашистского движения в стране.

Источники и литература:

1. Документы министерства иностранных дел Германии. Выпуск 3. Германская политика и Испания (1936–1943 гг.). – М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1946. – 184 с.
2. История на дипломатии: в 3 т. / под редакцией В. П. Потемкина. – М.-Л. : Государственное издание политической литературы, 1945. – Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй Мировой войны (1919–1939 гг.). – 884 с.
3. Фараго, Л. – Играта на лисиците (Епизоди от агентурната борба) / Л. Фараго. – София : Партиздат, 1981. – 319 с.
4. Documents of American History: in 2 vols. / ed. by H. S. Commager. – Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice-Hall, 1973. – Vol. II. – 822 p.
5. Documents of International Affairs, 1937 / by S. Heald (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 1939. – 850 p.

**ПРОБЛЕМА ВЫСТРАИВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
КУРСОВ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (ЛЕТО 1936 г.)**

А.П. Урывский (Белгород)

Оккупация в марте в 1936 г. демилитаризованной Рейнской зоны германскими войсками вызвала у Великобритании известное беспокойство, в том числе, и по отношению к Франции. Нацистское руководство, в свою очередь, выражало недовольство неизбежными консультациями и сотрудничеством между британскими и французскими правительствами. Германия выдвинула ряд предложений, в т.ч., заключение пакта о ненападении с Францией и Бельгией на 25 лет [10, р. 614; 3, л. 16]. По мнению

немецкого посла в Италии фон Хасселя, Муссолини полагал, что Англия планирует, как только утрясется «рейнский вопрос», немедленно снова поднять абиссинский против Италии, и опасался, что британская дальнейшая цель – трехстороннее соглашение между Германией, Великобританией и Францией. Согласно надежному источнику, французы, используя в своих интересах это беспокойство, начали пытаться приблизить Италию на свою сторону взамен поддержки последней в Абиссинском вопросе [11, р. 195].

Как бы отвечая на пассивность официального Парижа, определенные сегменты французской прессы усилили серию комментариев неблагоприятного будущего Англии в Средиземноморье. Делались легкие намеки, что прошлое британское морское превосходство закончилось, и что следствием этого стала необходимость для Франции быть связанной с Италией, которая в будущем станет доминирующей державой в этом регионе [8, р. 382].

На встрече 28 апреля 1936 г. с полпредом СССР в Великобритании Майским глава Форин-офис А. Иден, защищаясь от его критики, а именно, от обвинений в колебаниях и непоследовательности внешнеполитического курса правительства Его Величества в итало-абиссинском конфликте, причиной такой тактики назвал слабость англо-французского сотрудничества в данном вопросе. В качестве доказательства он констатировал усиление в Англии антифранцузских настроений. Из-за отчаянного положения Абиссинии, британский министр высказал сомнение в целесообразности продолжения экономических и финансовых санкций против Италии «на нынешней стадии войны» [6, с. 249].

В меморандуме Идена о проблемах Великобритании (11 июня 1936 г.), высказывалась мысль, что этот курс не мог быть завершен при отсутствии абсолютной уверенности в способности и готовности Франции сотрудничать в отпоре итальянского нападения в Средиземноморье и отсутствии уверенности, что Германия и Япония не попытаются использовать ситуацию для нарушения статус-кво в других регионах для своего преимущества. Французские политики по-прежнему опасались немецких акций в Средиземноморье в связи с тактикой Лиги Наций в отношении Италии. Это означало, что Франция одобрила бы тактику на восстановление гармонии между британскими и итальянскими правительствами в рамках «фронта Стрезы», но будет препятствовать любому соглашению, уменьшающему престиж Муссолини или ограничивающему его средиземноморскую политику [8, р. 487–488, 496]. Лишь с изменением правительства во Франции (1936 г.) ситуация изменилась.

Одним из первых внешнеполитических актов главы Народного фронта Л. Блюма было провозглашение в июне 1936 г. полной солидарности с политикой Англии в итальянском вопросе. Как считали советский поверенный в делах в Италии Л. Гельфанд и полпред СССР в Италии Б. Штейн, именно с этой декларации можно вести отчет почти полного отсутствия за Парижем в последующее время самостоятельной позиции в от-

ношении к Италии и следования в международной политике за Лондоном [2, л. 125, 136.]. Но это решение уже ни как не могло изменить ситуацию вокруг антиитальянских санкций, тем более, Великобритания уже не видела смысла в продолжении эскалации конфликта с Муссолини. Зато этот французский демарш отрицательно сказался на развитии начавшейся гражданской войны в Испании.

«Отказ от согласованных англо-французских действий против итальянской агрессии в Абиссинии, по моему мнению, – считал американский посол в Берлине У. Додд, – обрекает демократии в Европе на гибель. События последних недель в Испании, кажется, открывают новые возможности для Муссолини и Гитлера», прозорливо добавляя: «Им ничего не может помешать» [5, с. 362].

Обсуждение Англией и Францией в начале августа 1936 г. проблем углублявшейся и все более принимавшей международный характер войны в Испании привело к предложению политики невмешательства в дела Испании (4–5 августа) и подписанию британских и французских нот в Париже (15 августа 1936 г.), выражавших беспокойство по итогам анализа британского положения в Испании. Так как страх перед коммунизмом был основной мотивации, то беспокойство концентрировалось больше на будущем Франции, а потом – на итогах конфликта в Испании. Помощник зам. министра иностранных дел Великобритании Сэрджент, подчеркивал важность удаления Франции от «наступающего большевизма» под влиянием испанской гражданской войны и освобождения Италии от чувства уязвимости и изоляции, в которой ее оставила абиссинская авантюра [9, р. 90–91; 13, р. 32–33].

Дальнейшая тревога Великобритании по этому поводу нашла отражение в правительственном меморандуме по итальянской политике в испанской войне (19 августа 1936 г.). Министр иностранных дел А. Иден считал, что «генерал Франко захочет наладить близкие политические отношения с Италией взамен предоставления ему военных припасов или технической помощи. Какая бы сторона не добилась успеха, нейтралитет Испании, существовавший до сих пор в международных делах, прекратится, и она будет тем, чем стала сегодня – средоточием иностранных интриг и пропаганды» [9, р. 136–138]. Британские политики и дипломаты считали оправданным и нужным решать многие вопросы испанской проблемы совместно с Францией.

Великобритании по обе стороны Гибралтарского пролива требовалась дружественная и слабая Испания, желательно не вовлеченная ни в один из европейских военно-политических союзов. Эвентуальный альянс Народных фронтов Испании и Франции (как продолжение франко-испанского соглашения 1934 г.) после заключенного франко-советского договора насторожил бы Германию и Италию. Это могло спровоцировать их еще большую активность в испанском конфликте. В такой ситуации предложенная Францией политика невмешательства в дела Испании (как отказ от любых форм помощи каждой

из противоборствующих сторон) представлялась удобным вариантом смягчения ситуации на Пиренейском полуострове и европейской напряженности в связи с ней. Подкомитет начальников штабов министерства обороны Великобритании 24 августа принял решение ускорить заключение Соглашения о невмешательстве в дела Испании между Францией, СССР, Португалией, Германией, Италией и Англией, как странами, наиболее заинтересованных в исходе испанского кризиса [9, р. 157].

Францию, прежде всего, тревожило расширявшееся сотрудничество между Римом и Берлином. Все попытки подвести Италию к пониманию, что она была отделена от Германии непреодолимыми различиями интересов в центре Европы, оставались неудачными. Страх, что Германия и Италия могут договориться о Центральной Европе, увеличивался. И война в Испании очень препятствовала Франции в ее свободе политических маневров в данном регионе [12, р. 446].

Как отмечала даже немецкая сторона, в испанском вопросе правительство Народного фронта Франции воздерживалось от любых открытых и прямых нападок на Италию, несмотря на активную идеологическую оппозицию фашистской Италии в кругах Народного фронта и опасность французским интересам. Оно принимала во внимание неприязнь Италии к Лиге Наций, основывая Комитет по Невмешательству вне Женевы [12, р. 446].

Ллойд Джордж резонно спрашивал, как французское правительство могло «спокойно смотреть на постепенный захват Пиренейского полуострова итало-германским фашизмом. Ведь, если Франко победит, Франция по 3 сухопутным границам будет окружена фашистскими диктаторами. Она тогда погибла» [1, л. 153–154]. Также возникала угроза потери многих позиций этой страны в регионе: целого комплекса вложенных там инвестиций (60% капиталовложений в испанскую промышленность были французскими) [4, с. 195; 7, с. 9].

Таким образом, начавшаяся в 1936 году гражданская война в Испании и последовавшая сразу же интернационализация конфликта привела к тому, что концу 1936 – началу 1937 гг. французская внешняя политика в большинстве важнейших международных проблем была вынуждена следовать за английской. Произошло окончательное подчинение внешнеполитического курса Франции.

Источники и литература:

1. Архив внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). – Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4.
2. АВП РФ. – Ф. 098. Оп. 13. П. 141. Д. 658.
3. АВП РФ. – Ф. 69. Оп. 24. П. 78. Д. 8.
4. Белоусова, З. С. Начало гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа / З. С. Белоусова // Из истории Европы в новое и новейшее время / А. М. Самсонов (отв. ред.). – М. : Наука, 1984. – С. 191–207.
5. Додд, У. Э. Дневник посла Додда. 1933–1938 / У. Э. Додд. – М. : Грифон, 2005. – 480 с.

6. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 19. 1 января–31 декабря 1936. – 823 с.
7. Малай, В. В. Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских дипломатических отношений в канун второй мировой войны / В. В. Малай. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1999. – 153 с.
8. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1977. – Vol. XVI. European Affairs. March – June 1936. – 811 p.
9. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. XVII. European Affairs. June 1936 – Jan. 1937. – 701 p.
10. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1982. – Vol. XVIII. European Affairs. Jan. 2, 1937 – Jun. 30, 1938. – 1027 p.
11. Documents on German Foreign Policy. Ser. C (1933–1937). The Third Reich: First Phase. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. V. March 5 – Oct. 31, 1936. – 966 p.
12. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D / ed. by R. J. Sontag and others. – Washington : US Government Printing Office, 1950. – Vol. III. Germany and the Spanish Civil War, 1936–1939. – 951 p.
13. Edwards, J. The British Government and the Spanish Civil War, 1936–1939 / J. Edwards. – London, Basingstoke : Macmillan, 1979. – 280 p.

РЕВИЗИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ: ИСПАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ (ВТ. ПОЛ. 1930-х гг.)

О.А. Тимошкова (Белгород)

1930-е годы сыграли весьма значительную роль в отношении сложившегося в Европе миропорядка. Стремление Германии к изменению Версальской международной системы стало источником нестабильности на континенте. Нацистское государство открыто проявляло свои милитаристские намерения уже с марта 1936 г., оккупировав демилитаризованную Рейнскую зону.

С начала антиреспубликанского мятежа в Испании (18 июня 1936 г.) Гитлер был намерен использовать новый европейский очаг напряжённости для отвлечения внимания мирового сообщества от экспансии Германии в Центральной и Восточной Европе. Сам факт конфликта позволял фюреру рассчитывать на укрепление альянса с Муссолини, для которого испанский конфликт был шансом на изменение стратегической ситуации в Средиземном море в пользу Италии [12, p. 60–63].

Перспектива установления в Испании профашистского режима позволяла Германии рассчитывать на поставки с Иберийского полуострова сырья для собственных заводов и на возможность снизить влияние Британии и Франции в указанном регионе, в идеале – нарушить связь этих государств с собственными колониями в Северной Африке [11, p. 112–113].

Официальный Берлин в своей риторике неоднократно утрировал идеологический аспект испанского конфликта, предвещая опасность для европейских демократий от распространения из очага войны левых поли-

тических движений [2, с. 133]. В этой связи согласимся с историком Р. Уилли: «Испания для Гитлера была средством дипломатической борьбы с западными державами» [13, р. 42].

В ходе начавшейся работы Комитета по невмешательству (с 9 сентября 1936 г.) Германия и Италия, пользуясь бездействием британской стороны, возглавлявшей организацию, пытались препятствовать мирному урегулированию испанского конфликта. Советская сторона неоднократно обвинялась в нарушении Соглашения о невмешательстве странами, осуществлявшими поставки военных материалов мятежникам еще с июля 1936 г., дискуссии о контроле над побережьем Испании, о «добровольцах», участвовавших в гражданской войне с обеих сторон и других принципиальных вопросах затягивались под разными предлогами, чтобы привести Франко к победе [1, с. 225–226, 247, 251–255, 267–268].

В сентябре 1936 г. на партийном съезде НСДАП в Нюрнберге были озвучены внешнеполитические устремления Германии: возврат германских колоний, изменение системы международных отношений, ущемляющей Рейх [6, с. 422–426]. Эти амбиции Берлина вызвали широкий резонанс в европейских странах. Беседы советских дипломатов с британскими политиками и общественными деятелями в течение осени 1936 г. свидетельствовали о том, что опасения перед растущей мощью фашистского Рейха усиливали в Англии антигерманские настроения [3, с. 39, 102–103].

Великобритания и Франция рассчитывали на получение от Гитлера гарантий не нарушать стабильность в Европе, не понимая в полной мере, что политика умиротворения нацистского государства только временно отсрочит угрозы их национальным интересам. Английское руководство понимало, что при возможном экономическом сотрудничестве с Германией, без оговорки политических условий, можно было спровоцировать ускорение темпов перевооружения Рейха и наращивание его экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе [8, р. 350]. 19 ноября, выступая в Лимингтоне, глава английского МИДа Э. Иден заявил, что Британия готова на соглашение с Германией, если последняя хотя бы частично откажется от политики вооружений и агрессивных намерений [4, с. 38].

Стратегию внешнеполитической деятельности Берлина западноевропейским политикам прогнозировать было непросто. Однако сотрудник Форин Офис О. Сарджент (29 декабря) весьма оправданно полагал, что стоит ожидать всплеска активности Германии на континенте, вследствие многих факторов: затягивание испанского конфликта, что угрожало Гитлеру вовлечением в опасную военную авантюру; нерешенный колониальный вопрос; некоторые отклонения Италии от общего курса в рамках «оси» (подготовка соглашения с Британией). В итоге следовал справедливый вывод – международная обстановка в 1937 году может значительно ухудшиться [8, р. 743].

Уже в конце 1936 г. в германском руководстве высказывалось мнение о необходимости ограничения нацистского участия в испанском конфликте – иначе под угрозой оказывалась бы реализация 4-хлетнего (1936–1940 гг.) плана развития немецкой экономики. Помимо этого, на принятие Гитлером взвешенного решения по участию германского контингента на стороне Франко повлияли затяжной характер военных действий и соображения Генштаба, который указывал на неготовность Германии к общеевропейской войне в случае крайнего обострения противоречий между государствами, имеющих свои интересы на Пиренейском полуострове [10, р. 258–260, 328, 341–343]. Тем не менее, германский легион «Кондор», находившийся на территории Испании до конца гражданской войны, был одним из самых эффективных воинских соединений на стороне Франко, сыграв значительную роль в разгроме сил легитимного испанского правительства.

В ходе испанского противостояния в европейских странах муссировалась мысль о ненадежности германо-итальянского сближения, которое якобы позволяло фашистским режимам оказывать дипломатическое влияние на позиции европейских стран. Советская сторона обоснованно видела в «оси» инструмент давления на демократические правительства, считая, что итало-германское соглашение – только видимость, и оно не выдержит столкновения интересов этих государств в Центральной Европе [6, с. 579].

Относительно низкая активность Германии в испанском вопросе весной 1937 г. нашла отражение в обзоре немецкой внешней политики, составленном 13 апреля Э. Фиппсом. Британский посол в Берлине, констатировал, что в первые годы нахождения нацистов у власти Гитлер в сфере международных отношений отдавал приоритет процессу нормализации отношений с Англией. Однако, по мнению дипломата, нарастание германо-британских противоречий (в первую очередь, по колониальному вопросу) и недостаточная принципиальность Лондона в применении санкций к Италии после агрессии в Абиссинии несколько снизили авторитет Британии для германского руководства. В свою очередь, испанский конфликт сыграл важную роль в итало-германском сближении. Фиппс резюмировал, что «отношения Лондона и Берлина к настоящему моменту испорчены», и в качестве главных направлений германской внешней политики выделял: аншлюс Австрии и других немецкоязычных территорий (Судетская область Чехословакии); экспансию в Восточной Европе; возврат немецких колоний [9, р. 613–617].

В дальнейшем официальный Берлин пользовался возможностью усугубить ситуацию вокруг Испании, постепенно готовясь к осуществлению своих центральноевропейских планов. Инцидент вокруг нападения испанских республиканцев на немецкое военное судно «Дойчланд» (*Deutschland*) (29 мая 1937 г.) и последовавшие за ним действия фашистских государств (акция военного возмездия против Альмерии, заявление Германии и Италии о выходе из системы морского контроля и приостановке своего участия в деятельности КПН) ознаменовали собой, помимо дес-

табилизации ситуации в Средиземноморье, и кризис политики невмешательства в дела Испании [5, с. 32–41].

Но усилия Великобритании по возвращению германского представителя в Комитет были сорваны инцидентом с немецким судном «Лейпциг» (*Leipzig*): 18 июня оно подверглось торпедной атаке подводной лодки, предположительно, республиканской. На следующий день Германия инициировала совещание четырёх государств, осуществлявших морской контроль и потребовала ответных действий: конфискации всех принадлежащих Республике субмарин, совместной демонстрации Англией, Францией, Германией и Италией военной силы около берегов Валенсии и предупреждения правительства Кабальеро о мерах военного воздействия в случае повторных нападений на суда контроля [9, р. 354–360]. Англия и Франция предложили не прибегать в тот момент к каким-то репрессивным мерам, а назначить расследование с целью выяснения всех подробностей инцидента. В итоге 23 июня Германия все-таки объявила о выходе из системы патрулирования испанских вод [9, р. 364–365].

В середине 1937 г. германское руководство минимизировало вмешательство в испанские события, сведя его лишь к действиям ограниченного военного контингента и отдав итальянской дипломатии инициативу в ведении тактической борьбы в лондонском Комитете.

С осени 1937 г. умиротворительская политика Англии и Франции фактически поощряла активизацию Германии в Центральной Европе. Британский министр иностранных дел Э. Галифакс в ходе встречи с Гитлером (19 ноября) выразил заинтересованность британского руководства в устранении осложняющих англо-германские отношения факторов. Собеседники пришли к общему мнению, что единственным противоречием во взаимоотношениях Берлина и Лондона является колониальный вопрос. Испанская тема практически не затрагивалась: Гитлер ограничился критикой освещения войны в Испании европейской прессой [7, с. 35–45]. Позиция Рейха по испанской проблеме и степень военного участия в конфликте давали английским политикам некоторые основания рассчитывать на то, что между Лондоном и Берлином не будет действительно серьёзных противоречий по этому болезненному вопросу.

Взаимоприемлемое распределение стратегических интересов (Германия активизируется в Центральной Европе, Англия прилагает усилия для защиты средиземноморских коммуникаций Империи) сделало возможным фактическое согласие британского руководства на аншлюс Австрии и оккупацию Чехословакии. 3 марта 1938 г. английский посол в Берлине Н. Гендерсон заверял Гитлера в стремлении Британии нормализовать отношения с Германией и подчёркивал, что англо-германское сотрудничество весьма важно для стабильности в Европе, чему может способствовать ограничение вооружений и умиротворение (!) в Чехословакии и Австрии [7, с. 54].

К сентябрю 1938 г. ситуация вокруг Судетской области имела своим результатом Мюнхенское соглашение. Стало очевидно, что политика умиротворения через невмешательство в дела Испании, за счет компромиссов с фашистскими странами оказалась безуспешной. Британские и французские уступки привели к тому, что выбранный курс умиротворения себя исчерпал. Выверенная тактика Германии в отношении испанских событий привела к постепенному сокращению еще с лета 1938 г. численности немецкого контингента в составе армии Франко (в отличие от Италии, чьи ресурсы продолжали поступать каудильо, истоющая экономику фашистского государства). Верный расчет Гитлера на бездействие европейских стран позволил ему сосредоточить усилия на Центрально-Европейском направлении, где Германии удалось реализовать все свои агрессивные планы по расширению собственной территории за счет других государств. Внешнеполитические ошибки Великобритании и Франции обернутся для них и всего континента страшными последствиями спустя всего несколько месяцев после завершения гражданской войны в Испании.

Источники и литература:

1. Архив внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). – Ф. 010 (Секретариат Н.Н. Крестинского). Оп. 11. П. 71. Д. 55.
2. АВП РФ. – Ф. 097 (секретная референтура по Испании). Оп. 11. П. 102. Д. 14.
3. АВП РФ. – Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 24. П. 77. Д. 5.
4. АВП РФ. – Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11.
5. АВП РФ. – Ф. 69. Оп. 27. П. 88. Д. 34.
6. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936. – 823 с.
7. Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939: в 2 т. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 1. – 302 с.
8. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. XVII. European Affairs. June 1936 – Jan. 1937. – 701 p.
9. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1982. – Vol. XVIII. European Affairs. Jan. 2, 1937 – Jun. 30, 1938. – 1027 p.
10. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. / ed. by R. J. Sontag and others. – Washington : US Government Printing Office, 1950. – Vol. III. Germany and the Spanish Civil War, 1936–1939. – 951 p.
11. Beevor, A. The Spanish Civil War / A. Beevor. – N. Y. : Peter Bedrick Books, 1983. – 320 p.
12. Leitz, C. Nazi Germany and Francoist Spain 1936–1939 / C. Leitz // Spain and Great Powers in the Twentieth Century / ed. by S. Balfour, P. Preston. – L.; N. Y. : Routledge, 1999. – P. 60–63.
13. Whealey, R. H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War 1936–1939 / R. H. Whealey. – Lexington : Kentucky University Press, 1989. – 269 p.

ИСПАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1936–1939 гг.)

В.В. Малай (Белгород)

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. стала фактором международной политики, существенно определявшим обстановку в Европе накануне второй мировой войны. Италия довольно быстро определила свое отношение к испанской драме, вмешавшись уже летом 1936 г. в нее, и поддерживав мятежников. Итальянские стратегические задачи – не позволить конфликту выйти за рамки Испании, сохранение ее территориальной целостности, укрепление собственных геостратегических позиций – во многом совпадали с общеевропейскими. В понятие локализации конфликта Италия включала также задачи не только сохранения и укрепления своих позиций, как за Пиренеями, так и в Европе в целом, но и их расширение. После абиссинской авантюры испанская могла стать удобным вариантом для реализации экспансионистских задач. У дуче эта задача проецировалась в большей степени на Средиземное море и Центральную Европу, хотя до 28 ноября 1936 г. итальянское правительство формально не провозглашало политическую и экономическую помощь испанским националистам. Участие Италии в испанском конфликте также не в последнюю очередь диктовалось важностью поднятия авторитета страны после войны Абиссинии.

Осложнение ситуации в Европе (в том числе и испанским вопросом) в 1936–1938 гг. усилило значимость проблемы союзников в назревавшей войне. Нейтральная позиция Германии в абиссинском вопросе и пассивность Италии в рейнском давали неплохое основание для сближения их позиций. Но, несмотря на значительное совпадение тактик Гитлера и Муссолини в начале испанской войны, британская дипломатия считала это не более чем демонстрацией итало-германского сближения: «Берлин считает, что на итальянцев полагаться нельзя и что Муссолини неоднократно уже менял и будет менять свою внешнеполитическую ориентацию. В Германии не забыли ни печального урока мировой войны, ни колебаний Муссолини между Берлином и Парижем все эти годы. ... Гитлер считает, что также как сейчас, Муссолини ищет дружбы и близости Германии, завтра, если ему это понадобится, Италия снова будет стремиться к соглашению с Францией и Англией» [5, л. 116]. Отсюда – сдержанность Берлина и столь существенное различие между объемом и характером итальянских «заигрываний» и немецких ответов на них. «Флирт с Римом» укреплял внешнеполитические позиции Гитлера и толкал ряд стран поскорее искать общий язык с Германией: «Если к изложенному прибавить значение нынешних испанских событий, важность укрепления внутренних режимов..., то объективных предпосылок для итало-германского сотрудничества будет еще больше» [5, л. 117–118].

Англо-итальянское соперничество в Средиземном море, обострившееся с началом войны в Испании, делало для Муссолини поддержку Гер-

манией еще более актуальной. Показателем некоторой синхронизации итальянских и германских действий в отношении в испанском вопросе станет их формальное присоединение к Соглашению о невмешательстве-Испании (август 1936 г.), вхождение в Комитет по невмешательству, и пусть не всегда согласованная, но схожая тактика в этой организации: максимальное сопротивление любым легитимным попыткам облегчить положение Испанской республики.

К «единству взглядов и установлению общей линии поведения», легшего, как известно, в основу оси «Берлин-Рим» (октябрь 1936), добавлялось и «отклонение всяких претензий на испанские владения» [1, л. 125]. Дальнейший «параллелизм действий» [8], воплотился в признании 18 ноября 1936 г. фашистскими странами правительства Франко в Испании. К концу 1936 – началу 1937 г. «германская карта» стала у Муссолини едва ли не основной, несмотря на все неудобства игры именно этой картой.

Углубление вовлеченности в испанский конфликт Италии и Германии позволило советской дипломатии в феврале 1937 г. сделать вывод, что «вопросы, разделяющие эти страны, как, например, австрийский, отступают сейчас на задний план перед вопросами, их сближающими, в особенности, перед испанскими событиями» [4, л. 28].

По заключению американской дипломатии (май 1937 г.), Италия добивалась подписания военного союза с Германией, но последняя уклонялась от принятия окончательных решений [4, л. 68–69]. Как образно выразился французский посол в Берлине Понсэ, «Гитлер не приоткрыл двери в сторону соглашения, но и не прихлопнул ни одной» [4, л. 33].

Общая тактика при разрешении кризиса «невмешательства» в дела Испании (июнь–июль 1937 г.) также сблизил позиции дуче и фюрера и в испанском, и общеевропейском вопросе. Германия позволила Италии «увязнуть» в Испании, как ранее в Абиссинии, что ощутимо пошатнуло положение той в Средиземноморье. Затруднялась активная политика Италии в Придунайском бассейне и на Балканах, где с ослаблением ее позиций заметно усилились германские. Муссолини стремился к завершению испанской авантюры, но его устраивал только победный вариант.

Дальнейшее расширение диапазона совместных германо-итальянских действий знаменовал визит Муссолини в Берлин (октябрь 1937 г.): диктаторы договорились о единой линии по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе, испанскому, средиземноморскому, колониальному [1, л. 120]. Напомним, что юридически германо-итальянское сотрудничество не было оформлено на том этапе. Можно согласиться с мнением французской дипломатии, выраженном накануне визита Муссолини в Берлин: «Страны фашистской диктатуры вроде Германии и Италии не нуждаются для своих замыслов в договорах и протоколах. Гитлер и Муссолини подписывают документы лишь в том случае, когда почему-либо хотят добиться взаимного или выгодного внешнеполитического эффекта. Для серьезных же и агрессивных планов Италия давно уже отказалась от фе-

тишизма подписания бумажек. Опыт испанской интервенции является наглядной тому иллюстрацией» [2, л. 192].

События 1938 г., внесшего принципиально новые акценты в палитру международных предвоенных отношений, ускорили процесс блокировки. Но и до, и после Мюнхена он шел, безусловно, под сильным влиянием испанских событий. По мнению советской дипломатии, испанский вопрос «сыграл едва ли не решающую роль в темпах и сроке окончательного сговора Италии с Германией» [2, л. 17].

Италия, открыто вставшая на сторону мятежников, сразу же развернула антиреспубликанскую кампанию: она регулярно подвергаласомнению и критике тактику европейских стран в испанском вопросе. Предметом обсуждения были формы, объемы поставок обеим воюющим сторонам, затягивание в решении ведущих проблем невмешательства. СССР и отчасти Франция обвинялись в наличии серьезных геостратегических, политических и экономических интересов в Испании как основном поводе их вмешательства во внутренний конфликт. Частой в пропагандистской борьбе стала практика упреждающего удара, тактика обличений, когда Италия брала на себя роль обвинителя, чтобы не стать обвиненной(октябрь – декабрь 1936 г., июнь-июль, сентябрь-ноябрь 1937 г., весна 1938 г.). Одним из ярчайших и типичных проявлений пропагандистской кампании вокруг испанского вопроса можно назвать англо-итальянское информационное противостояние, сказавшееся как на состоянии отношений ее участников, так и на самой испанской проблеме.

Муссолини полагал, что помощь мятежникам ограничится переброской войск в Испанию, однако, оказался втянутыми в полномасштабную войну. В количественном отношении участие Италии в Испанской войне было большим, чем Германии.

Численность итальянских войск, защищавших Франко, в разных источниках колеблется от 40 до 80 тысяч [9, с. 77; 10, р. 392–393; 13, р. 253; 15, р. 219, 232]. В испанских событиях были задействовано 729–859 итальянских самолетов (по зарубежным источникам) или 1000 (по российским) [9, с. 44; 10, р. 393; 15, р. 103]. На 6 ноября 1937 г., по словам Муссолини (беседа с Риббентропом), итальянцы затратили на войну в Испанию уже 4,5 млрд. лир [7, р. 144].

Опыт войны в Абиссинии уже внес коррективы, даже заставил итальянское руководство обновить военную доктрину: она отстаивала идею маневренной войны, расширяла программу подготовки военных кадров, в первую очередь, высшего офицерского состава, перестраивала Генеральный штаб, увеличивала выпуск оправдавших себя видов вооружения, таких как ручные гранаты, штурмовые мортиры, станковые пулеметы, танки и противотанковые орудия. «Новая доктрина, – подчеркивал заместитель министра по военным делам Италии Байстроки, – решительно повернутая в сторону маневренной войны, соответствует нашей фашистской динамичности, нашим потребностям политическим, военным и экономике»

[6, л. 90–91]. Правоту такого смещения акцентов подтвердило участие Италии в испанской авантюре.

Итальянский генералитет убедил дуче, что границы их страны неприступны для танков. Успехи итальянских летчиков рассматривались не более как индивидуальный героизм, серьезному обобщению не подвергались, и, как следствие – программы военной подготовки летного состава более акцентировались на воздушной акробатике, чем на методах группового воздушного боя. Даже поражение под Гуадалахарой (весна 1937 г.) не побудило итальянских военных осознать важность поддержки наземных частей с воздуха. Бывший замминистра авиации генерал Валле на вопрос о том, какие уроки итальянские ВВС извлекли в Испании, в 1970 г. ответил: «Никаких» [10, р. 410; 11, р. 36; 16, р. 93]. Итальянская авиация существенно отстала в модернизации от немецкой или советской.

В целом, уроки Испанской войны изучались итальянцами намного поверхностнее, чем немцами. Италия заплатила за это низкой технической (по сравнению с Германией) подготовленностью ко Второй мировой войне. Европейские страны заплатят разную цену за «испанский эксперимент». Итальянская военная верхушка в целом проигнорировала уроки Гражданской войны в Испании, удовлетворившись самим фактом победы в ней Франко.

Источники и литература:

1. Архив внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). – Ф. 011. Оп. 1. П. 3. Д. 23.
2. АВП РФ. – Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35.
3. АВП РФ. – Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4.
4. АВП РФ. – Ф. 082. Оп. 20. П. 86. Д. 4.
5. АВП РФ. – Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658.
6. АВП РФ. – Ф. 098. Оп. 20. П. 26. Д. 7.
7. Ciano, G. Diplomatic Papers. 1936–1942 / G. Ciano. – L. : Odhams Press, 1948. – 490 p.
8. Frankfurter Zeitung. – 1936. – Oct. 26.
9. Рыбалкин, Ю. Операция «X». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939) / Ю. Рыбалкин. – М. : АИРО-XX, 2000. – 152 с.
10. Coverdale, J. Italian Intervention in the Spanish Civil War / J. Coverdale. – Princeton : Princeton University Press, 1975. – 445 p.
11. Miksche, F. O. Blitzkrieg / F. O. Miksche. – L. : Faber, 1941. – 249 p.
12. Proctor, R. L. Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War / R. L. Proctor. – L. : Greenwood Press, 1983. – 289 p.
13. Thomas, H. The Spanish Civil War / H. Thomas. – N. Y. : Penguin Books Ltd, 1977. – 700 p.
14. Whealey, R. H. Foreign Intervention in the Spanish Civil War / R. H. Whealey // The Republic and the Civil War in Spain / ed. by P. Carr. – L. : Macmillan St. Martin's Press, 1971. – P. 213–238.
15. Whealey, R. H. Hitler and Spain. The Nazy Role in the Spanish Civil War, 1936–1939 / R. H. Whealey. – Lexington : Kentucky University Press, 1989. – 269 p.
16. Wittam, J. The Italian General Staff and the Coming of the Second World War / J. Wittam // General Staffs and the Diplomacy before the Second World War / ed. by A. W. Preston. – L. : Croom Helm, 1978. – P. 77–97.

ОСВЕЩЕНИЕ УЧАСТИЯ БРИТАНСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ 1936–1939 гг. (НА ПРИМЕРЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Н.Н. Фомичев (Белгород)

В ноябре 1936 г. одна из ведущих британских консервативных газет The Times писала о начальном этапе деятельности интербригад в Испании весьма сдержанно. В частности, в одной из статей (ноябрь 1936 г.) после краткого описания военно-политической обстановки, давалась информация о деятельности интербригад. The Times отмечала исключительно высокий боевой дух добровольцев из разных стран, сражавшихся за испанскую Республику [1].

Daily Express осенью 1937 г. писала о британских пилотах-добровольцах, сражавшихся на стороне республиканцев. Потери, также, как и в целом по интербригадам, были велики. С большой тревогой летчики говорили, что по сравнению с германскими «Хейнкелями» и итальянскими «Фиатами» республиканские машины предстают «музеем авиатехники» [2].

Daily Express зачастую отмечала конкретные цифры боевых потерь интербригадовцев. Так в ходе боевых действий 10–14 июля 1937 г. было ранено до 60 британцев из числа добровольцев. Они находились в мадридских больницах [3].

Консервативные позиции занимала Western Morning News and Daily Gazette. Данное провинциальное издание «воздавало должное славе и героизму» интернациональных бригад. В одной из статей содержалась краткая история их участия в битвах под Харамой, Гвадалахарой и Брунетте (июль 1937 г.) [4].

Многие газеты писали о весьма существенных потерях интербригад. Daily Express сообщала о гибели 350 британцев в ходе гражданской войны в Испании к сентябрю 1937 г. [5].

В статье «Кульминация войны» The Times, описывая бои на Эбро в августе 1938 г. (период контрнаступления франкистов), значительное внимание уделяла интербригадам. Автор статьи отмечал, что существование интербригад как отдельных воинских единиц, фактически, уже прекращено. Связано это было, главным образом, с деятельностью КПН (Комитет по невмешательству в дела Испании) и решением испанского республиканского правительства Х. Негрина о выводе всех иностранных формирований из состава республиканской армии (1938 г.) (британцы служили в основном в 14-м интернациональном батальоне). В боях лета 1938 г. добровольцы вновь подтвердили славу элитных частей Республиканской Народной армии. Причины предшествующих неудач автор видел, прежде всего, в ошибках командования [6].

Само прекращение деятельности интербригад имело существенное пропагандистское значение для Республики. The Times писала в сентябре 1938 г.,

что в тогдашней штаб-квартире интербригад в Барселоне было принято решение, о выводе иностранных добровольцев из зоны конфликта, которое должно было пройти организованно, начавшись в начале октября того же года. Создатель и куратор этих добровольческих соединений французский коммунист А. Марти заявил, что уже разработаны конкретные шаги для этого [7].

The Times и Daily Express «отслеживали» степень выполнения решений о выводе добровольцев. Daily Express писала, что Испанию покинуло за неделю 10 тыс. добровольцев с правительственной стороны. The Times 5 декабря 1938 г. писала о том, что вывод добровольцев из республиканской зоны осуществляется под надзором специальной комиссии Лиги Наций. Согласно материалам британской печати, к началу третьей декады февраля 1939 г. вывод интербригад из республиканской зоны был завершен. The Times писала, что бригадный генерал Молсворт, ответственный за вывод иностранцев комиссар Лиги Наций, отчитался перед Советом этой международной организации о том, что последние интернационалисты пересекли границу у Перпиньяна (конец октября 1938 г.) [8].

Ранее The Daily Mail писала, что в соответствии с решением «барселонского» (республиканского) правительства о начале вывода добровольцев 1 тыс. британцев из состава интернациональных бригад покинули Испанию и прибыли в Лондон (пресса отслеживала деятельность интербригадовцев и после завершения их участия в войне), ок. 300 из них были ранены. Газета также отмечала, что с декабря 1936 г. (формирование Британского батальона) 600 интернационалистов из Соединенного Королевства были убиты и 500 ранены [9].

Daily Sketch в одном из номеров декабря 1938 г. поместила фото прибытия группы интербригадовцев на железнодорожный вокзал Виктория в Лондоне. Была показана теплая встреча населением соотечественников-участников гражданской войны в Испании [10].

Несмотря на то, что интернациональные соединения не составляли значительной части Республиканской Народной армии (2,2% от состава всех 225 республиканских бригад), информационная роль их участия в гражданской войне в Испании была существенной. Еще один важный итог пропагандистского препарирования информации в консервативной прессе Великобритании – гиперболизация роли интербригад в контексте испанского конфликта как такового [11].

Острая дилемма развернулась в британской консервативной прессе также по поводу Акта о вербовке 1870 г., который запрещал выезд британских подданных, в зоны военных конфликтов, за исключением «борьбы на стороне дружественных правительств». Акт был подтвержден правительством С. Болдуина в январе 1937 г. применительно к испанскому конфликту [12, р. 53–54]. Все издания подтверждали исключительно высокий статус интербригад как ударных частей республиканской армии, часто даже преувеличивая их значение.

Однако, относительно других тем, которые, так или иначе использовались для формирования образа врага, проблема интербригад затрагивалась в британских изданиях редко. Отдельные издания консервативной направленности (например, *The Observer*, *The Daily Mail*, *Evening Standard*, *The Daily Telegraph*, *Daily Herald* и др.) повествовали об интернациональных соединениях республиканской армии эпизодически. Газета консервативной оппозиции *The Yorkshire Post* занимала нейтральную позицию.

Весьма противоречивое отношение к этой проблеме показала *The Times*. В первые месяцы испанской войны газета комментировала сообщения об интернациональных бригадах весьма сдержанно. На заключительном этапе гражданской войны в Испании *The Times*, заняв более критическую в отношении профашистского движения в Европе позицию, стала открыто симпатизировать антифранкистским силам.

Существование интербригад и особенно участие в них британцев создавало в то же время опасную ситуацию открытого противостояния с Германией и Италией, пусть и руками добровольцев, отправившихся в Испанию на свой страх и риск. Можно предположить, что именно с этим связано игнорирование широкого обсуждения проблемы добровольцев в целом ряде изданий.

Источники и литература:

1. *The Times*. – 1936. – 28 Nov.
2. *Daily Express*. – 1937. – 6 Oct.
3. *Daily Express*. – 1937. – 17 Jul.
4. *Western Morning News and Daily Gazette*. – 1937. – 20 Jul.
5. *Daily Express*. – 1937. – 23 Aug.
6. *The Times*. – 1938. – 21 Aug.
7. *The Times*. – 1938. – 22 Sept.
8. *The Times*. – 1938. – 6 Sept.
9. *The Daily Mail*. – 1938. – 13 Oct.
10. *Daily Sketch*. – 1938. – 8 Dec.
11. *The Daily Mail*. – 1938. – 23 Oct.
12. Mackenzy, S. P. *The Foreign Enlistment Act and the Spanish Civil War, 1936–1939* / S. P. Mackenzy // *Twentieth Century British History*. – 1999. – № 1. – P. 52–66.

**К.Г.Э. МАННЕРГЕЙМ И ПРОБЛЕМА НАЧАЛА
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.**

В.Н. Барышников (Санкт-Петербург)

Вопрос о начале советско-финляндской войны 1939–1940 гг. продолжает иметь определенную дискуссионную основу. В этом отношении в современной России существуют весьма различные утверждения, традиционно основывающиеся на представлениях либо об агрессивных целях, которые преследовал СССР в отношении Финляндии [см: 2, с. 166; 4, с. 271]

либо об особой, ярко выраженной антироссийской политики финского руководства.

Несомненно, оба этих представления требуют соответствующего критического анализа [см.: 9]. При этом однозначно оценивать роль СССР в качестве исключительно только агрессивного государства, которое лишь мечтает о захвате финских территорий, вероятно, не следует. Явно это доказывает факт длительного процесса советско-финляндских переговоров, который начался в феврале 1937 г. и продолжавшегося до ноября 1939 г. Причем в Москве прежде всего стремились не допустить использования территории Финляндии в качестве зоны размещения войск потенциального военного противника. Поскольку западная граница СССР с Финляндией проходила всего в 32 км от центра Ленинграда тогда с финляндским руководством стремились договориться либо о военно-политическом союзе, либо об аренде или обмене территориями. Но оба этих варианта финская сторона отвергала, что, несомненно, вело к обострению отношений.

Одновременно, видимо, не следует тоже отбрасывать и существовавшие в финском обществе в 1920–1930-х гг. антироссийские настроения. Хорошо известно, что после окончания «зимней войны» будущий президент Финляндии Ю.К. Паасикиви вообще назвал ее, войной министра иностранных дел того периода – Э. Эркко [6, s. 131; 13, s. 26; 19, s. 203]. Очевидно, что в этом определении явно указывалось на своеобразие политики, которую проводили в отношении к СССР в Финляндии. В Хельсинки тогда четко пытались позиционироваться в качестве некоего, особого «форпоста Запада» на границах с СССР [12, s. 24–39], а позиция Э. Эркко заключалась в том, чтобы проявлять к СССР достаточную твердость и забыть, что «Россия является великой державой» [см.: 11, s. 187; 22, s. 248]. В данном отношении эти взгляды явно отражали определенные настроения, которые тогда существовали в Финляндии [см.: 7, s. 23–24].

Если принять во внимание именно эти аспекты то, становиться предельно понятно почему советские инициативы конца 30-х гг. не получили поддержки с финской стороны и в конечном счете оказались полностью бесплодными. Однако важным представляется все же выяснить позицию по данному вопросу, которую тогда занимал весьма влиятельный военный и государственный деятель страны маршал К.Г.Э. Маннергейм. Его взгляды, несомненно, являются очень важными. Но как показывают исторические источники, они не совсем соответствовали представлениям, которые существовали тогда в финляндском руководстве. В частности, в очень критический для Финляндии период начала европейского кризиса весной 1939 г., он явно демонстрировал свое несогласие с позицией финского МИДа в отношении переговоров с СССР. Очевидно, что в это время он весьма много задумывался об особенностях внешней политики Советского Союза. При этом, можно сказать, что уже тогда он явно лучше, чем кто-

либо другой в финском руководстве мог ориентироваться в хитросплетениях советско-финляндских отношений.

В момент начала тайных переговоров Э. Эркко в Хельсинки с советским дипломатом Б. Е. Штейном в марте 1939 г. К. Маннергейм уже явно стремился понять, какие цели преследовала на них Москва. И здесь становится понятно, что он четко исходил из положения, которое, несомненно, должно было учесть руководство Финляндии. Он был убежден, что Штейн в Москву «не должен был возвращаться с пустыми руками». В своих мемуарах он писал об имевших у него тогда встречах с министром иностранных дел Э. Эркко, а также с премьер-министром А. Каяндером и президентом К. Каллио. В ходе состоявшихся тогда бесед, К. Г. Маннергейм каждого из них убеждал, что в сложившихся условиях Финляндия должна «осуществлять сближение с Советским Союзом, чтобы, — как он отметил, — ослабить его (т.е. СССР — *В. Б.*) подозрения». Без всяких оговорок маршал предлагал передать Советскому Союзу ряд запрашиваемых Москвой в ходе переговоров в Финском заливе островов, которые, как он заметил, «нет возможности защищать» [17, s. 96–99].

Очевидно, что данное мнение маршала явно основывалось на отсутствии у него ярко выраженной русофобии. Более того, в отличие от большинства руководства страны [см., например: 1, с. 61–72], он, проживший долгие тридцать лет в царской России, хорошо представлял менталитет великой державы. Маннергейм, как он заметит в своих воспоминаниях, четко улавливал, что Москва от Финляндии «не отступится». Поэтому, как тогда полагал маршал, финляндское руководство должно было само взять инициативу в свои руки и «разрядить обстановку». Как считал Маннергейм, это было бы более выгодным, чем постоянно продолжать стремиться ее нагнетать. Неслучайно, по мнению достаточно близкого к нему генерала Э. Хейнрикса [16, s. 227], уже с 1930-х гг. «для Маннергейма было ясно, что Советский Союз именно из-за Германии смотрит на Финляндию с подозрением» [8, s. 56]. Более того, учитывая обострение положения в Европе, маршал полагал, что для Финляндии было бы и самой «выгодно предложить отодвинуть на несколько километров к западу близко проходящую от Петербурга линию границы» [17, s. 96–99]. Однако эти радикальные идеи так и не учли в руководстве страны.

Тем не менее, конечно, следует также понимать, что в отличие от царской России, Маннергейм не до конца мог разбираться в специфике внешней политики СССР. Да, этого он особо не скрывал [15, s. 23–24]. Очевидно, он также как и многие в Хельсинки рассчитывал, что войну с СССР все же удастся избежать [см.: 18, s. 60; 15, s. 126, 143]. Однако, 29 ноября в Москве сообщили о разрыве дипломатических отношений. Это, несомненно, являлось признаком ближайшего начала войны. К. Г. Маннергейм произошедшее расценил как катастрофу. В момент разрыва межгосударственных отношений маршал лично позвонил премьер-

министру страны А. Каяндеру и «ругал его» так, что находившиеся тогда в кабинете никогда ранее не слышали, «чтобы так когда-либо можно было выражаться» [21, s. 186]. Очевидно, самым дипломатичным из сказанного стало тогда заявление, что «политики... основательно ослабили оборону страны, а теперь довели дело до войны» [14, s. 32].

Таким образом Маннергейм ни коем образом не разделял взглядов тех в финляндском руководстве, которые считали накануне «зимней войны», что СССР просто «блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию» [19, s. 163–164]. Он явно пытался разобраться в советской внешнеполитической линии касающейся Финляндии и найти, таким образом, ответ, раскрывающий реальные цели Москвы в отношении его страны. Далее уже став в августе 1944 г. президентом Финляндии он «в узком кругу» прямо признавал, что «наша внешняя политика не должна идти против России» [10, s. 38]. После выхода Финляндии из войны, он стал явно стремиться «всеми силами избегать открытой конфронтации с восточным соседом», указывая на то, что мы «не можем закрывать глаза на русские требования к нам, основанные на стратегических доводах» [20, s. 64–65; см.: 3, с. 258].

Таким образом Маннергейм достаточно трезво оценивал складывающуюся ситуацию, пытался реально учитывать геополитические интересы СССР. Наиболее отчетливо данные тенденции проявились в январе 1945 г., когда Маннергейм в ходе обсуждения с А. А. Ждановым проблем обороны южного побережья Финляндии, предложил советскому руководству заключить такой договор, который бы резко менял весь последующий характер советско-финляндских отношений. Он предложил СССР приглашение о военно-политическом союзе двух государств. То есть то, к чему в СССР безуспешно стремились в отношении Финляндии, начиная со второй половины 1930-х гг.

Более того Маннергейм на переговорах со А. А. Ждановым собственноручно на русском языке вывел первую статью предлагаемого договора [20, s. 59], где говорилось о необходимости в военном отношении «оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися... средствами» [см.: 20, s. 64–65]. Это уже явно указывало на то, что финский маршал стремился учитывать советскую позицию в данной геополитической проблеме. Показательно при этом, что предложенные финским маршалом формулировки затем появились в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан СССР с Финляндией в 1948 г. [5, с. 6–8]. Таким образом, Маннергейм оказался достаточно тонким стратегом, о чем свидетельствует и его особая позиция в отношении к советским предложениям еще накануне начала «зимней войны».

Источники и литература:

1. Барышников, В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? / В. Н. Барышников // Труды кафедры истории нового и новейшего времени / редкол.: В. Н. Барышников (пред.) [и др.]. – № 7. – СПб. : Изд-во РХГА, 2011. – С. 61–72.
2. Килин, Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941 / Ю. М. Килин. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. – 275 с.
3. Мейнандер, Х. Финляндия, 1944: Война, общество, настроения / Х. Мейнандер. – М. : Издательство «Весь Мир», 2014. – 400 с.
4. Мусаев В. И. В межвоенный период (1924–1940) / В. И. Мусаев // Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). – СПб. : ПОЛИГОН, 1999. – С. 261–299.
5. Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. – М. : Издательство политической литературы, 1983. – 494 с.
6. Brotherus, H. Eljas Erkko, legenda ja eläessään / H. Brotherus. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1973. – 175 s.
7. Frietsch, C. O. Suomen kohtalonvuodet / C. O. Frietsch. – Helsinki : Tammi, 1945. – 574 s.
8. Heinrichs, E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka / E. Heinrichs. – Helsinki-Keuruu : Otava, 1959. – 487 s.
9. Historian kosto. Suomen Talvisota kehysissään. “Kustannusosakeyhtiö siltala”. – Helsinki : Bookwell Oy, 2015. – 403 s.
10. J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSOY, 1985. – 718 s.
11. Kallenautio, J. Suomi katsoi eteensä / J. Kallenautio. – Helsinki : Tammi, 1985. – 389 s.
12. Kekkonen, U. Nimellä ja nimimerkillä. Osa II / U. Kekkonen. – Keuruu : Otava, 1977. – 408 s.
13. Kleemola, P. Helsingin Sanomat sananvapauden monopoli / P. Kleemola. – Helsinki : Otava, 1981. – 384 s.
14. Krohn, A. 30.11.1939. Talvisodan ensimmäiset tunnit / A. Krohn. – Helsinki : Tammi, 1979. – 255 s.
15. Käkönen, U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939 / U. A. Käkönen. – Helsinki : Otava, 1966. – 222 s.
16. Lehmus, K. Tuntematon Mannerheim / K. Lehmus. – Helsinki : Wellin+Göös, 1967. – 243 s.
17. Mannerheim, G. Muistelmat. Osa II / G. Mannerheim. – Helsinki : Otava, 1952. – 526 s.
18. Paasonen, A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä / A. Paasonen. – Helsinki : Wellin+Göös, 1974. – 175 s.
19. Pakaslahti, A. Talvisodan poliittinen näytelmä / A. Pakaslahti. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1970. – 317 s.
20. Polvinen, T. Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III / T. Polvinen. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSOY, 1981. – S. 64–65.
21. Talvela, P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I / P. Talvela. – Helsinki : Kirjayhtymä, 1976. – 464 s.
22. Tanner, V. Kahden maailmansodan välissä / V. Tanner. – Helsinki : Tammi, 1966. – 274 s.
23. Tervasmäki, V. Mannerheim – Valtiomies ja sotapäällikkö talvi – ja jatkosotien käännekohtissa / V. Tervasmäki. – Helsinki : Kirjayhtymä, 1987. – 286 s.
24. Ulkoasiainministeriön arkisto. 109 A 10. Pääministeri Rydin ja ministeri Erkon puheet.

«ЛИНИЯ КЕРЗОНА» В СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В 1941–1945 гг.

А.А. Жиров (Калининград)

Появление новой границы между советскими республиками и Польшей, рекомендованной 8 декабря 1919 г. Верховным советом Антанты, восходит к годам Первой мировой войны [18, р. 121]. Вопрос будущего Польши был одним из главных в политике Великобритании в Восточной Европе. Министр иностранных дел Артур Бальфур первоначально усматривал будущее Польши не как возрожденного суверенного государства, а как автономной части Российской империи [19, s. 40–43]. Он утверждал, что слабое буферное государство между Германией и Россией не отвечает интересам Западной Европы и может представлять собой арену споров и противоречий. Однако события октября 1917 г. в России заставили Форин-офис рассмотреть иные варианты урегулирования вопроса о польско-российской границе.

Выбор нового инструмента пограничного регулирования между Россией и Польшей основывался на двух главных мотивах: 1) население территорий, которые должны были войти в состав Второй Речи Посполитой, в большинстве своем должно было быть польским, т.е. национально гомогенным; 2) Антанта все еще надеялась на победу контрреволюционных сил в России и рассчитывала на возобновление союзнических отношений [15, s. 230].

Таким инструментом стала «линия Керзона», названная в честь лорда Джорджа Натаниэла Керзона, главы МИД Великобритании в 1919–1924 гг., которая была представлена в форме ультиматума советскому правительству 11 июля 1920 г. [10, с. 159–162]. Хотя само авторство идеи, представленной в ноте Керзона, в историографии нередко приписывают Льюису Нэмиру (Lewis Namier), эксперту Форин-офиса по делам Польши, который еще в 1917 г. обосновал идею проведения восточной границы Польши по «этнографическому признаку». Западнее неё располагались территории с преобладающим польским населением, а к востоку проживали преимущественно литовцы, белорусы и украинцы. Стоит отметить, что сам Нэмир в 1920 г. не являлся штатным сотрудником МИД [17].

В телеграмме советскому правительству Керзон настаивал на прекращении наступления Красной армии, которая должна остановиться в 50 км на востоке от линии Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогоуск – Устилуг – восточнее Грубешева – Крылов – западнее Равы-Русской – восточнее Перемышля – до Карпат.

Советское правительство отказалось от данного предложения. Красная армия продолжила свое наступление, но уже в середине августа была разбита под Варшавой, покинув не только польские, но и украинские и белорусские территории. В 1921 г. РСФСР подписала мирный договор в Риге, по которому граница с Польшей прошла на много десятков километров восточнее «линии Керзона» [3, с. 92].

Вслед за этим в 1923 г. под давлением Франции и Польши от «линии Керзона» решено было отказаться. 14 марта 1923 г. Совет послов Франции, Англии, Италии и Японии утвердил новую границу Польши с СССР и Литвой, закрепив за ней Вильнюсский край, Западную Волынь и Восточную Галицию, а также Западную Белоруссию [16]. Вплоть до Второй мировой войны «линия Керзона» исчезла из дипломатического словаря.

Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы проанализировать возвращение в годы Второй мировой войны в дипломатическую практику понятия «линии Керзона» и его использование СССР в борьбе за новые границы в Восточной Европе.

После своего забвения в 1920-е гг. «линия Керзона» была реанимирована с началом новой мировой войны. В 1939–1940 гг. СССР воспользовался сложившейся в Европе ситуацией для того, чтобы вернуть территории, утраченные в послереволюционные годы. 17 сентября 1939 г. советские войска вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Новая граница Советского Союза, установленная в 1939 г. с Германией, прошла в основном по «линии Керзона», лишь в районе города Белостока отклоняясь на запад [6, с. 172]. Новые границы не были официально признаны западными странами.

Возможность юридического оформления новой западной границы открылась перед Советским Союзом во время Великой Отечественной войны. После создания антигитлеровской коалиции СССР установил союзные отношения с эмиграционным правительством Польши. Однако в вопросе послевоенного пограничного урегулирования между двумя сторонами обозначились непримиримые разногласия. Польское правительство в Лондоне не признавало произошедших после 1939 г. территориальных изменений и требовало возвращения советско-польской границы, установленной по Рижскому миру [6, с. 129]. Английское правительство поддерживало точку зрения поляков. Главной причиной такой позиции была слабая оценка союзниками перспектив советской армии на восточном фронте. Как позже написал У. Черчилль, «на этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 г.» [14, р. 182].

Советский Союз не оставлял надежд на поддержку союзниками вопроса о границе с Польшей. 16 декабря 1941 г. на встрече с А. Иденом в Москве Сталин предложил план расчленения Германии с передачей Восточной Пруссии Польше за исключением Тильзита, который перешел бы к Литве [8, с. 37–38]. В дальнейшем позиция Москвы была скорректирована: Идену предложили подписать конфиденциальный протокол, следующим образом определявший будущую советско-польскую границу: «Восстановление Польши в границах 1939 г. с оставлением в пользу СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением..., а также расширить территорию Польши за счет западной части Восточной Пруссии» [12, с. 130]. Уже в 1941 г. советское

правительство в своей политике по определению будущих границ на Западе фактически ориентировалось на принципы «линии Керзона». Однако в 1942 г. из-за отсутствия понимания у западных союзников вопрос о будущих границах СССР был временно снят с международной повестки.

Позиция Англии и США изменилась в 1943 г. Причиной этому стали успехи советской армии, победы под Сталинградом и на Курской дуге заставили их считаться с советскими требованиями. Вопрос о польских границах практически был решен в ходе Тегеранской конференции. На заседании 1 декабря 1943 г. британский премьер заявил, что «очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опфельнской провинции» [13, с. 150].

Для Сталина было очень важно, чтобы новая граница была признана поляками. 4 февраля 1944 г. в своем письме к Черчиллю он потребовал от последнего содействия в официальном признании польским правительством новой границы по «линии Керзона»: «Я считаю, что Польское Правительство должно заявить официально в своей декларации, что линия границы, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что линия Керзона является линией новой границы между СССР и Польшей. Оно должно об этом заявить так же официально, как это сделало Советское Правительство, которое заявило, что линия границы 1939 года подлежит изменению и что советско-польской границей должна быть линия Керзона» [7, с. 229].

Объясняя свою позицию по поводу будущих границ в Восточной Европе Черчилль аргументировал ее следующим образом: «Я испытываю чувство величайшей симпатии к полякам... но я также сочувствую точке зрения русских. Россия имеет право на гарантии против повторения нападения на нее с запада, и мы идем до конца с ней, чтобы она получила такие гарантии не только силой своего оружия, но и в результате одобрения и согласия Объединенных наций. Я не считаю, что требования русских гарантии их западных границ выходят за рамки разумного и справедливого» [9, с. 783]. С позицией Черчилля были согласны и американские дипломаты, о чем высказался американский посол в СССР А. Гарриман: «Польский вопрос в первую очередь касается СССР, во вторую очередь – Великобритании и лишь в третью очередь – Соединенных Штатов» [11, с. 21–22].

Сталин отлично понимал, что «линия Керзона» – важнейший инструмент в обосновании будущей советско-польской границы для мировой общественности. Он специально акцентировал внимание союзников на том, что сама «линия Керзона» была разработана Великобританией без согласия Советской России. Но, несмотря на это, он готов признать эту линию во имя исторической и этнической справедливости в регионе. Так Сталин обосновывал свою позицию во время беседы в Москве 28 апреля 1944 г. с ксендзом Ст. Орлеманьским: «Тов. Сталин, думает, что союз России с Польшей, Польши с Украиной и Польши с Белоруссией наладится

лишь в том случае, если ни одна из указанных стран не будет присваивать себе земель другой страны. Ему, тов. Сталину, кажется, что после того, как не будет у этих стран претензий друг к другу, можно будет наладить дружбу между ними. Именно из этого исходило Советское Правительство, когда оно предлагало линию Керзона. Он, товарищ Сталин, должен сказать, что линия Керзона была в свое время предложена не с согласия Советского Правительства, а против его воли. Эта линия была выработана во время Парижской мирной конференции» [1, с. 39].

4–11 февраля 1945 г. в Ялте во время Крымской конференции «Большой тройки» возражений по поводу будущей советско-польской у Черчилля и Рузвельта не было. Итогом работы Крымской конференции стало признание восточной границы Польши вдоль «линии Керзона» [4, с. 263].

16 августа 1945 г. в Москве был заключен советско-польский договор об окончательном определении государственной границы между странами, соответствующей в основном «линии Керзона», с некоторыми отступлениями в пользу Польши [2].

В заключение стоит отметить, что «линия Керзона» в момент своего появления была стратегическим ходом Великобритании в реализации своего видения послевоенного урегулирования в Европе. Новая граница, предполагавшая по представлению Франции сдерживание советской России, на самом деле обеспечивала гегемонию Великобритании на континенте. Однако через 20 лет «линия Керзона» стала главным аргументом в политике Советского Союза по обеспечению своих интересов на западных границах. «Линия Керзона» позволила советской дипломатии обосновывать свои претензии на Западную Украину и Западную Белоруссию не с позиции силы, а опираясь на международный юридический прецедент, что обеспечило легитимность новых границ на Западе со стороны международного сообщества.

Источники и литература:

1. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. – 985 с.
2. Договор от 16 августа 1945 г. о советско-польской государственной границе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd4949.htm>. – Дата доступа: 27.03.2018.
3. Колмагоров, К. Н. Линия Керзона / К. Н. Колмагоров // Новый часовой. – 2004. – № 15–16. – С. 86–96.
4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. – М. : Политиздат, 1984. – 302 с.
5. Мариуш, В. Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения / В. Мариуш // Вестник МГИМО. – 2009. – №4. – С. 166–176.
6. Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 4. 1941–1945 годы. – 696 с.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. – М. : Политиздат, 1989. – Т. 1. – 472 с.
8. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль / О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2004. – 576 с.

9. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. – М. : Терра, 1995. – 800 с.
10. Сергеев, Е. Ю. Британский политик лорд Керзон / Е. Ю. Сергеев. // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 154–168.
11. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2. – 572 с.
12. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики РФ. – М. : Наука, 1996. – Т. 1. – 784 с.
13. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2. – 510 с.
14. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. Кн. 2. – 671 с.
15. Buszko, J. Historia Polski: 1864–1948 / J. Buszko. – Warszawa, 1985. – 479 s.
16. Mecik, P. 95 lat temu mocarstwa zachodnie uznały wschodnią granicę II RP [Electronic resource] / P. Mecik. – Mode of access: <http://nowahistoria.interia.pl/aktualnosci/news-95-lat-temu-mocarstwa-zachodnie-uznaly-wschodnia-granice-ii-nId,2557402>. – Date of access: 27.03.2018.
17. Rusin, B. Lewis Namier, the Curzon Line, and the shaping of Poland's eastern frontier after World War I [Electronic resource] / B. Rusin. – Mode of access: <http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/SDR/article/viewFile/SDR.2013.19/7992>. – Date of access: 27.03.2018.
18. Terry, S. M. Poland's Place in Europe: General Sikorski and the Origin of the Oder-Neisse Line, 1939–1943 / S. M. Terry. – Princeton : Princeton University Press. – 1983. – 412 p.
19. Złotkiewicz-Kłębukowska, J. Od Balfoura do Curzona – polityka Wielkiej Brytanii wobec odradzającej się Polski 1918–1920 / J. Złotkiewicz-Kłębukowska // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. – Sectio Historia. – 2009. – № 64. – S. 37–53.

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОГРАММА ЛЕНД-ЛИЗА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ НА СССР

С.М. Монин (Москва)

В истории Второй мировой войны до сих пор сохраняются сюжеты, не до конца ясные и понятные не только широкой публике, но иногда и представителям образованной общественности. К их числу можно отнести и некоторые аспекты американской программы ленд-лиза. В частности, в отдельных публикациях, а уж тем более на просторах интернета можно столкнуться с путанными представлениями о том, как возникла эта программа и на каких условиях в соответствии с ней США предоставляли свою помощь, как и когда к ленд-лизу был подключен Советский Союз.

К появлению программы ленд-лиза СССР не имел никакого отношения. Более того, в Америке были влиятельные силы, которые с самого начала стремились заранее исключить саму возможность ее применения в отношении Советской России. Эта программа родилась ради спасения, прежде всего Британии.

С началом мировой войны президент США Рузвельт, исходя из жизненных интересов своей страны, был готов оказать поддержку противни-

кам гитлеровской Германии. Но сделать это надо было, не нарушая законов, поладив с конгрессом и успокоив общественное мнение. Тогда среди американцев очень сильны были изоляционистские настроения, а закон о нейтралитете запрещал оказание помощи воюющим странам. Этот закон удалось смягчить, что сделало возможным поставки из Штатов в Британию (и Францию) по принципу «плати и вези». Но уже довольно скоро для Лондона обозначилась весьма неприятная перспектива: его золотовалютные резервы таяли на глазах, перетекая в карман американцам. Попытки англичан как то пополнить свои долларовые запасы за счет улучшения баланса в торговле невоенными товарами с США или продажи американских активов особого успеха не имели.

Казалось бы, выход очевиден – получить у тех же янки кредиты, как это было во время войны 1914–1918 гг. Но беда в том, что в 1920–1930-е гг. ни англичане, ни другие союзники по Антанте свои долги так и не вернули. Потому в США было законодательно запрещено давать деньги странам, которые не рассчитались по долгам Первой мировой. Теперь уже никому не удалось бы повторно продемонстрировать американцам трюк по формуле «взять и не отдать». Разрешенные законом о нейтралитете 1939 г. краткосрочные государственные кредиты для военных закупок в США не решали проблему оплаты крупных долговременных заказов.

15 мая 1940 г., едва вселившись на Даунинг-стрит, Черчилль написал Рузвельту, что «мы будем продолжать расплачиваться долларами до тех пор, пока сможем, но мне хотелось бы быть достаточно уверенными в том, что, когда мы более не сможем платить, вы все равно будете снабжать нас материалами» [6, с. 115].

Положение Британии к этому времени стало просто отчаянным. Франция пала, и англичане переписали на себя сделанные ею заказы за океаном. Но опять – чем платить? Поставки нужны были как никогда. Свое-то тяжелое оружие англичане бросили при бегстве из Дюнкерка. Развернулись воздушная битва за Англию и морская битва за Атлантику. 15 декабря британский премьер сообщил своему американскому коллеге, что стоимость уже размещенных и готовящихся заказов в США «во много раз превосходят все валютные запасы Англии. Приближается время, когда мы более не сможем платить наличными...», иначе «мы окажемся раздетыми донага» [6, с. 149].

В Вашингтоне, убедившись, что платежеспособность англичан действительно стремилась к нулю, искали выход из сложившейся ситуации. Как помочь Британии, оказавшейся теперь единственным действующим противником Германии? Дело осложнялось тем, что в ноябре 1940 г. в США предстояли президентские выборы, и нельзя было дать повод для обвинений Рузвельта в том, что его политика толкает страну к реальному вступлению в войну.

Выход был найден в поставках «взаймы или в аренду», или по ленд-лизу (англ. lend-lease). Первые идеи на этот счет возникли у Рузвельта и его окружения еще летом 1940 г. Вскоре последовал первый опыт поставок без оплаты деньгами – передача англичанам 50 старых эсминцев в обмен на стратегически важные британские базы в Новом Свете.

В США развернулось оживленное обсуждение того, какой должна быть масштабная и долговременная программа оказания помощи противникам держав «оси», согласно которой Соединенные Штаты, по мысли Рузвельта, должны были превратиться в «арсенал демократии».

Закон о ленд-лизе (официальное название «Акт об укреплении обороны США») был принят 11 марта 1941 г. Он предусматривал поставки «взаймы или в аренду» всего необходимого для ведения войны тем странам, оборона которых была «жизненно важна» для обороны самих Соединенных Штатов. Во время войны поставки оплате не подлежали, а все расчеты за сохранившееся имущество переносились на послевоенное время. В этот же день, 11 марта, Рузвельт подписал распоряжения о передаче партий вооружения Британии и Греции, дав старт реализации закона [см.: 8].

При обсуждении закона о ленд-лизе его будущее действие никак не связывалось с Советским Союзом, который многими тогда в Соединенных Штатах рассматривался скорее как сообщник Гитлера, а не его противник, который нуждался в поддержке. Резкие, порой силовые действия Москвы по обеспечению своих национальных интересов и прежде всего по укреплению своей обороноспособности трактовались в Вашингтоне со своей колокольни. В конгрессе вносились предложения включить в закон о ленд-лизе список государств – получателей помощи (СССР в этом списке не было) или прямо запретить включать его в этот список и исключить из предложенной программы. Однако президентской стороне благоразумно удалось отклонить идею о каких-либо списках и тем самым сохранить за собой свободу рук в отношении возможных будущих поставок в Советский Союз [1, с. 575–581].

Впрочем, даже после того, как Советский Союз подвергся нападению гитлеровской Германии, он не сразу получил поддержку на условиях ленд-лиза. Война для Соединенных Штатов тогда казалась все еще далекой и их реакция на случившееся и на словах, и на деле заметно отличалась от поведения тех же англичан [см.: 3, с. 107–120; 4, с. 23–36].

Уже днем 22 июня 1941 г. Лондон по дипломатическим каналам предложил «помощь в снабжении СССР через Владивосток и Персидский залив», и Москва согласилась ее принять [2, с. 14]. Вечером того же дня Черчилль выступил по радио со своей знаменитой речью. Напомнив о своем антикоммунизме, он тем не менее четко заявил, что ни о каком мире с Германией не может быть и речи, а Британия окажет Советскому Союзу всю возможную в тех условиях помощь. Быстрое и категоричное выступ-

ление британского премьера расчистило путь для налаживания сотрудничества с СССР.

25 августа советские и британские войска вступили в Иран, имея одной из главных целей обеспечение поставок военных грузов через порты Персидского залива и далее по иранской территории в Советский Союз. 31 августа в Архангельск прибыл первый британский конвой из 7 грузовых судов. Англичане уже в сентябре, раньше американцев, заявили о режиме ленд-лиза для поставок в СССР. При этом Лондон выразил готовность поделиться с новым союзником частью той военной продукции, которая была заказана в США.

В Вашингтоне никто не выступал с пламенными речами и не делал развернутых специальных заявлений. 23 июня и.о. госсекретаря Уэллес на пресс-конференции осудил «вероломное нападение Гитлера». На следующий день президент Рузвельт также на пресс-конференции заявил, что Соединенные Штаты предоставят Советской России всю возможную помощь, но сделал это с оговорками и без ссылки на ленд-лиз. Нарком иностранных дел Молотов даже съязвил по этому поводу в разговоре с послом США: «... Согласно этому заявлению, Америка может помочь Советскому Союзу лишь ботинками и носками» [2, с. 62]. Такая позиция официальных властей была не удивительна, учитывая положение дел на советско-германском фронте и тогдашние настроения в американском обществе.

В этой связи часто вспоминают слова сенатора (и будущего американского президента) Трумэна о том, что в интересах США дать возможность немцам и русским как можно больше истреблять друг друга, помогая тому, кто будет проигрывать. Подобные заявления звучали в тот момент в Соединенных Штатах в изобилии. Так, известный сторонник изоляционизма, знаменитый летчик Линдберг заявлял: «Я бы в сто раз охотнее объединил усилия нашей страны с Британией или даже с Германией при всех ее изъянах, нежели с той жестокостью, безбожием и варварством, что царят в Советской России» [цит. по: 7, с. 148].

Советское правительство 30 июня направило в Вашингтон масштабную заявку на оружие и другую продукцию на общую сумму свыше 1,8 млрд. долларов. Но рассмотреть этот заказ американский кабинет удосужился только 18 июля. Чуть позже Рузвельт признавал, что почти через шесть недель после начала войны между Германией и СССР «мы практически ничего не сделали... Честно говоря, на месте русских я бы считал, что Соединенные Штаты дают мне от ворот поворот» [цит. по: 5, с. 22].

Тем не менее летом-осенью 1941 г. американские грузовые суда шли в советские дальневосточные порты. Налаживалось участие американцев в арктических конвоях. Американцы были в курсе создаваемого для ленд-лиза «персидского коридора». США были представлены на Московской конференции 29 сентября – 1 октября по межсоюзническим поставкам.

Но все еще не урегулированным оставался вопрос об оплате американских поставок. В сентябре в США отправилось первое советское судно с 10 тоннами золота на 30 млн. долларов. 30 октября Рузвельт сообщил Сталину о предоставлении СССР беспроцентного займа в 1 млрд. долларов. И только 7 ноября – к главному советскому празднику – США преподнесли СССР своего рода подарок, распространив на него действие закона о ленд-лизе. Задним числом счет стали вести с момента подписания 1 октября Московского протокола.

11 июня 1942 г. СССР и США заключили Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, которое регулировало поставки по ленд-лизу. Свои обязательства по Московскому протоколу, действовавшему до 30 июня 1942 г., американцы, по их же подсчетам, выполнили на 80% [5, с. 38–39, 43].

Несмотря на все эти обстоятельства, советско-американское сотрудничество постепенно налаживалось к взаимной пользе сторон. СССР, находившийся в тяжелой ситуации, нуждался в поставках крайне необходимых ему материалов. США получили возможность, поддерживая Советский Союз, сберечь жизни своих солдат и выиграть время для мобилизации и накопления собственных сил.

Источники и литература:

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Куликово поле, 2014. – Т.8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.
2. Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. – М. : Международные отношения, 2000. – Т. XXIV. – 632 с.
3. Монин, С. М. Налаживание военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941 году / С. М. Монин // Великая Победа : в 15 т. – М. : МГИМО-Университет, 2015. – Т. 15: Великая Победа и современный мир. – 404 с.
4. Монин, С. М. Становление военно-экономического сотрудничества СССР и Великобритании (июнь-октябрь 1941 г.) / С. М. Монин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 3. – С. 23–36.
5. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки / В. О. Печатнов. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. – 752 с.
6. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. – М. : ТЕРРА, 1995. – 800 с.
7. Хейстингс, М. Вторая мировая война: ад на земле / М. Хейстингс ; пер. с англ. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 608 с.
8. Beard, C. A. President Roosevelt and the Coming of the War, 1941 / C. A. Beard. – New Brunswick-London : Transaction Publishers, 2011. – 614 p.

Р А З Д Е Л 3
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
(1945–1991 гг.)

ПОЗИЦИЯ ПАРТИИ «ОБЪЕДИНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО
НАРОДА» (РПФ) И ЕЕ ЛИДЕРА Ш. ДЕ ГОЛЛЯ
ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1945–1949 гг.

Н.В. Величко (Витебск)

Во Франции исторически сложились три правых политических течения. Ультраправые всегда вели борьбу против республиканской формы правления во Франции («Аксьон франсез»). Правые националисты систематически поддерживали политический режим. Наконец, во Франции существовали либеральные правые, которые постоянно входили в состав правительств.

Приход фашистов к власти в Германии послужил толчком к расколу правых националистов. Часть из них поддержала фашистов, а другая осталась верной принципам германофобии и дала рождение классическому голлизму в период Соппротивления. После Второй мировой войны в рядах правых снова произошёл раскол на «вишистов», «моррасьенов» (от имени руководителя «Аксьон франсез» Шарля Морраса) и «голлистов».

Вишисты видели разрешение германского вопроса во франко-немецком союзе внутри Объединённой Европы. Они считали, что создание новой Европы невозможно без участия США. СССР оставался для них «врагом номер один» [7, р. 213]. Вишисты были убеждены, что вести действенную борьбу против влияния СССР возможно только в союзе с Германией, которая уже приобрела в этом отношении определённый опыт.

Моррасьены, напротив, демонстрировали свою враждебность и неприязнь по отношению к Германии. Однако, в то же время они оставались антикоммунистами. В дальнейшем одновременное существование антинемецких и антикоммунистических тенденций в рядах моррасьенов привело их к расколу. Моррасьены ратовали за расчленение Германии с целью недопущения новой катастрофы. Они являлись «хранителями традиций ортоксального антигерманизма» [7, р. 213]. Страх перед возможностью создания «прогерманской» Европы был у моррасьенов настолько велик, что германская проблема на долгое время у них отодвинула на задний план другие вопросы, в частности, внутренние и колониальные. Германофобия моррасьенов приняла латентную форму лишь к середине 1950-х гг.

Вишисты и моррасьены в послевоенной Франции часто встречались под общим названием «правые неголлисты». Неголлисты постоянно блокировали обсуждение германского вопроса в парламенте и правительстве [5, p. 243].

В апреле 1947 г. генерал Ш. де Голль объявил о создании новой политической организации – «Объединение французского народа» (РПФ – аббревиатура от названия партии на французском языке). Руководители РПФ – Ш. де Голль и его соратники военного времени, которых прозвали «баронами голлизма» (Ж. Сустель, М. Дебре, Ж. Шабан-Дельмас и др.), – утверждали, что их организация не является обычной политической партией, а представляет собой широкое народное объединение, созданное в соответствии с традициями Сопротивления. Они обвиняли все другие политические партии в том, что их борьба «парализовала государство», требовали отмены Конституции 1946 г. и создания «сильной власти» в лице независимого от партий президента. Для смягчения классовой борьбы лидеры РПФ предлагали добиваться «ассоциации труда и капитала». Одну из своих главных задач они видели в борьбе против коммунизма. Атаки на Советский Союз и коммунистические партии, обвиняемые в стремлении к агрессии и диктатуре, вскоре заняли центральное место в их пропаганде. Хотя партия РПФ не желала называть себя ни левой, ни правой, фактически она выступала как правая партия, в состав которой вошли не только бывшие участники Сопротивления, но и многие бывшие вишисты.

Программа партии РПФ базировалась на позициях её безусловного лидера – Ш. де Голля, поэтому вначале представляется необходимым рассмотреть его внешнеполитическую позицию, в частности по германскому вопросу. Ш. де Голль всегда отстаивал идею величия Франции и считал, что именно его страна должна сыграть определяющую роль в построении нового международного порядка в Европе. Вся германская политика Франции 1944–1946 гг. вытекала из этой базовой концепции. Ш. де Голль всеми силами пытался обеспечить превосходство Франции в Европе, особенно над побеждённой Германией [5, p. 210]. В течение 1944–1950 гг. его позиция относительно обновлённого немецкого государства существенно не изменилась. Однако некоторые французские исследователи выделяют две фазы эволюции политической мысли Ш. де Голля относительно германского вопроса: первая продолжалась с начала освобождения Франции до конца 1946 г., а вторая началась в 1947 г.

До конца 1946 г. Ш. де Голль видел решение германской проблемы в тесном союзе четырёх держав-победительниц и установлении ими общего контроля над Германией. Именно в этом направлении шло решение германского вопроса во французском правительстве. Для обеспечения безопасности Франции Ш. де Голль отстаивал на международной арене следующие позиции:

1. Отделение Рура от Германии и установление над ним международного контроля.

2. Отделение Саара и интеграция его во французскую экономику.

3. Вхождение Рейнской области в состав Франции либо изъятие её из сферы влияния Германии и создание на этой территории особого режима контроля.

4. Продолжительная оккупация оставшейся территории Германии.

5. Децентрализация Германии с целью создания в будущем на её территории конфедерации немецких государств.

Таким образом, до начала 1947 г. Ш. де Голль говорил о Германии только во множественном числе, как о федерации немецких государств [1, л. 62]. Однако, несмотря на непримиримость своих взглядов, Ш. де Голль вынужден был считаться с внешнеполитическими реалиями.

Два взаимосвязанных фактора определили позицию Ш. де Голля во внешней политике с начала 1947 г.: неизбежный раскол между Востоком и Западом и возрождение идеи унификации Европы. Возрастание угрозы со стороны СССР склонило политическую ориентацию Ш. де Голля в сторону Европы. С этого момента он начал говорить о целесообразности создания европейской федерации. Прогнозируемый раскол Германии трансформировал у него германский вопрос в проблему Западной Германии. По его мнению, Западную Германию в форме конфедерации отдельных государств нужно было интегрировать в европейскую федерацию под эгидой Франции [3, л. 2]. Тем не менее, Франция продолжала нуждаться в гарантиях обеспечения своей безопасности, поэтому определяющие принципы германской политики Ш. де Голля существенно не изменились. Их можно представить в следующем виде:

1. Франция должна снова стать сильной державой для обеспечения равновесия с Германией.

2. Рур должен быть интернационализирован.

3. Франция должна сохранить свои прибыли в результате победы над фашистской Германией: Саар, оккупацию левого берега Рейна и французской зоны.

4. Необходимо воспрепятствовать возрождению Рейха путём создания на его территории конфедерации отдельных немецких государств [6, р. 102].

Безусловно, по сравнению с 1944–1946 гг. его позиция в германском вопросе претерпела значительное изменение по ряду пунктов. Создание конфедерации немецких государств стало преобладающей идеей [8, р. 107]. Требование оккупации левого берега Рейна больше не предполагало его отделения от остальной территории Германии. Статус международного контроля над Руром трансформировался в его «европейский статус», то есть, подразумевал интеграцию Рура в Западную Европу. Однако, с другой стороны, Ш. де Голль не видел никакого противоречия между необходимостью построения европейской федерации вместе с Германией и одновре-

менным требованием продолжения оккупации части её территорий. Он считал, что Европа будет представлять собой, прежде всего, экономическое и культурное сообщество, в котором вопросы суверенитета будут играть минимальную роль. В случае же действительного европейского союза и, в особенности, франко-германского, границы спорных территорий исчезнут автоматически [4, р. 78].

Различие внешнеполитических позиций Ш. де Голля в 1944–1946 гг. и в 1947–1950 гг. объясняется главным образом появлением угрозы со стороны СССР. Однако потеря своего союзника в германском вопросе не означала для Ш. де Голля безоговорочное принятие линии Великобритании. Защищая идею величия Франции, Ш. де Голль требовал от своих сторонников следования национальному курсу во внешней политике. Он искренне считал, что именно Франция призвана осуществить миссию по созданию объединённой Европы. Однако для начала было необходимо навести порядок внутри самой Франции. С этой целью Ш. де Голль и создал РПФ. Основной задачей РПФ было возрождение великой Франции, которая в будущем смогла бы взять на себя ответственность за объединение Европы [7, р. 222].

Возникшая в 1947 г., партия РПФ являлась самой многочисленной и играла важную роль в политической жизни страны в 1947–1949 гг. В этот период Франция полностью пересмотрела свой курс в германской политике. Руководство РПФ дублировало позиции своего лидера во внешней политике и в германском вопросе в частности. Его конечной целью являлось создание единой Европы под эгидой Франции.

После изучения германской проблемы комиссия по международным вопросам на одном из заседаний партии РПФ объявила, что слияние французской зоны оккупации Германии с Бизонией является возможным только при соблюдении ряда условий. Слияние вышеуказанных территорий, по мнению комиссии, можно было осуществить лишь при полном устранении угрозы возрождения Рейха. Члены РПФ высказались за необходимость интеграции конфедерации немецких государств в европейскую федерацию. Франция, в виду своего географического положения и традиционной миссии, должна была призвать все страны-учредительницы новой Европы в ближайшем будущем собраться в Париже для обсуждения основ европейского союза [5, р. 229].

Руководство РПФ много говорило о советской угрозе, которая, по их мнению, представляла ещё большую опасность, чем Германия. В этом смысле позиция популярной партии повлияла на улучшение климата в отношении послевоенной Германии. Однако, с другой стороны, члены РПФ препятствовали установлению с ней нормальных контактов. Голлисты не допускали вмешательства англичан во внешнюю политику Франции. Они считали возможным возрождение Германии лишь после экономического и политического восстановления Франции. Один из ближайших соратников Ш. де Голля, генеральный секретарь по немецким и австрийским делам

М. Дебре в своих мемуарах охарактеризовал Францию в период Четвёртой республики следующим образом: «Французы работают, накапливают, вкладывают. Они хотят смотреть с надеждой в будущее. И вот в такой Франции ведётся посредственная, разочаровывающая и даже постыдная политика, совершенно не способная отвечать за судьбу Нации. Повсюду, в любой области она подводит нас к страшным испытаниям. И во время этого нашего ослабления Германия поднимается и вызывает к себе уважение, а англо-саксонский мир просто смеётся над нами и презирает нас» [2, с. 52].

Таким образом, с одной стороны, РПФ являлась проводником европейского пути решения германского вопроса, а с другой стороны, она опасалась быстрых темпов реализации германской политики. Это в конечном итоге привело к тому, что вся деятельность РПФ была направлена на создание разного рода препятствий в разрешении германской проблемы.

Источники и литература:

1. Американская печать о политике союзников в отношении Германии // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд 82. – Оп. 28. – Д. 12. – Л. 56–69.
2. Арзаканян, М. Ц. Мишель Дебре / М. Ц. Арзаканян // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 45–63.
3. Меморандум французского правительства от 17 января 1947 г. относительно конституционного устройства Германии // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд 82. – Оп. 29. – Д. 26. – Л. 2–18.
4. Binoche, J. L'Allemagne et le général de Gaulle (1924–1970) / J. Binoche. – Paris : Plon, 1975. – 229 p.
5. Bjol, E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV-e République / E. Bjol. – Copenhague : Munksgaard, 1966. – 456 p.
6. DePorte, A. W. Charles de Gaulle, observations d'outre-Atlantique / A. W. DePorte // Politique étrangère. – Printemps 1986. – № 1 (51-e année). – P. 93–106.
7. Korff, A. Le Revirement de la politique extérieure française entre 1945 et 1950 / A. Korff. – Ambilly-Annemasse : Imp. franco-suisse, 1965. – 367 p.
8. Maillard, P. De Gaulle et l'Allemagne. Le rêve inachevé / P. Maillard. – Paris : Plon, 1990. – 323 p.

**TRUMAN'S DOCTRINE AS AN INSTRUMENT FOR
STRENGTHENING DIPLOMATIC INFLUENCE AND CONTROL
IN WESTERN EUROPE AFTER THE COLLAPSE OF THE
MODEL OF EUROCENTRICITY IN THE WORLD IN 1947**

Uliya Podriez (Sumy)

The confrontation between the two world powers, the US and the USSR, created a new geopolitical paradigm in the international arena that gradually grew into the Cold War.

Currently, the United States and the Russian Federation have the largest rocket-nuclear capabilities, so relations between the two countries remain key in

world politics. The interest in the problem of US-Soviet relations manifests itself to the extent that the key to an understanding of contemporary US-Russian relations and the political tension that is observed today in society is precisely in the Soviet period. If you look closely at the relationship between the US and Russia in retrospect, then it becomes clear that these states are still actively fighting for world leadership.

In 1946–1947, the Western European direction became the main priority of American foreign policy. By betting on Western Europe, the creators of American foreign policy did not make mistakes in their calculations. Without the inclusion of this vital region for the United States in its sphere of influence, it would be impossible for Washington to achieve leadership, as the Eurasian space sharply limited American influence in the world and the control over the course of events, as well as access to the richest natural resources of this supercontinent. However, the path to achieving Washington's global leadership was blocking by the USSR, whose consolidation in Western Europe would "cause irreparable harm to the United States". Therefore, protection from Soviet domination has become an important task for the United States. The realization of this goal has led to the Cold War [2, c. 99].

In February 1947, the President of the USA Truman launched a specific program of measures to save Europe from Soviet expansion. On March 12, 1947 in the presidential message of the congress on the allocation of 400 million dollars in order to help Greece and Turkey, known as the "Truman Doctrine", it has already been formally spoken about the threat of "totalitarian" regimes that hang over the "free world". Recognizing that he is proposing to interfere in the internal affairs of others who are far from America, and that the course he recommends to take is very serious, Truman tried to explain his policy to the fact that the United States should intervene in the lives of other people in order to help the majority. Declaring that "the world is not in place and that the status quo is not inviolable", Truman has made it clear that the United States would only agree with such changes in the world that they consider to be correct. If, he said further, the United States will refuse "to assist Greece and Turkey in this fatal time, then it will have far-reaching consequences for the West, as well as for the East" [4, c. 173].

The "Truman doctrine" included the creation of the North Atlantic Alliance (NATO), which was formed in 1949. The new policy was expressed in economic, financial and military assistance to non-communist regimes. Despite the preparatory work, Truman's doctrine met a strong opposition in Congress.

Truman's doctrine made it possible that the congress imposed unilateral commitments on the United States, without providing itself with either allies or with the support of the United Nations. In accordance with this doctrine, Truman's government, in particular, took up military aid to France in its colonial war in Indochina, which ultimately led to the Vietnam War.

In Greece and Turkey, Washington pursued military-strategic goals, including strengthening the positions oil monopolies of the USA in the Middle East. But in the general terms of the Cold War, the “Truman Doctrine” represented only a preliminary, preparatory operation. Washington then considered Western Europe as the main field of action in this war [10, c. 42].

The US government has offered the Soviet Union and other European countries to take part in the plan for the reconstruction and restoration of Europe, but under the pressure of the USSR, other eastern European states have abandoned the American position [12, c. 80].

The justification by the president of the need for active American intervention in European affairs was seen in the USSR as evidence of the ultimate US refusal to pursue isolationism and their intentions to assume the role of world leader.

One of the official British officials in 1947 informed D. Acheson that “the difficult economic crisis in the UK removes the responsibility of maintaining political and economic stability in Greece and Turkey” – the traditional “zones of responsibility” of London. On February 21, 1947, the United States received two British notes, which reported on the consent of Britain to convey to the Americans functions to assist Greece and Turkey. The British side also announced the withdrawal of its troops from Greece. In this regard, J. Marshall said: “Obviously, the British refused their presence in the Middle East and appealed to the United States as their successor” [7, c. 152]. In fact, this was the actual transfer of powers to the United States owing to the weakening of the UK’s position on the international scene, but most importantly, it was a signal in response to which the Americans proclaimed Truman’s doctrine.

Former US Department of State Jones noted that the notes were regarded as evidence that Britain “passed the US leadership to the world with all its difficulties and glory” [6, p. 43].

In this regard, on February 27 and on March 10, 1947 at the White House, Harry Truman, D. Marshall and D. Acheson met with congressmen to convince them of the need to help Greece and Turkey. In his speech, D. Marshall highlighted the protection of American interests. However, the approach provided a decisive influence D. Acheson, who said that “the United States to take measures to strengthen countries threatened by Soviet aggression equivalent protection of freedom itself” [8, p. 87].

At the same time D. Acheson openly talked about the intention of the USSR to take a dominant position in the Eastern Mediterranean and the Middle East, and thus penetrate into South Asia and Africa. Taking into account the fact that the statements of D. Marshall about the need to preserve and maintain political stability in the region, US access to raw materials and new markets did not make a congress of proper influence, D. Acheson in his speech stated in an attempt to achieve communism’s dominant position on the continent and its further quest for world domination.

Acheson's performance was quite successful and, as it turned out, was effective. He thus described the situation: "Just as apples in the barrel are spoiled in the presence of at least one rotten, the situation in Greece and Turkey will affect Iran and change the whole course of events in the Middle East, in Africa, Italy, France and etc., we and only we have the opportunity to reflect the attacks of the USSR on the achievement of hegemony around the world".

Acheson believed that in Turkey, the USSR intended to station its naval bases and then its independence, and after that, the independence of Greece and Iran would have been lost. Acheson also said that in the case "if at least one of these states falls into the sphere of influence of the USSR or in Italy will come to power communists, the fate of the world will be determined" [1, p. 153].

The proclamation of Truman's doctrine was mainly due to factors of geopolitical character. Greece and Turkey, a kind of key to Western Europe, attached particular importance to Washington's strategy. This is due to the fact that both countries are located at the junction of Europe and Asia. Therefore, the American administration was guided primarily by the fact that Turkey has the Dardanelles, the "gate" to the shores of the USSR, Romania and Bulgaria, and is located between them and the richest energy resources in the Middle East.

Turkey was assigned the role of a geostrategic bridgehead of the United States to establish influence in the region. In the 1947 Act of Assistance to Greece and Turkey, it was noted that "the territorial integrity and survival of these states are of particular importance for the security of the United States", as "if Greece falls under the control of an armed minority, the consequences for Turkey will be serious. In this case, confusion and mess spreads across the entire Middle East" [11, c. 199].

For ideological reasons, the USSR ambassador to the United States M. Novikov wrote in connection with this that such a policy "gave its European countries a straightforward choice – either from the US against the USSR or from the USSR against the US and identified the split of the continent". According to one of the White House advisers, Truman's doctrine was "the first gun in a campaign designed to make people realize that the war is not over".

The proclamation of Truman's doctrine was perceived by both politicians and the public in the US ambiguously. Critics of the doctrine in American political circles have said that the costs of its implementation will be much higher than the end result. It was emphasized that "the doctrine will create a precedent for interference in the internal affairs of other states and may lead to a war with the USSR, as well as significantly weaken the United Nations" [13, c. 88].

It is also worth noting that the USSR Consulate in New York Y. Lomakin telegraphed to Moscow after the proclamation of Truman's doctrine: "Truman's speech aroused a serious wave of dissatisfaction among the population", which was feared by the war between the USSR and the United States. However, already in the second half of 1947, according to public opinion polls, 54% of American respondents supported the US actions against Turkey and Greece, and

40% were ready (albeit through the UN) to “declare war on the USSR if it would continue to threaten Greece” [5, c. 492].

The leadership of the USSR was concerned not with the unification of the efforts of all countries affected by the war for the speedy recovery of the world economy, but by the creation of its own, independent of the political and economic sphere, centered on the Soviet Union, surrounded by satellites. The economy of these countries in the immediate postwar years was increasingly subject to the Soviet economy with the tendency of transformation into its appendage.

Another source of restoration and strengthening of the economic power of the USSR was to serve as a reparation, as well as industrial equipment, which was exported by the Soviet Union as a military prey. It is the tough policy of the Stalinist leadership, aimed at strengthening the positions of the USSR and its allies, which became the cause of the collision of the superpowers.

Both states sought to consolidate themselves as an independent center of power in the most important geostrategic region of the world, filling the vacuum created by it in power, and constructing a new political and economic order. It definitively defined the contours of international relations for the next decades.

Consequently, the weakening of the traditional centers of power in the European part of the continent against the backdrop of the phenomenal power of the United States and the collapse of the Eurocentric world has given Washington the opportunity to independently determine the world economic (and, consequently, political) development, relying thus on economic power as the main instrument of diplomacy. Regarding the USSR, Washington’s global strategy has become a form of economic, financial and, subsequently, military assistance to non-communist regimes. Therefore, in 1947, the realization of Washington’s economic diplomacy began as an integral part of the US global strategy to counteract the apparent aggression of the USSR.

Sources and Literature:

1. Archer, J. The Russians and the Americans / J. Archer. – N. Y. : Orbit Books, 1975. – 220 p.
2. Баталов, Э. А. Идеологическая борьба или психологическая война? / Э. А. Баталов, И. Е. Малащенко, Ю. Б. Кашлев. – М. : Искра, 1986. – 123 с.
3. Brzezinski, Z. U.S.-Soviet Relations. The Next Phase in Foreign Policy / Z. Brzezinski. – N. Y. : Aldine de Gruyter, 1980. – 761 p.
4. Быстрова, И. В. Холодная война 1945–1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон / И. В. Быстрова ; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – М. : Идэл, 2009. – 399 с.
5. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 3 кн. / под ред. А. С. Орлова. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 2. – 671 с.
6. Cohen W. America in the Age of Soviet Power 1945–1991 / W. Cohen // Cambridge History of American Foreign Relations. Vol. 4. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 67 p.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: В 2-х т. / МИД СССР. 2-е изд. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 – декабрь 1945). – 325 с.

8. Herrig, G. Aid to Russia, 1941–1946. Strategy, Diplomacy, The Origins of the Cold War / G. Herrig. – L. : Columbia University Press, 1973. – 365 p.
9. Gaddis, J. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War / J. Gaddis. – Oxford : Oxford University Press, 1987. – 332 p.
10. Лапшин, А. О. Перемены в странах Восточной Европы: к чему они ведут / А. О. Лапшин. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
11. Лундестада, Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики после 1945 года / Г. Лундестада. – М. : Весь мир, 2002. – 272 с.
12. Мартен, Д. Метаморфозы мира: Социология глобализации / Д. Мартен, Ж.-Л. Мецжер, Ф. Пьер; пер. с фр. Е. Маркичева. – М. : КМ Академия, 2005. – 302 с.
13. Уткин, А. И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США / А. И. Уткин. – М. : Междунар. отношения, 1986. – 288 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ДЖ. КЕННЕДИ НА ПРОБЛЕМЫ «ТРЕТЬЕГО МИРА» (1950-е гг.)

С.Ю. Шенин (Саратов)

На раннем этапе политической карьеры Джона Ф. Кеннеди его взгляды на американскую внешнюю политику формировались под влиянием первого личного опыта пребывания за границей. В 1930-е гг., когда его отец, Джозеф, на пике своей политической карьеры добился назначения на должность посла в Великобритании, Джон жил в Англии, посещал Советский Союз и Германию. Во всяком случае, тему своей дипломной работы в Гарвардском университете («Умиротворение в Мюнхене») Кеннеди выбрал под впечатлением именно от этих поездок [3].

Уже в 1946 г. Джон Кеннеди уверенно выиграл первые выборы в нижнюю палату Конгресса в 11-ом округе своего родного города Бостона, получив 71,9% голосов. Правда, многие исследователи относят эту победу на счет внушительного капитала и прочных связей его отца с руководством ячейки демократической партии в Новой Англии.

В первые годы работы в американском Конгрессе Кеннеди поддерживал внешнеполитический курс Г. Трумэна, голосуя за большинство правительственных инициатив. Однако при этом по целому ряду вопросов он жестко критиковал политику демократической администрации. В частности, во внешнеэкономической политике он выступал против закона о расширении торговых соглашений, поддерживал сокращение помощи Европе и, наконец, голосовал против программы помощи слаборазвитым странам – «пункта-4» [8, р. 58].

Осенью 1951 г. Кеннеди совершил поездку, коренным образом изменившую его взгляды на внешний мир. Вместе с братом Робертом и сестрой Патрицией он посетил Израиль, Пакистан, Индию, Индокитай, Малайю и Корею.

Находясь под впечатлением от этой поездки, Кеннеди уже в 1952 г. в Конгрессе стал выражать опасения, что США чрезмерно концентрируют свое внимание на Западной Европе в ущерб развитию отношений с азиатскими странами. Между тем, напоминал он, именно в последних проживает две трети населения земного шара. В своей речи в палате представителей 28 июня 1952 г. Кеннеди окончательно распрощался с прежними осторожными позициями, высказавшись против сокращения технической помощи. Видимо, разобравшись в ситуации на месте, он твердо решил для себя, что именно этот вид помощи будет, во-первых, адекватным ответом Запада на «революцию ожиданий», охватившую развивающиеся страны Юга, а во-вторых, более надежным щитом против коммунистической экспансии, нежели «петля военных союзов» [9].

Правда, была, возможно, и третья более прозаическая причина для такого поворота: Кеннеди демонстрировал горячую поддержку внешнеполитической платформе демократов в связи с очередным шагом вверх по карьерной лестнице – к посту сенатора от штата Массачусетс.

Так или иначе, именно в должности сенатора Дж. Кеннеди постепенно формирует собственную, детально проработанную и последовательную версию американской внешнеполитической стратегии. Несмотря на широчайшую эрудицию и прекрасную память, молодому сенатору, тем не менее, было трудно обойтись в таком деле без помощи экспертов и специалистов в области теории модернизации. Уже в начале 1950-х гг. в ходе серии визитов в университеты северо-востока страны Кеннеди заводит полезные контакты в академической среде. На одной из таких встреч, прошедшей 2 декабря 1953 г. в Бостоне, молодой сенатор-демократ жестко раскритиковал даллесовскую стратегию «взаимной безопасности» за ее неэффективность. В этом же выступлении сенатор подтвердил свою приверженность антиизоляционизму и антиколониализму, заявив, что Америка должна стать мировым «локомотивом свободы, демократии и прогресса», и резко осудив упорное нежелание внешнеполитического аппарата Эйзенхауэра поддержать законное право Марокко на независимость от Франции на основании наличия там баз американских ВВС [6].

Весной 1954 г. Кеннеди вновь публично демонстрирует свою самую активную позицию в отношении судеб слаборазвитых стран и поддержку национально-освободительной борьбе бывших колониальных народов. Выступая 6 апреля в Конгрессе по проблеме Индокитая, он предостерег США от поддержки местного правительства, дискредитировавшего себя в глазах населения связями с бывшей метрополией – Францией, а также заявил о необходимости учитывать национальные интересы развивающихся стран при разработке внешнеполитического курса США в «третьем мире» [7].

Период 1955–1957 гг. можно условно выделить как время формирования идейно-теоретической базы внешнеполитической стратегии Кеннеди. На этот этап приходится, пожалуй, основные интеллектуальные и политические усилия по разработке и продвижению внешнеполитической платформы,

используя которую Дж. Кеннеди в 1960 году во главе сплоченной команды радикальных прогрессистов победит на президентских выборах.

В первую очередь, Кеннеди стал рассматривать советско-американскую борьбу за «третий мир» в качестве одного из важнейших направлений американской внешней политики. Он настаивал на том, что американская внешняя политика должна отказаться от безраздельного господства «черно-белого» даллесовского подхода («либо за нас, либо против нас») и задействовать все возможные ресурсы Америки, прежде всего антиколониальное прошлое американской нации и «щедрую руку помощи».

Дж. Кеннеди утверждал, что военные акции американского правительства, подобные тем, которые имели место в Индокитае, на Среднем Востоке, в Гватемале, Тайваньском проливе, не приносили и не принесут успеха, пока США не начнут своевременно реагировать на потребности развития отсталого Юга, не откажутся от поддержки колониальной политики своих европейских союзников, не иницируют широкую программу реформ, не возглавят, наконец, глобальную мирную революцию, нацеленную на выравнивание условий жизни.

Выступая 1 июня 1956 г. по вопросу развития отношений с Южным Вьетнамом, Кеннеди выдвинул звучный лозунг «мирной и регулируемой революции» как отражение сути предлагаемых им изменений американского внешнеполитического курса в «третьем мире» [5]. По его мнению, подобные революции должны были планироваться и осуществляться сотрудниками американского агентства помощи, исходя из национальных приоритетов политического, социального и экономического развития конкретной страны «третьего мира». Хотя в политическом плане эти программы и были нацелены на распространение демократии западного образца и утверждение республиканской формы правления, они не должны были превращать азиатские страны в наемников в «антикоммунистических крестовых походах» [8, р. 62–63].

В свете этих базовых установок, связи США с марионеточными реакционными режимами и диктатурами Кеннеди считал «временными и ошибочными отклонениями» от истинного содержания американской внешнеполитической миссии. Аналогичным образом, он доказывал, что хотя США и поддерживают в отдельных случаях старые колониальные державы (тоже «временно и ошибочно»), их собственные национальные интересы и внешняя политика не имеют ничего общего с империализмом; более того, сами Соединенные Штаты являются непримиримым борцом с неоимпериализмом, осуществляемым Советским Союзом [10, с. 120].

Для того, чтобы направить «здоровый национализм» развивающихся стран Юга на «революционную» борьбу с «советским империалистическим проникновением», США должны были, по мнению Кеннеди, прежде всего осудить «империалистическую политику» своих западноевропейских союзников в странах Азии и Африки.

О своем личном неодобрении колониализма и неоколониализма Кеннеди напомнил в одном из самых известных своих выступлений. 2 июля 1957 г. в Сенате в речи в поддержку независимости Алжира [2], Кеннеди заявил, что наиболее серьезной проверкой американской внешней политики в ближайшие годы должен был стать «вызов империализма». По результатам этой проверки о США будут судить неприсоединившиеся миллионы в Азии и Африке.

В условиях катастрофического падения престижа США в слаборазвитых странах реакция республиканской администрации на войну в Алжире, по мнению Кеннеди, серьезно подорвала уважение к американскому лидерству со стороны мирового сообщества, навредила отношениям с Тунисом и Марокко, аннулировала позитивные элементы удачной ближневосточной стратегии Эйзенхауэра и американских программ помощи, поставила под угрозу существование некоторых из наиболее стратегически важных военно-воздушных баз США. Кеннеди осуждал американское правительство за фактическую поддержку попыток Франции удержать под своим господством Алжир, считая подобную политику «отступлением от принципов независимости и антиколониализма». В сложившейся ситуации единственной возможностью для США сохранить как влияние в международных делах, так и экономические интересы в Северной Африке, по мнению Кеннеди, было предоставление Алжиру независимости [2].

Работа Кеннеди в сенатском Комитете по внешней политике (с января 1957 г.) дала новый материал для систематизации и обобщения внешнеполитических взглядов сенатора. Амбициозные планы в отношении собственной политической карьеры заставляли Кеннеди предпринимать шаги, которые должны были не только подчеркивать его принадлежность к радикальному прогрессистскому кругу демократов, но и снискать ему роль ведущего идеолога и активиста партии.

В октябре 1957 г. на страницах авторитетного в США журнала «Foreign Affairs» он опубликовал статью «Взгляд демократа на внешнюю политику». В ней он вновь обрушился на правительство Эйзенхауэра с упреками за недооценку сил национализма, «преувеличенно военный ответ на советский вызов в Азии», а также за безынициативность и несоответствие образу позитивного мирового лидера. В условиях роста экономической отсталости значительной части мира и усиления социальной дезинтеграции, писал сенатор, молодым государствам требовались не абстрактные либеральные догмы, а действенный механизм модернизации, подобный тому, который при помощи СССР успешно реализовывался в Китае [9, p. 227].

25 марта 1958 года Кеннеди совместно с сенатором республиканцем Джоном Шерманом Купером выступил с двухпартийной инициативой принятия закона об увеличении помощи экономической модернизации Индии [2, p. 5249]. В ней отразились следующие принципиальные установки стратегии Кеннеди для «третьего мира»: долгосрочность финансовых обязательств США (в течении трех лет планировалось выделить

3 млрд. долл.); участие в модернизации Юга западноевропейских держав и международных кредитных институтов (в рамках международного консорциума, который на примере Индии должен был разработать универсальную модель развития); отказ от привязки помощи к участию в проамериканских военных союзах.

Накануне последнего шага к вершине своей политической карьеры Кеннеди продолжал оттачивать аргументацию и теоретическое обоснование своей внешнеполитической платформы, в рамках которой «третьемирское» направление играло важнейшую роль. Так, он неоднократно указывал на причины неудач США в соревновании с СССР за лояльность стран Юга. Главная из них заключалась в том, что Америка строила свои отношения с этими странами на основе стратегии «битвы с международным коммунизмом», которая хотя формально и привязывалась к выдающейся глобальной миссии США – освобождению человечества от угрозы рабства и тирании, в плане краткосрочных целей отвечала скорее собственным американским интересам поддержания национальной безопасности. При этом сотрудниками госдепартамента полностью игнорировались проблемы национального развития стран «третьего мира», местные политические столкновения, недооценивалась мощь националистических и антиколониальных настроений [2, p. 107–108].

Такая оценка международного положения, анализ целей и средств американской внешней политики сделали Кеннеди последовательным защитником политики помощи, которая виделась им в качестве основного инструмента стимулирования международных торговых связей США и создания рынков для американской депрессивной промышленности: «Нет сомнения в том, что иностранная помощь сегодня будет означать торговлю завтра». Подобная политика, по признанию самого Кеннеди, прямо или косвенно содействовала развитию тех отраслей американской промышленности, «которые процветают при расширении экспортных рынков» [2, p. 155].

В целом, необходимо отметить, разработав в 1953–1959 гг. фундаментальную критическо-позитивную программу своей «стратегии мира», Джон Кеннеди в ходе борьбы за выдвижение собственной кандидатуры на пост президента сначала внутри демократической партии, а затем на общенациональной арене, не стеснялся активно ее модифицировать, приспособлявая, в первую очередь, к уже сформировавшимся рамкам двухпартийной политики, ко взглядам большинства правящих групп США, к реальным интересам и силам американского бизнеса.

Острая критика Кеннеди даллесовских доктрин «массированного возмездия» и «отбрасывания» наряду с выдвигавшимися им предложениями по «революционизированию» внешней политики США с очевидностью привлекли внимание и создали к концу 1950-х гг. молодому сенатору от Массачусетса репутацию либерального деятеля, обеспечив ему поддержку левого крыла и части центра демократической партии, интеллектуальной элиты и широкой общественности.

Однако репутации «либерального интернационалиста» было явно недостаточно для притязаний на роль президента США. Так, в частности, его речь об Алжире в 1957 г., вызвавшая восхищение либерально настроенных однопартийцев, была осуждена одним из влиятельнейших, но более консервативно настроенных демократов Д. Ачесоном, который подчеркнул, что она не учитывает реальностей союзнических отношений и т.п. Проявив свой либерализм, Кеннеди должен был теперь показать, что он является так же «смелым, твердым и энергичным борцом против коммунизма». Во время предвыборной компании весь пыл полемики Кеннеди по внешнеполитическим вопросам сосредоточился на критике республиканских доктрин и действий, а также на личных нападках в адрес лидеров республиканцев во главе с Эйзенхауэром за их неспособность проводить подлинно американскую «удачливую» стратегию на мировой арене.

Источники и литература:

1. Government of the United States. Congressional Record, 85th Congress, Second Session. – Vol. 104, Part 4. – P. 5246–5255.
2. Kennedy, J. F. The Strategy of Peace / J. F. Kennedy. – N. Y. : Harper & Brothers Publ., 1960. – XV+233 p.
3. Kennedy, J. F. Why England Slept / J. F. Kennedy. – N. Y.; Tokyo : Ishi Press, 2016. – 284 p.
4. Kennedy, J. F. A Democrat Looks at Foreign Policy [Electronic resource] / J. F. Kennedy // Foreign Affairs. – 1957. – October. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1957-10-01/democrat-looks-foreign-policy>. – Date of access: 20.03.2018.
5. Remarks of Senator John F. Kennedy at the Conference on Vietnam Luncheon in the Hotel Willard, Washington, D.C., June 1, 1956 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/JFK-Speeches/Vietnam-Conference-Washington-DC_19560601.aspx. – Date of access: 25.03.2018.
6. Remarks of Senator John F. Kennedy for the Northeastern University Convocation, Symphony Hall, Boston, Massachusetts, December 2, 1953 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/JFK-Speeches/Northeastern-University_19531202.aspx. – Date of access: 21.03.2018.
7. Remarks of Senator John F. Kennedy on Indochina before the Senate, Washington, D.C., April 6, 1954 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/JFK-Speeches/United-States-Senate-Indochina_19540406.aspx. – Date of access: 22.03.2018.
8. Rostow, W. W. From Eisenhower to Kennedy: American Foreign Aid Policy / W. W. Rostow. – Austin : University of Texas Press, 1984. – 342 p.
9. U.S. Congress. House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. Mutual Security Act of 1951 and Other Basic Legislation. 82nd Congress, 2nd Session. – Washington, 1952.
10. Мельников, Ю. М. Внешнеполитические доктрины США: Происхождение и сущность программы «Новых рубежей» президента Д. Кеннеди / Ю. М. Мельников. – М. : Наука, 1970. – 494 с.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ЕЭС – КНР (1970-е – КОНЕЦ 1980-х гг.)

О.П. Рубо (Минск)

Среди ключевых внешних факторов, определивших развитие отношений между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и Китайской Народной Республикой (КНР) в 1970–1980-х гг. следует выделить американский и советский факторы. В рассматриваемый период интеграционное объединение еще не обладало необходимым потенциалом для осуществления масштабной внешнеполитической деятельности, и взаимодействие ЕЭС с КНР во многом зависело от формирования американо-китайских и китайско-советских отношений.

На рубеже 1960–1970-х гг. во внешней политике Китая произошел крутой поворот: Советский Союз был обозначен главным врагом страны. Это событие побудило руководство КНР пересмотреть свою внешнеполитическую стратегию, и было принято решение о необходимости использования экономического и научно-технического потенциала Запада для форсирования модернизации страны. Доступ к ресурсам зависел от нормализации отношений с политическим и экономическим лидером капиталистического мира – с США. Условия американо-китайской нормализации были закреплены в подписанном в феврале 1972 г. Шанхайском коммюнике, в котором США признали существование одного Китая.

Долгое время после Второй мировой войны США определяли политику своих европейских союзников в Азии [2, с. 269]. Взаимное сближение Китая с Соединенными Штатами Америки в 1970-е гг. после длительного периода враждебности и отчуждения предоставило странам ЕЭС большую свободу действий для развития отношений с КНР. Западноевропейские страны последовали американскому примеру и приступили к выстраиванию отношений с КНР. Сообщество проявляло заинтересованность в первую очередь в расширении возможностей торговли и экономического сотрудничества с Китаем.

Важную роль в установлении дипломатических отношений между ЕЭС и КНР сыграла личная инициатива вице-председателя Европейской комиссии, комиссара по внешним связям, представителя Великобритании К. Сомса, который стремился в период противостояния сверхдержав (США и СССР) усилить влияние Европейской комиссии в международных делах, а также внутри Сообщества благодаря развитию сотрудничества с руководством Китая [4, р. 235].

Осуществлению планов К. Сомса способствовала теория «трех миров». Согласно этой теории все государства мира делились на три группы: «первый мир» – сверхдержавы (СССР и США), «второй мир» – малые и

средние развитые страны (западноевропейские государства и основная часть стран социалистического лагеря) и «третий мир» – развивающиеся страны. Согласно этой концепции совместными усилиями «второй» и «третий» миры должны были противостоять гегемонизму сверхдержав. Соответственно, в начале 1970-х гг. Китай был заинтересован в развитии взаимодействия с Западной Европой для противостояния в первую очередь Советскому Союзу. КНР стремилась убедить западноевропейские государства в наличии угрозы со стороны СССР. Набиравшая обороты разрядка между Востоком и Западом вызывала опасения у китайских лидеров. Вместе с тем руководство КНР одобрительно отзывалось об Общем рынке и призывало страны континента к единству в военных и политических вопросах [1, с. 78].

В то же время, призывая страны – члены ЕЭС к совместным действиям против Советского Союза, Китая отдавал предпочтение межгосударственным отношениям, что приводило к экономической конкуренции между государствами-членами за доступ к китайскому рынку.

Несмотря на то, что страны ЕЭС продолжали свой курс на снижение напряженности на Европейском континенте и опасались использовать Китай для сдерживания Советского Союза, развитие отношений с КНР на уровне Сообщества давало им дополнительный внешнеполитический инструмент для выстраивания взаимодействия с Пекином. Заинтересованность Китая в развитии контактов с ЕЭС позволила организации приступить к выстраиванию взаимодействия с этой страной.

В ноябре 1974 г. Европейская комиссия отправила меморандум Китаю, в котором выразила готовность заключить с ним торговый договор. Получив официальное приглашение от китайского руководства, вице-председатель Европейской комиссии К. Сомс отправился в мае 1975 г. в Китай для проведения переговоров об установлении официальных контактов. 4 мая 1975 г. он выступил с речью, в которой предложил установить дипломатические отношения между ЕЭС и КНР. Он старался заверить руководство КНР, что отношения Сообщества с Соединенными Штатами Америки не имеют ничего общего с субординацией. Наоборот, создание ЕЭС объединило силы западноевропейских стран, что стало важным событием в выстраивании взаимодействия организации с США [5, р. 37]. 6 мая 1975 г. китайское руководство поддержало предложение европейской стороны, что де-факто означало установление дипломатических отношений [4, р. 93]. В сентябре 1975 г. состоялось вручение верительных грамот и открытие миссии КНР при ЕЭС в Брюсселе [7, р. 42–45]. Следующим важным событием в истории двустороннего взаимодействия стало подписание в апреле 1978 г. торгового договора.

Значительные изменения во внутренней и внешней политике произошли в Китае: 3-й пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 11-го созыва, состоявшийся в декабре 1978 г., определил «открытость» КНР внешней миру в качестве долгосрочной политики, способствующей модернизации страны. Китайское руководство ста-

ло реже упоминать теорию «трех миров» в связи с нормализацией отношений с США. При этом Пекин активно призывал к созданию международного фронта против СССР [3, с. 335–336].

В сентябре 1982 г. на XII Всекитайском съезде КПК были представлены новые внешнеполитические установки страны. Их суть заключалась в следующем: был снят тезис о том, что Советский Союз является главным источником опасности новой мировой войны и угрозой «второму» и «третьему» мирам, а также и второй сверхдержаве – США. Обе сверхдержавы (СССР и США) провозглашались главным источником опасности мировой войны, нестабильности. Взамен концепции о необходимости создания единого международного фронта против Советского Союза провозглашалось, что Китай проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, не примыкает ни к какой крупной державе или группе государств, отказывается от союзнических отношений с ними, не поддается нажиму с их стороны. Подчеркивалось, что Китай будет стремиться к нормальным отношениям со всеми странами, придерживаясь принципов мирного сосуществования [1, с. 92–93]. Впоследствии эти принципы были зафиксированы в Конституции КНР, принятой в декабре 1982 г.

В первой половине 1980-х гг. Китай активно продвигал тезис о необходимости единой и сильной Европы. Укрепление единства Европы руководство КНР характеризовало как один из активных факторов обеспечения мира во всем мире. Китай выступал за то, чтобы страны Западной Европы, не порывая связей с Соединенными Штатами Америки, стремились к созданию в определенной степени автономного, независимого оборонного механизма [1, с. 151–152]. Однако, как отмечал американский эксперт Д. Шамбо, Китай, рассчитывая на усиление роли Западной Европы, недооценивал разногласия между странами – членами ЕЭС, а также возлагал чрезмерные надежды на большую автономию западноевропейских государств от курса США в рамках НАТО [6, р. 14].

Непосредственные контакты между Европейским парламентом и Всекитайским собранием народных представителей начались в 1980 г., и они оценивались как особо важные, способствующие расширению политического сотрудничества. Жесткая критика Европейского парламента в отношении внешнеполитической деятельности СССР в Афганистане и на Ближнем Востоке способствовала сближению позиций законодательных органов обеих сторон [5, р. 88–89].

Западноевропейские лидеры неоднократно высказывались о важности китайского фактора в мировых делах, о позитивном значении укрепления КНР и активизации ее деятельности на международной арене. Обозначение Китая в качестве политически важного и заслуживающего доверия партнера, а также растущие торгово-экономические интересы отдельных стран обусловили активизацию деятельности на уровне ЕЭС в отношении Китая. Это позволило сторонам подписать в мае 1985 г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое значительно расширило

взаимодействие сторон и стало служить нормативно-правовой базой сотрудничества ЕЭС с КНР.

В конце 1980-х гг. по мере снижения напряженности между Пекином и Москвой наблюдалась корректировка позиции Китая в отношении Западной Европы: руководство страны стало проявлять значительную осторожность при упоминании тезиса о единой и сильной Европе, выступающей в противовес «сверхдержавам» [1, с. 250].

В октябре 1988 г. в Пекине состоялось открытие представительства Европейской комиссии, что должно было стать новым этапом развития отношений ЕЭС с КНР. Однако события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г., когда китайскими властями были применены жесткие меры в отношении участников массовых выступлений, повлекли за собой резкое охлаждение двусторонних отношений. Вслед за США интеграционное объединение осудило действия китайского руководства и приняло решение о приостановке официальных контактов с Китаем.

Ввиду еще не сформированных механизмов внешнеполитической координации в первую очередь действия стран – членов Сообщества в отношении Китая в 1970–1980-х гг. определяли курс ЕЭС на китайском направлении. Национальным странам удавалось, заручившись одобрением Соединенных Штатов Америки, успешно выстраивать сотрудничество с Китаем, одновременно воздерживаясь от конфронтации с Советским Союзом, к которой их призывали китайские лидеры. Вместе с тем установление прямых контактов между ЕЭС и КНР способствовало усилению позиций Европейской комиссии и Европейского парламента в Сообществе, поскольку эти институты инициировали углубление сотрудничества сторон.

Источники и литература:

1. Бажанов, Е. П. Китай и внешний мир / Е. П. Бажанов. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 351 с.
2. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. – М. : Весь мир, 2015. – 592 с.
3. Капица, М. С. КНР. Три десятилетия – три политики / М. С. Капица. – М. : Политиздат, 1979. – 576 с.
4. Chenard, M. J. The European Community's Opening to the People's Republic of China, 1969–1979: Internal Decision-Making on External Relations: A thesis for the degree of Doctor of Philosophy / M. J. Chenard. – London : Department of International History, 2012. – 279 p.
5. Kapur, H. China and the European Economic Community: The New Connection / H. Kapur. – Dordrecht, Boston and Lancaster : Martinus. Nijhoff, 1986. – 351 p.
6. Shambaugh, D. China and Europe, 1949–1995 / D. Shambaugh. – London : Contemporary China Institute, School of Oriental and African Studies, University of London, 1996. – 82 p.
7. Snyder, F. The European Union and China, 1949–2008: Basic Documents and Commentary / F. Snyder. – Oxford : Hart Publishing, 2009. – 1103 p.

Р А З Д Е Л 4

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ИСТОРИЯ И УРОКИ

М.С. Довгялло (Минск)

В 1991–1992 гг. бывшая Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) распалась на несколько отдельных образований – о своем суверенитете заявили Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина (БиГ) [3, с. 288]. Распад страны сопровождался военными столкновениями в Хорватии, Словении, а также в БиГ. Была развязана гражданская война, которая сопровождалась вмешательством извне и принесшая ее населению неисчислимые жертвы и разрушения. Мировое сообщество в лице государств ООН не могло остаться безучастным к преступлениям в Югославии. В октябре 1992 г. Совет Безопасности (СБ) ООН учредил комиссию экспертов по расследованию и анализу информации о нарушениях Женевских конвенций и других норм международного права на территории бывшей СФРЮ. Специалисты исследовали 65 тысяч полученных из различных источников материалов, провели 32 исследовательские миссии [10]. Выводы комиссии гласили: всемирной организации надлежит немедленно создать судебный орган для расследования и наказания военных преступлений. Реакция ООН выразилась в учреждении Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г.

Когда СБ принимал решение об учреждении трибунала, мало кто представлял, каковым на самом деле будет его деятельность. Изначально его деятельность была ограничена временными и географическими рамками. В своей резолюции №808 СБ ООН обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой представить доклад лишь о возможности учреждения трибунала по бывшей Югославии [13, с. 34–35]. При этом данное обращение никак не конкретизировалось, что в определенной мере было странно. Учреждение подобного трибунала являлось далеко не рядовым вопросом повестки дня. В феврале 1993 г. СБ ООН принимает решение создать трибунал для расследования военных преступлений [5, с. 226]. В мае 1993 г. был учрежден Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) для преследования лиц, ответственных за нарушения международного

права на ее территории в период с 1 января 1991 г. и до даты, которую СБ определит после восстановления мира [13, с. 35–36]. Гаагский трибунал был создан фактически под одну страну – Югославию, и он состоял из трех камер (две камеры по судебным разбирательствам и одна – по апелляциям), прокурора и регистратуры [12, с. 325].

Трибунал имел мандат СБ ООН. Этим он отличался от классических международных судов, которые создаются на основании международного договора. Стал первым международным судебным органом, созданным ООН, и первым международным судом для рассмотрения дел о военных преступлениях и геноциде, созданным со времен Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Однако важное отличие состояло в том, что в Нюрнберге и Токио победители судили побежденных, а МТБЮ являлся органом международного сообщества, который рассматривал дела о преступлениях независимо от того, на чьей стороне были те, кто их совершил. Трибунал был не вправе выносить смертный приговор. Максимальное наказание, которое он мог определить, – пожизненное заключение. Устав не предусматривал возможность проведения заочного судебного разбирательства. Осужденные лица отбывают свой срок в одном из государств, подписавших соответствующее соглашение с ООН.

Само создание МТБЮ находилось в противоречии с Уставом ООН, который не наделяет СБ ООН законодательной властью и, следовательно, в правовом смысле МТБЮ вообще не может считаться судебной инстанцией. СБ ООН фактически узурпировал суверенные права государств и пошел по пути вмешательства в их внутренние дела. Трибунал с самого начала приобрел репутацию слепого орудия США и НАТО, на чьи средства он в основном и существовал. В феврале 2001 г. Постоянный представитель РФ в ООН С. Лавров открыто обвинил МТБЮ в предвзятости по отношению к сербам и даже потребовал от Генерального секретаря ООН К. Аннана незамедлительно представить на рассмотрение СБ ООН график ликвидации трибунала [9].

Российский профессор А. Б. Мезяев, долгие годы изучающий деятельность МТБЮ, провел анализ правовых основ создания и функционирования трибунала, убедительно доказав, что «МТБЮ был создан в нарушение норм действующего международного права» [11, с. 15]. Основанный незаконно, трибунал «не обладает юрисдикцией согласно действующему международному праву, а его решения не имеют юридически обязательной силы для государств» [11, с. 15]. В ряде случаев нарушения достигли наивысшего уровня, который позволяет квалифицировать их как преступления. Законность создания МТБЮ – признали не все государства, в том числе и Союзная Республика Югославия (СРЮ).

В гаагской тюрьме оказались практически все военное и гражданское командование Сербии: Президент Югославии Слободан Милошевич, президент Сербии Милан Милутинович, министр обороны Югославии Драго-

люб Ойданич, президент Республики Сербской Биляна Плавшич, глава МВД Республики Сербской Мичо Станишич, премьер-министр Сербии Никола Шаинович, президент Республики Сербская Краина Милан Бабич, президент Республики Сербской Радован Караджич и многие другие. Первый приговор трибунала был вынесен 29 ноября 1996 г. К 10 годам тюрьмы был приговорен боснийский хорват Д. Эдемич, признанный виновным в преступлениях против человечности и нарушениях законов и обычаев войны [17].

За время работы МТБЮ были предъявлены обвинения 161 лицу (в том числе более 90 против сербов, около 30 хорватов, 8 косовских албанцев, 7 боснийских мусульман и 2 против македонцев). По состоянию на конец мая 2013 г., в отношении 126 из них уже вынесены решения [6, с. 593–594]. Самое громкое дело МТБЮ было связано с именем Слободана Милошевича. Экс-президент СРЮ был выдан Сербией трибуналу в июне 2001 г. Он стал первым лицом столь высокого уровня, представшим перед трибуналом. Судебный процесс против Милошевича был прекращен в связи с его кончиной 11 марта 2006 г. Его вина так и не была доказана. Он стал четвертым подсудимым, умершим в тюрьме. В 2006 г. был найден мертвым в своей камере бывший лидер хорватских сербов Милан Бабич. В 1998 г. – лидер хорватских сербов Славко Докманович; в августе того же года – бывший мэр Приедора Милан Ковачевич [15, с. 50].

Обвинения были выдвинуты также против бывшего командующего армией Республики Сербской Ратко Младича. Ордер на арест был выдан в 1995 г. Генерала обвинили по 11 пунктам, включая геноцид и преступления против человечности. Среди обвинений – убийства мусульман в Сребренице, а также осада Сараево, в результате которой погибло 12 тысяч мирных жителей. Генерал был арестован только спустя 16 лет после выдачи ордера на арест. Младич настаивал, что он только выполнял свой воинский долг и защищал сербское население от боснийского террора. В ноябре 2017 г. МТБЮ признал Младича виновным по 10 из 11 пунктов обвинения и приговорил к пожизненному заключению [8, с. 10].

Первый президент Республики Сербской в БиГ Радован Караджич, находился в списке лиц как «военный преступник номер один» [5, с. 57]. Именно его Запад считает одним из главных военных преступников 90-х годов – времен кровавого передела на Балканах. Его обвиняли в геноциде над мусульманским и хорватским населением, истреблении мирного населения боснийской столицы Сараево во время боснийской войны 1992–1995 гг. В марте 2016 г. МТБЮ признал Караджича виновным по десяти из одиннадцати пунктов обвинения и приговорил его к 40 годам тюрьмы за военные преступления и геноцид.

Для сравнения, бывший командир Армии освобождения Косова Рамуш Харадинай большую часть времени в ожидании приговора провел на свободе. Во время конфликта 1998–1999 гг. он являлся одним из лидеров

«Освободительной армии Косово» и обвинялся в военных преступлениях против военнопленных и мирного населения, массовых убийств косовских сербов в ходе этнических чисток албанцами. В 2008 г. трибунал его оправдал, и хотя сторона обвинения подала апелляцию, пересмотр дела ни к чему не привел – в 2012 г. Р. Харадинай был оправдан повторно. Якобы командующий штабом АОК не имел отношения к совершаемым в тот период преступлениям. Несколько свидетелей обвинения, согласившихся выступить в суде, погибли при неоднозначных обстоятельствах [7, с. 51]. В настоящее время Р. Харадинай возглавляет правительство частично признанной Республики Косово.

В ноябре 2012 г. трибунал вынес оправдательный приговор генералу Анте Готовине, которого ранее неофициально называли «хорватским военным преступником номер один». Также был оправдан проходивший с ним по одному делу генерал Младен Маркач. В апреле 2011 г. в ходе предыдущего судебного процесса А. Готовина был осужден на 24 года, а М. Маркач – на 18 лет за преступления, выразившиеся в «преследовании, высылке, грабежах, убийствах, жестоком обращении и негуманных действиях» в отношении сербского населения во время операции «Буря» 4–5 августа 1995 г. [16, с. 21], в результате которой была ликвидирована самопровозглашенная Республика Сербская Краина на территории Хорватии и погибли, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч человек, 250 тысяч стали беженцами. Оправдание военных преступлений хорватов нанесло сильный удар по престижу Международного трибунала.

Летом 2013 г. в Сербии был задержан последний из разыскиваемых Гаагским трибуналом военных командиров – бывший президент Республики Сербская Краина, существовавшей на территории Хорватии в 1991–1995 гг., Горан Хаджич. В апреле 2015 г. трибунал принял решение временно освободить его для лечения в Сербии. Сербь были осуждены Трибуналом в общей сложности на 904 года тюрьмы, хорваты – на 171, мусульмане – на 39, косовские албанцы – на 19 лет, македонцы – на 12 лет [4, с. 67]. В основу действий МТБЮ была положена политическая версия про «плохих сербов». Поэтому большинство обвинительных приговоров 68% было вынесено именно им, 15% – хорватам, по 6% – боснийским мусульманам и косовским албанцам. Причем всем, кроме сербов, сроки давали часто весьма символические [8, с. 10].

За все время своей деятельности МТБЮ много раз подвергался критике за допущенную в его работе необъективность и несправедливость, его эффективность в деле предотвращения новых преступлений и содействия примирению в бывшей Югославии. Это видно на примере более строгих приговоров в отношении сербов, чем в отношении хорватов, боснийских мусульман и косовских албанцев. По версии судей, в ходе четырехлетней войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.) преступления совершили исключительно сербы. В ноябре 1995 г. в г. Дейтоне (США, штат Огайо)

было достигнуто соглашение о том, «что лицам, виновным в военных преступлениях, запрещалось занимать государственные посты» и что эти лица «подлежали розыску и передаче в МТБЮ [14, с. 573]. Позднее Резолюция 1031 СБ ООН от 15 декабря 1995 г. предоставила НАТО право на использование силы для передачи МТБЮ лиц, обвинявшихся в военных преступлениях [2, с. 53–54].

Были нарушены международные права в ходе проведения процессов, в частности, по делам лидера Сербской радикальной партии В. Шешеля, председателя парламента Республики Сербской М. Крайшника и др. Особо стоит вопрос о нарушении МТБЮ процессуального права в отношении профессора В. Шешеля. Он стал «рекордсменом» по длительности пребывания в следственном изоляторе МТБЮ за все время работы трибунала, без малого 12 лет. В марте 2016 г. МТБЮ признал его невиновным по всем пунктам обвинения и вынес ему оправдательный приговор.

В ходе судебных разбирательств МТБЮ шел на такие масштабные нарушения, как незаконные обвинительные акты, привлечение ложных свидетелей, неоказание своевременной медицинской помощи обвиняемым и др. Министр иностранных дел РФ С. Лавров в ходе одного из своих выступлений в январе 2012 г. обвинил МТБЮ в предвзятости. Трибунал свои функции выполнил, причем сделал это далеко не безупречно. В качестве примера некачественной работы он привел дело экс-президента Югославии Слободана Милошевича, скончавшегося в следственном изоляторе, несмотря на то, что врачи и адвокаты просили судей обеспечить ему необходимое лечение.

Согласно решению СБ ООН, трибунал должен был завершить рассмотрение всех дел по первой инстанции до конца 2008 г., однако мандат был продлен сначала до конца 2009 г., а затем – еще раз – до 31 декабря 2010 г. И это была не последняя отсрочка. В. Чуркин, выступая на заседании СБ в декабре 2014 г., напомнил, что принятая в 2013 г. Резолюция СБ о продлении полномочий судей МТБЮ до декабря 2014 г. «требовала от трибунала принятия всех возможных мер, для того чтобы обеспечить его закрытие в соответствии с Резолюцией СБ ООН № 1966» [10]. И только 2 декабря 2017 г. МТБЮ объявил о прекращении своей деятельности.

Кроме того, среди целей МТБЮ было указано предотвращение новых преступлений и восстановление мира в регионе. Однако работа МТБЮ не остановила дальнейшее развертывание конфликта на Балканах. Начавшиеся в 1990-х гг. процессы продлились вплоть до 2008 г. Несмотря на отсутствие договоренностей и решений СБ ООН, 17 февраля 2008 г. Ассамблея Косова единогласно и фактически в одностороннем порядке объявила о создании в пределах территории Косово независимого государства со столицей в Приштине и свою независимость от Сербии. Влиятельные международные организации, такие как НАТО, ЕС и их члены отошли от выполнения Резолюции СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. [1, с. 328–332],

в которой подтверждаются суверенитет и территориальная целостность Республики Сербии, включая Косово и Метохия (КиМ).

Таким образом, МТБЮ был учрежден не международным договором, а резолюцией СБ ООН. Как считают некоторые юристы, что СБ не имел полномочий преследовать частных лиц и, соответственно, создавать для этого судебные органы. Работа, которая продолжалась более 24 лет и обошлась в сумму, превышающую миллиарды долларов, завершена. Если в 1994 г. ежегодный бюджет МТБЮ составлял 10,8 млн. долларов, а в 1995 – чуть больше 25 млн. долларов, то на 2008/2009 гг. в бюджете было предусмотрено почти 331 млн. долларов. По состоянию на 1 марта 2008 г. на МТБЮ работали 1146 человек, являвшихся гражданами 82 стран [6, с. 596]. На наш взгляд, например, эти средства с большей пользой можно было использовать на нужды пострадавших в вооруженных конфликтах на территории бывшей СФРЮ.

МТБЮ не предпринял и серьезных попыток привлечь к международной уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния в ходе агрессии стран НАТО против СРЮ в марте – июне 1999 г. Происходивший в 1999 г. конфликт в Косово не должен был охватываться юрисдикцией МТБЮ. Многие государства – члены НАТО и страны, поддерживавшие НАТО в ее кампании сначала против Сербской Республики БиГ, а позднее – против СРЮ, неоднократно предоставляли МТБЮ денежные средства. Таким путем в 1999 г. были получены дополнительные средства для расследования событий в Косово. Больше всего информации у стран НАТО, оказалось, о преступлениях сербов, меньше – о преступлениях хорват и без малого почти ничего – о преступлениях мусульман-босняков. Деятельность трибунала надо подвергнуть серьезному анализу, пересмотреть принятые МТБЮ решения. Процесс был политизированным и односторонним, а вся 24-летняя работа МТБЮ сопровождалась скандалами и таинственными смертями, поэтому следовало бы учредить новый суд – над МТБЮ.

Источники и литература:

1. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. – М. : Индрик, 2007. – Т. 2 (1998–1999 гг.). – 384 с.
2. Барышев, А. П. Разрушение Югославии и Организация Объединенных Наций / А. П. Барышев. – М. : Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2007. – 135 с.
3. Барышев, А. П. Мировая политика и Организация Объединенных Наций. 1945–2009 / А. П. Барышев. – М. : Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2009. – 1340 с.
4. Гуськова, Е. Ю. Еще раз о необъективности Трибунала: как опрашивают свидетелей и экспертов / Е. Ю. Гуськова // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 2009 г.; отв. ред. Е. Ю. Гуськова. – М. : Индрик, 2012. – 544 с.
5. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М. С. Довгялло. – Минск : Тетра-Системс, 2006. – 272 с.

6. Егоров, С. А. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии / С. А. Егоров // Международное право и международные организации. – 2014. – № 4. – С. 581–597.
7. Зеленин, О. Постпред РФ при ООН критикует Гаагский трибунал по бывшей Югославии / О. Зеленин // Дипкурьер. – 2012. – № 23. – С. 50–52.
8. Иванов, Г. Последний бой генерала. За что Ратко Младичу дали пожизненное? / Г. Иванов // Аргументы и Факты. – 2017. – 24 нояб. – № 47.
9. Известия. – 2001. – 15 фев. – С. 2.
10. Международный трибунал по бывшей Югославии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_трибунал_по_бывшей_Югославии. – Дата доступа: 30.03.2018.
11. Мезяев, А. Б. Основные правовые проблемы создания и деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии / А. Б. Мезяев // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 2009 г.; отв. ред. Е. Ю. Гуськова. – М. : Индрик, 2012. – 544 с.
12. Организация Объединенных Наций. Основные факты. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2000. – 404 с.
13. Резолюции и решения Совета Безопасности за 1993 год / ООН. – Нью-Йорк, 1994. – 173 с.
14. Системная история международных отношений: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. – М. : НОФМО, 2003. – Т. 3. – 720 с.
15. Федорова, М. Трибунал для бывшей Югославии: сроки поджимают? / М. Федорова // Компас. – 2012. – № 4. – С. 36–50.
16. Федорова, М. 2 Гаагский трибунал оправдал хорватских генералов: а было ли правосудие? / М. Федорова // Компас. – 2012. – № 49. – С. 21–27.
17. Эрдемович, Дражен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эрдемович,_Дражен. – Дата доступа: 30.03.2018.

РОЛЬ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.В. Зуев (Минск)

После окончания «холодной войны» в Европе сформировалась новая система региональной безопасности, ядро которой составляют Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Североатлантического договора (НАТО) и Европейский союз (ЕС). Значительную роль в ней играет также Организация Объединённых Наций (ООН), одна из штаб-квартир и ряд специализированных учреждений которой расположены в Женеве.

Мир, безопасность и стабильность в Европе – один из важнейших приоритетов внешней политики Швейцарии, однако её вклад в европейскую безопасность в определённой степени ограничен, ведь Конфедерация входит не в каждую из названных организаций. Среди причин отказа от членства в них можно назвать *нейтралитет*. Хотя действие междуна-

но-правовых норм, определённых Гаагскими конвенциями 1907 г., распространяется лишь на военное время [1], международный обычай не позволяет постоянно нейтральным государствам вступать в оборонные союзы (такие как НАТО) даже в мирное время, иначе в случае вооружённого конфликта они были бы вынуждены нарушить принятые на себя обязательства. Кроме того, в разгар «холодной войны» руководство Конфедерации взяло курс на *самоизоляцию*, отказываясь от вступления в любые международные объединения (исключение составила лишь Европейская ассоциация свободной торговли благодаря её чисто экономической направленности), – впоследствии этот курс получил название «доктрины Биндшедлера» [8]. Стоит также учитывать наличие *прямой демократии* в Швейцарии и определённый консерватизм её граждан, выступающих против «чужих судей» и любого внешнего диктата. В связи с этим после референдума 1986 г. Конфедерация отложила вступление в ООН, а в 1992 г. Федеральный совет отозвал заявку в Европейское экономическое сообщество, даже не дожидаясь вынесения этого вопроса на народное голосование.

В начале 1990-х гг., когда конфронтация между западным и восточным военно-политическими блоками закончилась, в Европе заговорили о возможности построения нового порядка, основанного на взаимном доверии и сотрудничестве. В «Парижской хартии для новой Европы» 1990 г. государства-участники СБСЕ заявили о стремлении расширять и укреплять дружественные отношения как между собой, так и с другими странами [2, с. 6]. В 1991 г. НАТО впервые рассекретила свою Стратегическую концепцию, выразив в ней готовность к диалогу со странами Центральной и Восточной Европы и подчеркнув единство и неделимость европейской безопасности [21, ст. 28–29]. Маастрихтский договор 1992 г. не только ознаменовал создание нового интеграционного объединения – Европейского союза, но и постановил, что отныне его государства-члены будут реализовывать Общую внешнюю политику и политику безопасности [24, гл. V]. А в «Повестке дня для мира» 1992 г. Генеральный секретарь ООН выразил надежду на достижение всеобщего мира и сотрудничества, основанного на доверии, для чего нужно объединить усилия не только всей системы ООН, но и региональных организаций, НПО, деловых и академических кругов, а также широкой общественности [3, ч. VII, X].

На этой волне руководство Швейцарии также выразило готовность присоединиться к сотрудничеству европейских государств и международных организаций в сфере безопасности [20, с. 874–878]. В 1991 г. парламент Конфедерации предложил разработать новые концепции внешней политики и политики безопасности, а также определить место нейтралитета в новых международных условиях. Разработка соответствующих документов заняла определённое время: стратегия безопасности через сотрудничество была принята в 1999 г., а внешнеполитическая стратегия увидела свет лишь в 2012 г. Однако уже сразу было очевидно, что сами по себе до-

брые услуги и посредничество, традиционные для швейцарской дипломатии, и её многочисленная армия в одиночку не способны предотвратить новые трансграничные угрозы: организованную преступность и терроризм, массовую миграцию и беженство, шпионаж и экономическое давление, а также возросшее число гражданских войн, дестабилизирующих обстановку в Европе. Нужны были непосредственные и активные действия в поддержку международной безопасности, поэтому Федеральный совет принял решение участвовать в *миротворчестве*. Оно полностью совместимо с нейтралитетом, а к тому же, у швейцарских военных уже был опыт работы в Наблюдательной комиссии нейтральных государств, действующей на Корейском полуострове с 1953 г.

В 1990 г. военные наблюдатели от Конфедерации – «голубые береты» – отправились на Ближний Восток, а в 1993 г. её полицейские присоединились к Силам ООН по охране (СООНО) в Хорватии – это была первая миротворческая миссия в Европе, где участвовали швейцарцы. С тех пор гражданские и военные специалисты из Конфедерации участвовали уже в 31 операции ООН по поддержанию мира – преимущественно на территории бывшей Югославии, а также на постсоветском пространстве (в Грузии и Таджикистане), в Азии и Африке [25].

Впоследствии швейцарские военные присоединились и к миссиям под эгидой других организаций. С 1999 г. корпус SWISSCOY в составе KFOR – миротворческих сил НАТО в Косово – помогает обеспечивать безопасность в регионе и решать проблему беженцев [13], а с 2004 г. специалисты из Конфедерации участвуют в миссии EUFOR ALTHEA, контролирующей соблюдение Дейтонского соглашения в Боснии и Герцеговине [11]. Обе миссии действуют в соответствии с мандатами ООН, а швейцарские миротворцы вооружены в целях самообороны – это позволяют им законодательные поправки, принятые на референдуме в 2001 г. [7, ст. 66, 66a].

Гражданские специалисты из Конфедерации участвуют в ряде полевых операций ОБСЕ, включая крупнейшие из них – Контрольную миссию в Косово (KVM) 1998-1999 гг. (с 1999 г. преобразована в Миссию ОБСЕ в Косово) [15; 16] и Специальную мониторинговую миссию в Украине (СММ), действующую с 2014 г. [6]. Кроме того, швейцарцы помогают проводить реформы сектора безопасности в составе миссий Европейского союза – EULEX в Косово (с 2009 г.) [26] и EUAM в Украине (с 2014 г.) [10].

Разумеется, сотрудничество Швейцарии с международными организациями не ограничивается лишь её участием в миротворческих операциях под их эгидой. Как нейтральное государство с богатыми дипломатическими традициями, в особенности в сфере оказания добрых услуг и посредничества, она привносит в их работу свой опыт и постоянно выступает с новыми инициативами.

ОБСЕ – единственная региональная организация в сфере безопасности, у истоков которой стояла Конфедерация. Швейцария дважды председательствовала в ней (в 1996 и 2014 гг.) и делала всё возможное, чтобы стабилизировать обстановку в «горячих точках» Европы. Берн и Женева не раз служили переговорными площадками для обсуждения проблем безопасности и поиска выхода из конфликтов в Нагорном Карабахе, на территории бывшей Югославии, в Абхазии и Южной Осетии, в Крыму и Донбассе.

Кроме того, Швейцария была инициатором обновления ключевых документов ОБСЕ: Венского документа о мерах укрепления доверия и безопасности (2011 г.), Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности (1994 г.), а совместно с Сербией и Украиной в рамках процесса «Хельсинки +40» – Заключительного акта СБСЕ (1975 г.). В марте 2014 г. Швейцария, Финляндия и Турция создали «Группу друзей посредничества», а также организовали курсы обучения для сотрудников ОБСЕ и её спецпредставителей [5]. В том же году Конфедерация предложила вовлечь в работу организации европейскую молодёжь и признанных международных экспертов, чтобы они дали рекомендации о способах восстановления и укрепления европейской безопасности. Так были созданы, соответственно, ежегодная «Модель ОБСЕ» [9] и, при поддержке Сербии и Германии, «Группа видных деятелей по европейской безопасности как общему проекту» [18].

Швейцария не является членом *НАТО* (ввиду своего нейтрального статуса), однако эта организация предусматривает ряд возможностей для взаимодействия с государствами, не входящими в её состав. Конфедерация имела статус наблюдателя при Совете североатлантического сотрудничества (ССАС), созданном в 1991 г. в качестве площадки для регионального диалога по безопасности, а в 1997 г. присоединилась к его преемнику – Совету евроатлантического партнёрства (СЕАП).

В 1996 г. Швейцария стала участницей программы «Партнёрство ради мира», запущенной для практической реализации договорённостей, достигнутых между НАТО и её партнёрами. В рамках программы Конфедерация обучает гражданских и военных специалистов НАТО (в Международном учебном центре швейцарской армии в Штансе и Женевском центре политики безопасности). С 2000 г. она также координирует индивидуальные Целевые фонды по уничтожению ракет, противопехотных мин, стрелкового оружия и лёгких вооружений, а также по реформированию оборонного сектора и реинтеграции демобилизованного военного персонала в Албании, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Сербии, Украине и Черногории [14].

Кроме того, в 2014 г. Швейцария приветствовала принятие «Инициативы по взаимодействию в партнёрстве» [19], направленной на повышение совместимости армий государств-членов НАТО и участников «Партнёрства ради мира». Те же цели, среди прочего, преследовали и реформы «Армия XXI» и «Модернизация армии», проводимые Конфедерацией с 2004 г.

В рамках инициативы Швейцария присоединилась к «Платформе взаимодействия», где обсуждаются вопросы координации армий в целях эффективного урегулирования будущих кризисов. Конфедерация также выступает за продолжение и укрепление диалога НАТО с другими нейтральными и внеблоковыми европейскими государствами: Австрией, Ирландией, Мальтой, Финляндией и Швецией.

Деятельность *ООН* важна для безопасности и стабильности не только Европы, но и всего мира в целом. Несмотря на то, что Швейцария смогла вступить в эту организацию лишь после референдума 2002 г., уже с 1946 г. она была не только постоянным наблюдателем при ООН, но и её важным партнёром. Благодаря содействию Конфедерации, в 1966 г. Дворец Наций в парке Ариана разместил у себя европейскую штаб-квартиру ООН, а ряд её специализированных учреждений стал частью «международной Женевы».

В 2006 г. Швейцария инициировала создание Совета ООН по правам человека, в рамках которого публикуются Универсальные периодические обзоры об их соблюдении государствами-членами ООН, а в 2016 г. выступила с «Призывом от 13 июня», обратив внимание на определяющую значимость защиты прав человека для предотвращения конфликтов и обеспечения мира и безопасности [22]. Конфедерация активно работает в ООН в сфере устойчивого развития: она является одним из крупнейших доноров ПРООН [23], а с 1999 г. координирует расположенные на своей территории экологические организации (их более 75), офисы и программы ООН в рамках «Женевской экологической сети». В 2012 г. на конференции в Рио-де-Жанейро Швейцария инициировала создание Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию.

Кроме того, Конфедерация является сторонником реформирования Совета Безопасности ООН, чтобы малые государства получили больше возможностей влиять на разработку и реализацию его решений, в особенности в сфере применения санкций и проведения операций по поддержанию мира. Подготовкой проектов реформ в 2005–2012 гг. занималась группа пяти малых стран «Small-5» [4], а с 2013 г. – группа 20 стран «Подотчётность, согласованность, транспарентность» [12] (обе из них были созданы под эгидой Швейцарии).

ЕС объединяет не только большинство государств своего региона, но и большинство сфер их сотрудничества, включая внешнюю политику и политику безопасности. В прошлом Конфедерация участвовала в обсуждении этих вопросов с Европейскими сообществами на уровне министров внутренних дел и юстиции в рамках группы TREVI (1975–1992 гг.), где она имела статус наблюдателя, а также в рамках «Бернского клуба» (с 1971 г.) – площадки для диалога и сотрудничества спецслужб стран Евросоюза, Норвегии и Швейцарии (в 2002 г. в составе клуба была сформирована Группа по борьбе с терроризмом).

Несмотря на то, что в 1992 г. Конфедерация отказалась от евроинтеграционного пути под эгидой Европейского союза, она использует все возможности для укрепления сотрудничества с ним в рамках реализации ряда билатеральных соглашений, заключённых в 2000-х гг. [17]. Швейцарские правоохранительные и судебные органы обмениваются оперативной информацией и опытом с Европолом и Евроюстом, её вооружённые силы участвуют в проектах научно-технического сотрудничества с Европейским оборонным агентством, её пограничники работают в агентстве «Frontex», защищающем внешнюю границу Шенгенской зоны, в которую с 2008 г. входит и Швейцария, а её таможенники передают данные в Шенгенскую информационную систему и базу EURODAC, а также совместно с коллегами из ЕС борются с контрабандой, отмыванием денег, уклонением от уплаты таможенных пошлин и другими правонарушениями.

Таким образом, хотя Швейцария входит лишь в некоторые из организаций, формирующих систему европейской безопасности, сложившуюся после окончания «холодной войны», она максимально широко сотрудничает со всеми из них – это предусмотрено стратегией её внешней политики и политики безопасности. При этом Конфедерация не только вносит непосредственный вклад в разрешение конфликтов, участвуя в гражданском и военном миротворчестве, но и, благодаря своему имиджу нейтрального посредника и поставщика добрых услуг, способствует деэскалации обстановки в «горячих точках» Европы, а также содействует реформированию европейских организаций в сфере безопасности.

Источники и литература:

1. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны [Электронный ресурс]: подписана в Гааге 18.10.1907 // Университет Миннесоты. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/R1907d.html>. – Дата доступа: 28.03.2018.
2. Парижская Хартия для Новой Европы [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. – 1990. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/mc/39520>. – Дата доступа: 28.03.2018.
3. Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира: доклад Генерального секретаря от 2 июля 1992 г. // Система официальной документации ООН. – A/47/277-S/24111.
4. Повышение степени подотчётности, транспарентности и эффективности Совета Безопасности: пересмотренный проект резолюции от 15 мая 2012 г. // Система официальной документации ООН. – A/66/L.42/Rev.2.
5. Посредничество и содействие диалогу в контексте ОБСЕ: справочное руководство [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. – 2014. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/secretariat/155196>. – Дата доступа: 28.03.2018.
6. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ в Украине [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine>. – Дата доступа: 28.03.2018.

7. Bundesgesetz über die Armee und die Militärverwaltung (Militärgesetz) vom 3. Feb. 1995: Stand am 1. Jan. 2018 // Systematische Rechtssammlung. – SR 510.10.
8. Der Begriff der Neutralität [Electronic resource]: Report vom 26.11.1954 // Diplomatische Dokumente der Schweiz 1848-1975. – Mode of access: <http://dodis.ch/9564>. – Date of access: 28.03.2018.
9. Der Schweizer OSZE-Vorsitz und das Projekt Modell-OSZE [Electronic resource] // Schweizerische Arbeitsgemeinschaft der Jugendverbände. – Mode of access: <http://www.sajv.ch/projekte/model-osce/>. – Date of access: 28.03.2018.
10. EUAM Mission [Electronic resource] // EUAM Ukraine. – Mode of access: <http://www.euam-ukraine.eu/our-mission/about-us/>. – Date of access: 28.03.2018.
11. EUFOR LOT & MTT [Electronic resource] // Swiss Armed Forces. – Mode of access: <https://www.vtg.admin.ch/en/news/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/eufor.html>. – Date of access: 28.03.2018.
12. Jorgensen, G. Panel discussion on «Process of selection and appointment of the next Secretary-General: A call for ACTION» [Electronic resource] / G. Jorgensen // Center for UN Reform Education. – 2015. – Mode of access: <http://www.centerforunreform.org/?q=node/642>. – Date of access: 28.03.2018.
13. KFOR SWISSCOY [Electronic resource] // Swiss Armed Forces. – Mode of access: <https://www.vtg.admin.ch/en/news/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/swisscoy.html>. – Date of access: 28.03.2018.
14. NATO Trust Fund projects [Electronic resource] // NATO Support and Procurement Agency. – Mode of access: <http://www.nspa.nato.int/en/organization/logistics/LogServ/ntfp.htm>. – Date of access: 28.03.2018.
15. OSCE Kosovo Verification Mission (closed) [Electronic resource] // Organization for Security and Co-operation in Europe. – Mode of access: <https://www.osce.org/kvm-closed>. – Date of access: 28.03.2018.
16. OSCE Mission in Kosovo [Electronic resource] // Organization for Security and Co-operation in Europe. – Mode of access: <https://www.osce.org/mission-in-kosovo>. – Date of access: 28.03.2018.
17. Overview of the bilateral agreements [Electronic resource] // Directorate for European Affairs. – Mode of access: <https://www.eda.admin.ch/dea/en/home/bilaterale-abkommen/ueberblick.html>. – Date of access: 28.03.2018.
18. Panel of Eminent Persons [Electronic resource] // Organization for Security and Co-operation in Europe. – Mode of access: <https://www.osce.org/networks/pep>. – Date of access: 28.03.2018.
19. Partnership Interoperability Initiative [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/topics_132726.htm. – Date of access: 28.03.2018.
20. Schweizerische Sicherheitspolitik im Wandel: Bericht 90 des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Sicherheitspolitik der Schweiz vom 1. Okt. 1990 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1990 III 847. – S. 847-904.
21. The Alliance's new strategic concept [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. – 1991. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm. – Date of access: 28.03.2018.
22. To put human rights at the heart of conflict prevention [Electronic resource]: appeal of June 13th 2016 // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. – Mode of access: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/en/documents/aussenpolitik/internationale-organisationen/appeal-13062016_EN.pdf. – Date of access: 28.03.2018.

23. Top Contributing Donors [Electronic resource] // United Nations Development Programme. – Mode of access: <http://open.undp.org/#top-donors/total>. – Date of access: 28.03.2018.
24. Treaty on European Union / European Communities, Council. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1992. – 253 p.
25. Troop and police contributors [Electronic resource] // United Nations Peacekeeping. – Mode of access: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>. – Date of access: 28.03.2018.
26. What is EULEX? [Electronic resource] // EULEX Kosovo. – Mode of access: <http://www.eulex-kosovo.eu/?page=2,16>. – Date of access: 28.03.2018.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА США И ЕС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Н.А. Пипченко (Киев)

Постоянное усовершенствование стратегии поддержки мирового лидерства США и ЕС рассматривается специалистами как главный приоритет внешнеполитической деятельности данных международных акторов, суть которой сводится к поиску альтернативных путей оказания влияния на взаимодействие различных международных субъектов и переосмыслению роли «жесткой» и «мягкой» силы в мировой политике. Степень сбалансированности стратегий внешней политики США и ЕС в контексте поддержки глобального взаимодействия в большей степени зависит от выбора механизмов обеспечения постоянных и текущих целей международной деятельности. При этом стратегия укрепления лидерства США и ЕС свидетельствует о приоритетности политики «мягкой» силы, которая сейчас воплощается средствами цифровой дипломатии, в частности, новый интернет-инструментарий используется для расширения мирового влияния, углубления участия в международно-политических процессах и формирования такой международной системы, в которой бы США и ЕС продолжали сохранять политико-экономическое преобладание [1; 2].

Внешнеполитическая практика США на международной арене является сочетанием традиционности и инновационности, что проявляется в использовании инструментария цифровой дипломатии для поддержки и обеспечения национальных интересов государства. Влияние международной интернет-коммуникации на процессы глобального взаимодействия политических акторов рассматривается и как политический, и как дипломатический прорыв развития современных международных отношений. В частности взаимосвязь цифровой дипломатии и международных отношений происходит на нескольких уровнях: личностном, межгрупповом и коллективном, результатом чего является рост влияния нетрадиционных международных акторов на деятельность государственных или неправительст-

венных институтов и привлечение внимания мировой общественности к существующим глобальным проблемам.

Дипломатические учреждения США активно используют сетевые возможности цифровой дипломатии для общения с внутренней и внешней аудиторией в режиме онлайн, а также для формирования ощущения причастности граждан к внешнеполитическим инициативам государства. Через создание собственных профилей в различных социальных сетях внешнеполитическое ведомство и дипломатические миссии США «рассказывают» о своей деятельности, формируют отношение к внешней политике государства, оказывают влияние на сознание целевых групп, а также способствуют обмену информацией между общественностью и государственными учреждениями.

Государственный департамент США активно вводит инновации для осуществления эффективной внешнеполитической деятельности, что отражено в Стратегическом плане развития ведомства. Так, в документе установлены цели деятельности учреждения в сфере цифровой дипломатии для поддержки положительного имиджа государства, а именно [3]: использование социальных медиа позволяет расширить сотрудничество и обеспечить обмен информацией между внутренними и внешними целевыми группами; использование «облачных» технологий обеспечивает глобальный доступ к информации через надежную веб-инфраструктуру всем агентствам США, работающим за рубежом; управление внутренними и внешними ИТ-ресурсами способствует эффективному обслуживанию внешнеполитического ведомства и дипломатических представительств государства за рубежом.

К новым подходам правящей элиты США по использованию инструментария цифровой дипломатии отнесем традиционную ежегодную речь президента «О положении страны» [4]. В частности, в 2015 г. впервые оригинал выступления был заблаговременно обнародован в официальном блоге Белого дома с возможностью мгновенного комментирования или последующего размещения в социальных медиа. Аналитики отметили, что такой способ подачи важной политической информации меняет не только для американцев, но и для мирового сообщества процесс международной интернет-коммуникации, которая будет определять новые тенденции международного взаимодействия. Следует отметить, что впервые американская и мировая аудитория имели открытый доступ к аргументам выступления Президента США, а также самостоятельно могли принимать участие в обсуждении актуальных международных и национальных вопросов вне субъективных комментариев представителей масс-медиа. Так за первые сутки было произведено около 2 600 000 ретвитов выступления, а также комментариев республиканцев, которые выступают как главные оппоненты внешне- и внутривнутриполитического курса Б. Обамы; 5 700 000 пользователей Facebook были привлечены к 13 800 000 интеракций, связанных с посланием о положении страны [5]. Поводом для размещения выступления именно в блоге Белого дома стало постоянное ежегодное снижение телеви-

зионных рейтингов обращения президента к Конгрессу, а через социальные медиа удалось привлечь внимание американской и мировой общественности к внешнеполитическим инициативам США и вызвать положительный общественный резонанс даже в условиях регулярной критики политических инициатив Белого дома. Все основные моменты речи сразу превратились в хештеги, которые мгновенно распространились по всем основным социальным медийным платформам мира.

Авторский анализ динамики упоминаний в блогосфере о внешней политике США осуществлен с помощью платформы Socialmention, которая разработана для поиска и анализа информации в более чем 100 социальных медиа, включая социальные сети, социальные закладки, блоги, форумы, социальные сервисы и т.д. по таким категориям, как упоминание в сервисах, анализ тональности упоминаний, связанные ключевые слова и популярные источники. По данным платформы, в блогосфере самыми популярными социальными медиа о внешнеполитической деятельности США являются Twitter и Photobucket, в которых сообщения имеют преимущественно нейтральный характер, в целом на 1 негативное приходится 5 положительных комментариев. Установлено, что микроблог Twitter чаще всего используется для распространения информации о внешнеполитических приоритетах США, а 51% пользователей постоянно принимает участие в тематических дискуссиях по этому вопросу. Среди социальных закладок, под которыми следует понимать веб-каталоги с адресами веб-сайтов и отдельных веб-страниц, которые добавляют и упорядочивают пользователи сервиса, самым популярным сервисом является Reddit, на котором лишь несколько авторов создали около 15 социальных закладок о внешнеполитических взаимодействиях США. Среди других социальных медиаплатформ нужно выделить Topix и Wordpress, на которых размещена информация американских масс-медиа, при этом на 1 положительное сообщение приходится 1 негативное упоминание. Исследованием установлено, что 77% пользователей, которые вспоминают о внешней политике США, постоянно принимают участие в тематических дискуссиях, в общей сложности 151 автор регулярно обсуждает указанную тему.

В целом роль цифровой дипломатии во внешней политике США нельзя оценить однозначно, потому что она одновременно может осуществлять как конструктивное, так и деструктивное влияние на политические процессы. В частности, социальные медиа могут выступать источником распространения негативной информации о деятельности правительства, страны или быть центром координации террористических акций, а как источник положительной информации способствовать координации правительственных и общественных действий в случае чрезвычайных ситуаций или для борьбы с коррупцией. Информационные технологии активизируют развитие инновационных средств внешнеполитической деятельности и форм взаимодействия индивидов, политических институтов и общества,

поскольку развитие цифровой дипломатии способствует виртуализации деятельности индивидов во внешнеполитической, экономической и культурной сферах. Интернет не только в США, но и в других странах мира стал атрибутом осуществления внешнеполитической деятельности, способствует изменению политической парадигмы, поиска инновационных механизмов взаимодействия между государствами или мировыми сообществами, повышению эффективности их политического взаимодействия.

Активизация усилий ЕС в направлении укрепления статуса самостоятельного актора на международной арене способствовала созданию Европейской службы внешних дел, что позволило усилить координацию европейской внешней политики и обеспечить эффективное представительство ЕС за рубежом. Поскольку европейское внешнеполитическое ведомство не заменяет национальные министерства иностранных дел, а лишь дополняет дипломатические представительства стран-членов ЕС, то важное значение приобретает поддержка эффективной коммуникации с мировой общественностью средствами цифровой дипломатии, что свидетельствует о желании чиновников ЕС общаться с аудиторией не только на родном языке, но и учитывать культурные и ментальные особенности различных регионов мира.

Авторский анализ динамики упоминаний в блогосфере о внешней политике Европейского Союза осуществлен с помощью платформы Socialmention, по данным которой в блогосфере существует 311 упоминаний о внешнеполитической деятельности ЕС, самыми популярными социальными медиа являются Twitter и Facebook, в которых сообщения являются новостными и имеют преимущественно нейтральный характер, хотя на 1 негативное приходится 2 положительных. Установлено, что Facebook чаще всего используется для распространения информации о внешнеполитических приоритетах ЕС, а 47% пользователей постоянно принимают участие в тематических дискуссиях по этому вопросу. Среди социальных закладок самым популярным сервисом является Reddit, на котором лишь несколько авторов создали около 20 социальных закладок о внешнеполитической деятельности ЕС. Среди социальных иллюстративных медиаплатформа нужно выделить Flickr и Deviantart, на которых размещены фотографии официальных аккаунтов Европейской службы внешних дел, при этом на 4 положительных сообщения приходится 1 негативное упоминание.

Исследованием установлено, что 17% пользователей, которые пишут о внешней политике ЕС, постоянно принимают участие в тематических дискуссиях, при этом в среднем на 6 положительных сообщений приходится 1 отрицательное, в общей сложности 75 авторов регулярно обсуждают указанную тему. Среди авторов, которые наиболее часто пишут о ЕС, нужно выделить саму Европейскую службу внешних дел, новостной канал Jewish News One, неприбыльную европейскую организацию Global Diplomatic Forum и дублинский Институт внешних и европейских дел.

Если проанализировать упоминания в блогосфере о Европейском Союзе, то 35% пользователей участвуют в тематических дискуссиях, при этом в среднем из 320 сообщений 8 были положительными и лишь 1 – негативным. В общей же сложности 130 блоггеров регулярно обсуждают европейскую тематику. Среди авторов, которые пишут о деятельности интеграционного образования, нужно выделить Европейский комитет регионов, Европейский парламент и Европейскую комиссию. В целом больший интерес пользователи социальных медиа проявляют к деятельности ЕС как интеграционному образованию, и лишь небольшая доля интересуется его внешнеполитической деятельностью, что может быть связано с внутренними политическими и экономическими противоречиями в пределах самого образования.

Необходимо отметить, что Европейский Союз стремится к развитию солидарности, взаимопонимания и терпимости среди всех акторов международных отношений, способствуя укреплению политической сплоченности, как внутри, так и за его пределами. Использование социальных медиа для налаживания международной коммуникации способствует углублению взаимодействия и сотрудничества с заинтересованными группами относительно различных политических, экономических или социальных тем, а также распространению информации из первых рук, размещению публичных заявлений и неформальному общению, которое дополняет официальный диалог. Такая инновационная внешнеполитическая деятельность является одним из основных инструментов внешней политики ЕС и составляющей «мягкой» силы, обеспечивая поддержку лидерства на международной арене. При этом практика международного взаимодействия ЕС показала стремление организации к таким формам сотрудничества, которые позволяют избежать силовых методов реализации национальных интересов отдельных европейских государств, однако разногласия о внешнеполитических предпочтениях вызывает проблему политической и экономической конфликтности в регионе. Изменение политического ландшафта и потенциальная смена политических элит в Европе обуславливают вызовы для дальнейшего углубления европейской интеграции, преодоления финансового и экономического кризиса и, наконец, для позиционирования ЕС как глобального и мощного международного актора [6].

На перспективу определены следующие главные направления внешнеполитической деятельности ЕС: сохранение внутриевропейского баланса по поддержке проевропейского выбора Украины; объединение европейских политико-экономических сил для противостояния РФ; заключение Соглашения о трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве между США и ЕС; достижение стратегического политического компромисса с Турцией, поскольку на протяжении последних лет состоялось ухудшение турецко-европейских отношений в результате замедления вступления государства в ЕС [7].

Таким образом, активное использование современного инструментария цифровой дипломатии позволит США и Европейскому Союзу эффективно реагировать на насущные потребности мирового сообщества, глубже понимать тренды мировой общественной мысли, определять преимущества и недостатки взаимодействия между политическими институтами и общественностью, обеспечит диалог с внешней и внутренней аудиторией с целью позиционирования США и ЕС на международной арене. Считаем, что использование информационно-коммуникативных средств как инструмента внешней политики может иметь как положительный, так и отрицательный характер, в частности, положительным аспектом является качественное изменение системы национального или наднационального управления, а отрицательным – низкий уровень интернет-безопасности, что предопределяет необходимость формирования новой стратегии обеспечения информационной безопасности на международном уровне.

Исследование восприятия внешнеполитической деятельности США и ЕС зарубежной общественностью в течение 2010–2015 гг. было осуществлено с использованием онлайн-инструмента Google Trends, главным преимуществом которого является регулярное обновление данных за 20 политико-экономическими и социальными категориями, что позволяет установить тенденции развития исследуемого поискового запроса. В частности сравнение динамики популярности тем US Foreign Policy и EU Common Foreign and Security Policy с помощью инструментов Google Trends свидетельствует, что интерес мировой общественности к внешнеполитической деятельности США почти в полтора раза выше, чем к международно-политическим инициативам ЕС, но в целом мировая интернет-аудитория проявляет постоянный средний интерес к обеим темам. Также по региональному признаку наибольший интерес к теме, связанной с внешнеполитической деятельностью США, присутствует в Пакистане (41% запросов), США (28%), Канаде (10%), Австралии (8%), Индии (6%) и Великобритании (7%). При этом общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС преимущественно интересуется европейская интернет-аудитория таких стран, как Бельгия, Италия, Польша, Франция, Нидерланды, Германия, Испания, Великобритания (96% запросов), а также общественность Бразилии и США (4%).

Результаты использования инновационных технологий цифровой дипломатии во внешней политике США и ЕС характеризуются разносторонними процессами сетевой свободы, открытости самовыражения и анонимности, что приводит к формированию новой глобальной политической формации, которая пришла на смену политической отчужденности или изоляции. Международно-политическая важность современных информационно-коммуникативных технологий растет в связи с появлением новых форм активности международных акторов, поскольку интернет-участие граждан во внешне- и внутриполитических процессах проявляется в форме диалога, интерактивного общения и двусторонней политической коммуни-

кации. Также трансформация международной коммуникации под влиянием интернет-технологий требует разработки правового механизма взаимодействия между государствами и мировыми сообществами, что будет способствовать развитию конструктивного диалога между ними.

Источники и литература:

1. Америка і Європа у сучасних міжнародних трансформаціях : монографія / Шергін С. О. та інш. – К. : Центр вільної преси, 2014. – 472 с.
2. США і світ ХХІ століття : монографія / Ю. М. Пахомов, І. М. Коваль, С. О. Шергін та інші. – К. : Центр вільної преси, 2013. – 620 с.
3. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011 – 2016 – Digital Diplomacy [Electronic resource] // Bureau of Information Resource Management. – 2014. – September. – Mode of access: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>. – Date of access: 15.01.2015.
4. President Obama's State of the Union Address – Remarks As Prepared for Delivery [Electronic resource] // The White House. The official Medium channel of the White House. – 2015. – January 21. – Mode of access: <https://medium.com/@WhiteHouse/president-obamas-state-of-the-union-address-remarks-as-prepared-for-delivery-55f9825449b2>. – Date of access: 15.01.2015.
5. Hilburn, M. White House Pre-Speech Release Creates Social Media Storm [Electronic resource] / M. Hilburn // VOAnews.com. – 2015. – January 21. – Mode of access: <http://www.voanews.com/content/white-house-pre-speech-release-creates-social-media-storm/2607914.html>. – Date of access: 15.01.2015.
6. Техау, Я. Четыре причины внешнеполитической «спячки» ЕС [Электронный ресурс] / Я. Техау // Carnegie Europe. Strategic Europe. – 2014. – 28 октября. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2014/10/28/четыре-причины-внешнеполитической-спячки-ес/hsyt>. – Дата доступа: 15.01.2015.
7. Мир в 2015 году [Электронный ресурс] / Т. Карозерс, М. Муашер, Л. Хатиб, Дж. М. Эктон, Я. Техау, Ю. Румер, Д. Х. Паал, П. Хэнли, У. Дадуш, М. Наим // Carnegie Europe. – 2014. – 10 декабря. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2014/12/10/мир-в-2015-году/hwq6>. – Дата доступа: 15.01.2015.

РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

И.И. Погорская (Киев)

В начале ХХІ века мир претерпел кардинальные изменения, появились новые угрозы и вызовы, усложнились международные проблемы. Поэтому внешняя политика современных государств, несмотря на усиление ее силовой доминанты, существенным образом должна быть нацелена на создание более стабильной международной среды, поиску эффективного баланса между национальными и коллективными интересами актеров, что является предметом серьезных научных дискуссий.

Исследователями весьма часто утверждается, что именно пространство европейской безопасности продолжает процесс переформатирования

путем постоянной борьбы между различными субъектами в их стремлении быть воспринятыми легитимными агентами в процессе формирования нового социального порядка. В данном контексте ЕС трактуется как центральный актор безопасности в регионе и предлагается восприниматься как агент-инвестор в сохранении существующей иерархии власти в этом социальном пространстве.

Главным образом теоретические исследования развития сферы безопасности единой Европы развивались по двум основным направлениям. Первое направление сосредоточено на нормативном измерении и основано на правилах подхода к европейской интеграции, что коррелирует с концепцией «создание сообщества безопасности среди бывших врагов» и достижениями конструктивистской теории. Утверждается, что сообщество безопасности может существовать на международном уровне, а его субъекты могут разделять ценности и нормы, обеспечивающие социальную идентичность, а также участвовать в различных сферах взаимодействия, которые отражают долгосрочный интерес и имеют диффузную взаимность. Сторонники конструктивизма настаивают, что политика безопасности формируется именно такими сообществами и государства, живущие в рамках международного сообщества безопасности, приобретают в своем характере черты умиротворения, у них есть чувство общности, которое, в свою очередь, создает определенную страховку того, что они будут урегулировать свои разногласия без войны, формируя не просто устойчивый порядок, но и стабильный мир [1]. Второе направление сконцентрировано на технологиях безопасности, где безопасность ЕС должна усиливаться за счет развития своих военных инструментов [2]. Оба подхода поднимают важные вопросы, касающиеся природы и возможности действия ЕС по формированию пространства общей безопасности, а также общего учредительного характера общественного порядка как поддержки таких договоренностей.

Современная теоретическая мысль ведет дискурс как в традиционных рамках аналитической и нормативной парадигм, так и пытается их преодолеть. В частности, представители Копенгагенской школы продолжают утверждать, что безопасность не может избежать своих традиционных коннотаций из-за того, как она используется в практической сфере: в историческом плане, это национальная безопасность [3]. Они рассматривают сферу безопасности, как отличную от «нормальной» политики и на основе этих предположений констатируют, что безопасность в большинстве случаев следует рассматривать как негативную, как неспособность справиться с проблемами в рамках обычной политики. Валлийский школа настойчиво определяет безопасность как своеобразный шаг освобождения, подчеркивая ее положительное значение и большой потенциал [3].

Стоит отметить, что соединив безопасность и сообщества, государства являются ревизионистами во взглядах на обычные значения безопасности и власти, где понятие власти включает способность сообщества к защите своих

ценностей, ожиданий в отношении поведения против внешней угрозы и к привлечению новых государств к идеям, которые придают смысл национальной безопасности в соединении с фактором материальном прогресса. Таким образом, значение силы начинает смещаться и «в настоящее время государства идентифицируют «новые» вопросы безопасности, которые вращаются вокруг проблем экономики, окружающей среды, а также социального обеспечения» [4, р. 41]. Такое видение является определенным вызовом для гегемонии реалистов, так как вдохновляет политиков на альтернативное понимание того, что возможно в современной глобальной политике.

Теория развития сообществ безопасности обращает существенное внимание на проблематику идентичности, социальные устои взаимодействия акторов. Данная перспектива представляет мнение о том, что национальные и государственные идентичности формируются в отношениях с другими народами и государствами. Чем ближе сообщества безопасности, тем короче коллективное когнитивное расстояние между его членами, и тем более они приобретают свойство корпоративной идентичности [4, р. 44]. При этом утверждается, что доминирующие в социуме нарративы могут быть идентифицированы по конкретным аспектам безопасности, но, в конечном счете, переменная реальность под влиянием ускорения политического времени сделала природу этого пространства еще более трансформационной [5].

Таким образом, стремясь раскрыть возможности, заложенные в обеспечении «политического» в концептуальной разработке европейской безопасности, специалисты стремятся понять возможности реорганизации существующего порядка безопасности, агентов, которые активно стремятся его формировать и формы власти, они осуществляют в данном процессе. В данном контексте Европейский Союз объединяет нормативные, мягкие подходы, основанные на дисциплинировании социальной, политической и экономической сфер жизни на континенте, а также все более широкое использование военных сил для гуманитарных целей, дает несколько форм «инвест-капитала» для самого ЕС как действующего актера мировой политики. Этот процесс также имеет основополагающее значение для социальной идентичности ЕС в качестве соответствующего агента в процессе переосмыслении европейской безопасности и предоставляет возможность оправдать свое существование.

В свою очередь проблема значительной политизации проблематики построения программ партнерства ЕС с точки зрения безопасности подтверждает аргументацию о том, что современное европейское сообщество «не-войны» было создано именно из-за десекуритизации [5]. В частности А. Уивер утверждает, что Европа прошла через период от опасности к безопасности через процесс десекуритизации, а затем, в девяностые годы, ситуацию ресекьюритизации сообщества безопасности [5]. Исследователь также полагает, что поскольку и другие вопросы стали рассматри-

ваться как вопрос безопасности (экономической, экологической и т.д.), это может поднять напряжение, но не приведет к войне [6].

В рассматриваемом измерении аналитической мысли существенным влиянием пользуется направление постструктуралистских конструктов, где в наибольшей степени разделяется значение понятий «политика» и «политическое». Например, Дж. Эдкинс констатируя отличие их смыслов, рассматривает обе концепции в свете дихотомии понятий «политики и бюрократии» и «политического и субъективности». Исследовательница трактует политику как ежедневное управление путем принятия решений чиновниками, разработке и внедрению технологий власти и управления. Политика также отвечает за легитимацию существующего порядка, но не ставит под сомнение его происхождения. Однако для того, чтобы понять построение различных субъективностей нужно смотреть на момент политического [7, р. 7–19]. Это тот момент, когда общественный запрос меняется, и политика перестает существовать так, как установлено ранее, продолжает происходить процесс взаимодействия, и власть признается законной в результате ее способности обеспечить создание новых структур политики, нормализации жизни согласно новым договоренностям идентичности, которые ценятся политическим сообществом. С этих позиций европейская интеграция, а также движение в сторону более широкого понимания безопасности, обозначили принятие новых форм социального капитала, и в этом процессе, новые актеры были допущены к сфере безопасности, пытаясь установить новые правила и иерархии власти.

Отношения безопасности также следует рассматривать в контекстах асимметрии власти и иерархии в системе международных отношений, справедливо считая, что асимметрии власти позволяют агентам воспроизводить и изобретать свой капитал, часто не во имя человеческой свободы и справедливости (космополитический взгляд на безопасность), но, как автоматизированный процесс самосохранения (коммунитарный взгляд на безопасность). И здесь, как справедливо утверждает М. Диллон, «новые агенты, которые стремятся выйти на поле, ограничены в соответствии с существующими видами порядка и безопасности, особенно если формы капитала, что они могут мобилизовать отклонены или оспорены более мощными агентами» [8]. В центре внимания стоит фактор конкуренции и борьбы за центральную роль в определении «законной логики безопасности в Европе», а теория практик расширяет фокус анализа для решения основных задач этой борьбы, и средства, с помощью которых они поддерживаются. Дивиденд мира создал ожидание того, что социальный прогресс, расширение прав и возможностей граждан, а также отношения сотрудничества станут особенностью структурирования международной системы, а более конкретно, форматирование его в европоцентричном контексте, где ЕС воспринимается как важный актер для обеспечения безопасности, коренится в социальной стабильности, экономического процветания и продвижения норм и ценностей. Однако, по справедливой

оценке К. Фирке продвигая модель безопасности, которая ценит идеальный тип демократии и экономического прогресса, ЕС не признает, что не существует идеального типа демократии и экономического развития, множества опыта мирного политического управления и политического и что любой проект должен быть исторически интерполированным [9, р. 157–158]. Кроме того, текущий международный контекст является одним из конкурентных, где ЕС сталкивается с иным видением проблем безопасности своих соседей, значительно в большей степени основанным на традиции, в том числе важности суверенитета и где национальное утверждение принимается как средство защиты. Критика технократического характера ЕС как системы управления становится серьезной проблемой во многих предметных областях, а политическая борьба за влияние в определении европейской безопасности происходит за счет антагонистических процессов и восстановления роли силового фактора в качестве ключевого инструмента обеспечения безопасности.

Стоит отметить, что программа современных исследований основана на прагматическом видении. Практикоцентричный анализ акцентирует на том, что проблематику безопасности можно понять только путем изучения того, как она работает. Современные теоретики, как в частности Дж. Найман утверждают, что ценность безопасности зависит от того, как она используется, и как она проявляется в различных эмпирических контекстах, избегая при этом навязывания абстрактного теоретического определения «хороший» и «плохой» [10]. Таким образом, можно констатировать, что в основе современных подходов лежит стремление понять сущность и характер процессов, которые формируют международный порядок и способствуют реструктуризации системы безопасности в Европе с комплексным учетом взаимовлияния различных форм безопасности.

Источники и литература:

1. Adler, E. Security Communities in Theoretical Perspective / E. Adler // Security Communities / E. Adler, M. Barnett (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 1–3.
2. Kaldor, M. Human Security: A New Strategic Narrative for Europe / M. Kaldor, M. Martin, S. Selchow // International Affairs. – 2007. – № 83(2). – P. 273–288.
3. Floyd, R. Towards a Consequentialist Evaluation of Security: Bringing Together the Copenhagen and the Welsh Schools of Security Studies / R. Floyd // Review of International Studies. – 2007. – Vol. 33, № 2. – P. 327–350.
4. Berling V. Practical Reflexivity and Political Science: Strategies for Relating Scholarship and Political Practice / V. Berling, Ch. Bueger // Political Science & Politics. – 2013. – № 46(1). – P. 115–119.
5. Weaver, O. Insecurity, Security, and Asecurity in the West European Non-War Community / O. Weaver // Security Communities / E. Adler and M. Barnett (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – P. 69–118.
6. Weaver, O. Politics, Security, Theory / O. Weaver // Security Dialogue. – 2011. – Vol. 42, № 4–5. – P. 465–480.
7. Edkins, J. Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political Back in / J. Edkins. – Boulder (Co.) : Lynne Rienner Publ., 1999. – 164 p.

8. Dillon, M. Governing Terror: The State of Emergency of Biopolitical Emergence / M. Dillon // International Political Sociology. – 2007. – № 1(1). – P. 7–28.
9. Fierke, K. Critical Approaches to International Security / K. Fierke. – Cambridge : Polity, 2007. – 288 p.
10. Nyman, J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate / J. Nyman // Review of International Studies. – 2016. – December. – Vol. 42, № 5. – P. 821–839.

ФЕНОМЕН ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.Г. Соловей, Л.С. Вечер (Минск)

Важной особенностью политического развития современной Европы является рост евроскептицизма как следствие критического отношения к европейской интеграции, Европейскому Союзу и его институтам. Евроскептицизм, как понятие, появился в Великобритании среди противников членства страны в ЕС. Широкую известность этот термин приобрел после знаменитой речи М. Тэтчер в Брюгге 20 сентября 1988 г., посвященной месту Великобритании в Европе. Распространение евроскептицизма во многом связано с провалом проекта общеевропейской Конституции, обострением мирового экономического кризиса, нарастанием миграционных проблем, решением Великобритании о выходе из Евросоюза (Brexit-2016 г.) и др.

Евроскептицизм представляет собой весьма многоплановое явление и существует в разных формах – от умеренной критики отдельных аспектов деятельности Евросоюза до полного неприятия идей и целей европейской интеграции и требования выхода своих стран из ЕС. Евроскептические настроения находят свое выражение как в общественном сознании европейцев, так и особенно в партийно-политической сфере. Размежевание партий по вопросам европейской интеграции в значительной степени определяет расстановку политических сил и тенденции развития партийно-политического пространства Европы. Результаты последних выборов в Европарламент и национальные парламенты ряда стран свидетельствуют о смещении партийных позиций от проевропейских в сторону евроскептицизма. Резко увеличилось количество евроскептических партий, расширилась их электоральная база, возросло влияние на политические процессы. При этом разные политические силы могут вкладывать различный смысл в это понятие и быть евроскептиками, оставаясь при этом принципиальными идеологическими противниками [2, с. 27].

Представители наднациональных Европейской народной партии, Партии европейских социалистов, Альянса либералов и демократов за Европу являются в основном сторонниками еврооптимизма, отстаивают приоритет европейской политики по отношению к национальной. Однако и

они признают, что «ЕС должен измениться, его надо реформировать», сделать «более прозрачным и менее бюрократичным» [1, с. 222].

«Объединенные европейские левые» критикуют Евросоюз за его антисоциальную направленность, требуют выработки новой модели социального и экологического развития, расширения участия граждан во всех сферах деятельности ЕС. Главным представителем левых евроскептиков в Европе является греческая СИРИЦА.

Позицию евроскептицизма наиболее ярко выражают правые и ультраправые партии. Британские политологи П. Таггарт и А. Щербяк разделяют евроскептицизм на умеренный и радикальный. Умеренный или «мягкий» евроскептицизм представляет собой ограниченную критику процесса европейской интеграции и Европейского Союза. Умеренные евроскептики критически относятся к определённым политическим мероприятиям и институциональным аспектам интеграции, но не ставят под сомнение саму идею единой Европы. Радикальный («жесткий») евроскептицизм выступает как принципиальная оппозиция проекту европейской интеграции и ратует за выход своих стран из Евросоюза.

Приверженцами «мягкого» евроскептицизма являются общеевропейские партии Альянс европейских консерваторов и реформистов, Европейское христианское политическое движение и др., входящие в Европарламенте в политическую группу Европейские консерваторы и реформисты. Они высказываются против федерализации ЕС, укрепления наднациональных структур, за децентрализацию системы управления Евросоюзом, пересмотр иммиграционной политики в сторону ужесточения и др. Среди национальных партий умеренное крыло евроскептиков представляет, например, партия Альтернатива для Германии, завоевавшая на парламентских выборах 2017 г. в ФРГ 12,5% голосов (третье место). Значительного успеха на парламентских выборах 2018 г. в Италии добилось Движение пяти звезд, получившее 32,7% голосов. Эти партии не ставят под вопрос членство своих стран в ЕС, концентрируя внимание на проблеме издержек единой европейской валюты и теме иммиграции. На примере данных партий можно проследить связь евроскептицизма с популизмом, который проявляется в критике евробюрократии как олицетворения технократизма современных политических элит, в осуждении традиционных институтов парламентской демократии и приверженности прямой демократии и т.п.

По итогам выборов 2014 г. расширили представительство в Европейском парламенте евроскептики радикального толка. Значительного успеха в своих странах добились Партия независимости Соединенного Королевства (27,8% голосов), Датская народная партия (26,6%), Национальный Фронт во Франции (25,1%), Партия Свободы Нидерландов (13,2), «Истинные финны» (12,9%) и др. [3].

Партия независимости Соединенного Королевства и ряд других партий-евроскептиков антииммигрантской направленности (итальянское «Движение пяти звезд», «Шведские демократы») сформировали в ЕП по-

литическую группу Европа за свободу и прямую демократию. Праворадикальные националистические партии (Национальный Фронт из Франции, Фламандский интерес (Бельгия), чешская Гражданская Консервативная партия, Лига Севера (Италия) и др.), сумели создать в 2015 г. свою фракцию Европа наций и свобод во главе с Марин Ле Пен.

Праворадикальные партии крайне негативно относятся к феноменам глобализации и европейской интеграции. Они выступают против форсированного объединения многих европейских стран в рамках ЕС, видя в этом опасность потери национальной идентичности и полного растворения в бюрократическом наднациональном организме. Под сомнение ставятся не только Шенгенские соглашения, но и сам Маастрихтский договор. По мнению крайне правых, процессы интеграции в рамках международных организаций и союзов приводят к ослаблению национального государства, что способствует развитию кризисных явлений в политической, экономической и социокультурной сферах. Праворадикальные партии открыто высказываются за освобождение европейских государств от чрезмерной опеки со стороны центральных органов Евросоюза, выступают с призывами укрепления национального государства и национального суверенитета, поддержания национального единства и национальной идентичности, усиления «силовой составляющей» государства. Под давлением правых, выступающих против многих решений Брюсселя, отдельные страны начинают жестче отстаивать свои национальные интересы перед лицом объединительных тенденций.

В странах, где существуют этнорегиональные противоречия, евроскептические настроения выражаются зачастую региональными и этническими партиями, которые выступают с позиций сепаратизма (Новый фламандский альянс в Бельгии, Шотландская национальная партия, Шинн Фейн в Северной Ирландии, Лига Севера в Италии и др.). Стремясь повысить этнокультурный статус своих образований, сепаратистские партии ратуют за создание «Европы регионов», за кардинальное расширение прав и представительства регионов в структурах наднациональных органов.

Таким образом, рост евроскептицизма, расширение его массовой базы и ужесточение форм становится все более заметным фактором общеевропейской политики, с которым нельзя не считаться. Современный евроскептицизм представляет собой весьма сложное явление, существует в разных формах и находит своих сторонников среди самых различных политических сил.

Источники и литература:

1. Выборы в Европарламент – 2014: итоги и перспективы / отв. ред. В. Я. Швейцер. – М. : Ключ, 2014. – 241 с.
2. Узнародов, И. М. Евроскептицизм после кризиса / И. М. Узнародов // Современная Европа. – 2015. – № 1. – С. 26–33.
3. Results of the 2014 European elections [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>. – Date of access: 01.03.2018.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2014–2015 гг. В ЕС: ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА¹

Т.Г. Хришкевич (Псков)

В 2014–2015 гг. европейские страны столкнулись с беспрецедентным притоком мигрантов и беженцев. Государства-члены ЕС заявили о прибытии 1 млн 820 тыс. человек. За два первых года количество просителей убежища в Евросоюзе по данным Евростат составило в целом 1 322 825 человек [4].

В ответ на возникший кризис 13 мая 2015 г. Европейская комиссия приняла «Повестку дня в области миграции 2015» (Agenda on Migration, 2015 г.). В итоговом коммюнике лидеры стран заявили, что «масштаб текущего кризиса, связанного с беженцами, является глобальной проблемой с серьезными гуманитарными, политическими, социальными и экономическими последствиями». Европейская комиссия обозначила приоритетные направления деятельности для разрешения кризиса: за пределами ЕС, на границах ЕС и в пределах компетенции ЕС. Среди ключевых задач (борьба с первопричинами незаконной миграции вместе со странами происхождения и транзита; создание «горячих точек» по приёму беженцев в Греции и Италии и идентификация и регистрация любых входящих лиц) заметное место заняла задача большей управляемости границ. Одними из главных направлений решения кризиса стали поиски путей сдерживания потоков миграции, сотрудничество со странами исхода беженцев и транзитными странами.

Инструментарий, доступный ЕС, включает в себя политические, правовые, организационные и финансовые механизмы. Среди них возможности FRONTEX, EUROSUR, Europol, Eurojust, EUNAVFOR Med, EMSC и многие другие взаимодействующие между собой структуры. Немаловажное место занимает финансовый аспект, например, выделение дополнительных ассигнований на национальные программы поддержки беженцев (на 2014–2020 гг.) в размере 2 392 млн евро [5] и пр.

Согласно отчетам Европола преимущественными путями проникновения в ЕС является Средиземное море, Юго-Восточная Европа и восточная граница. Главными маршрутами являются – западно-средиземноморский, восточно-средиземноморский и центрально-средиземноморский [8]. Они идут через морские границы Средиземноморья в Испанию, Италию, Грецию. До Северной Европы мигранты прибывают через Швейцарию, Австрию и Германию. Чтобы добраться до пунктов назначения в Западной Европе, мигранты пересекают Францию [9].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 17-01-60002 «Миграционная политика в Балтийском регионе: Северо-Запад Российской Федерации и страны Европейского Союза – сотрудничество в условиях миграционного кризиса».

Таблица. Количество нелегальных мигрантов, перешедших границу ЕС в 2015 г. (по данным FRONTEX) [7, s. 18]

Регион	Количество человек
Восточные Балканы	764 038
Восточное Средиземноморье	885 386
Центральное Средиземноморье	153 946
Западное Средиземноморье	7 004

К настоящему времени на первый план вышла необходимость сотрудничества со странами-транзитёрами. Наибольшие сухопутные потоки в ЕС идут через Турцию в Болгарию, являющуюся внешней границей Евросоюза. Традиционно именно ей уделяется больше внимания в рассмотрении вопроса сотрудничества ЕС с соседями в вопросах преодоления проблем кризиса. Переговоры, проведенные в ходе саммитов в октябре и ноябре 2015 г., с целью добиться содействия в сдерживании миграционных потоков привели к появлению совместного Плана действий по противодействию миграционному кризису. Первоначально он предусматривал финансовую помощь Турции в 3 млрд евро. В ответ Турция обязывалась создать социально-экономические условия для беженцев, открыть для них свои рынки труда и задерживать нелегальных мигрантов. Турция со своей стороны выдвинула требования ускорения переговоров о вступлении в ЕС, углубления таможенного союза и либерализации визового режима для своих граждан [2, с. 296].

За прошедшие два года со дня подписания соглашения (7 марта 2016 г., саммит ЕС – Турция) выполнение условий натолкнулось на множество препятствий. От нежелания государств-членов ЕС выполнять финансовые обязательства до затормозившегося процесса переговоров о вступлении в Евросоюз. В результате, Турция все же ослабила миграционный напор в пределы ЕС, но Р.Т. Эрдоган получил возможность увеличить требования в виде дополнительных траншей еще в 3 млрд евро. Таким образом, политический инструмент сотрудничества видится эффективным лишь частично.

Гораздо меньше внимания при анализе приграничного сотрудничества уделено восточным и северо-западным воротам в ЕС. В них особое место занял Балтийский регион. Он лежит в стороне от основных путей проникновения, что оправдывает слабый интерес исследователей. Но этот регион, объединяющий государства с сильной социальной системой (Германия, Швеция, Финляндия, Дания), является «магнитом» для многих прибывающих в Европу. Некоторые миграционные потоки присутствуют и в Балтийском регионе. Например, в 2015 г., по данным FRONTEX через границу Польши в ЕС попали 1 927 человек [7, s. 18]. Через границу России, Беларуси и Украины в 2016 г. – 1349 нелегальных мигрантов [1, с. 30].

Как в случае морских, так и в случае сухопутных миграционных потоков 90% нелегальных мигрантов по данным Европола попадают в Европу благодаря организованным преступным группам [6, s. 18]. Они извлекают выгоду из большого числа мигрантов, готовых платить за незакон-

ный ввоз (часто в опасных условиях) в пункты назначения в ЕС, а также содействуют легализации статуса нелегальных мигрантов, уже находящихся в ЕС. Контрабандисты используют традиционные методы незаконного ввоза мигрантов по морю, суше и воздуху, а также все чаще занимаются новыми видами деятельности, такими, как использование социальных сетей для вербовки мигрантов и более изощренными видами мошенничества с использованием личных данных. Анализ Европолиции выявил связь между незаконным ввозом мигрантов и другими областями преступности, такими, как торговля людьми и наркотиками. Таким образом, взаимодействие в целях предотвращения миграционного кризиса приобретает новые задачи – полицейское сотрудничество для пресечения контрабанды людьми.

Один из наиболее активных способов сотрудничества в пограничных регионах это операции по предотвращению нелегального пересечения границы. В Балтийском регионе Европол поддерживает возглавляемый Германией проект ISEC 2012 «Укрепление трансграничного оперативного сотрудничества в борьбе с мобильными организованными преступными группами» (МОСГ), в том числе в сотрудничестве с Россией. В качестве основного инструмента называется обмен информацией и разведка [3]. Этот проект был создан в ответ на необходимость восполнения ряда пробелов в разведывательной информации, возникших в связи с миграционным кризисом.

Цель проекта включала в себя создание трансграничных сетей и применения специальной оперативной тактики в борьбе с мобильными организованными преступными группами для пресечения нелегальной миграции. Проект объединил балтийские европейские государства (Германию, Польшу, Литву), а так же имеет так называемый русскоязычный сектор. В частности, финансируемый Европейской комиссией проект оказал финансовую поддержку более чем 100 правоохранительным органам в приобретении устройств GPS, проведении операций по вознаграждению информаторов и организации оперативных совещаний для большого числа оперативных экспертов, участвующих в борьбе с конкретными международными преступными группами или сетями. Результатом становится ликвидация МОСГ. Так, например, в сентябре 2016 г. польская Пограничная служба при поддержке Европола ликвидировала международную преступную сеть, занимающуюся контрабандой украинских и албанских граждан в Соединенное Королевство [6, s. 21].

По словам вице-президента германского Федерального управления уголовной полиции Петера Хенцлера, сотрудничество привело к выявлению 1890 подозреваемых, арестовано 382 человека. Было выдано в общей сложности 575 ордеров на арест. Общий ущерб, причиненный незаконной деятельностью криминальных сетей, составил около 65 млн евро [3]. Результат был достигнут за счет улучшения обмена оперативной информацией, организацией трансграничных операций. Особое внимание уделялось также аресту и конфискации незаконно полученных активов и незаконных денежных потоков.

Проект предоставил Европолу уникальную возможность оказывать более эффективную поддержку участвующим государствам-членам путем предоставления экспертной, аналитической и оперативной поддержки для текущих операций; кроме того, Европол выступал в качестве основной платформы для обмена информацией и разведывательными данными в рамках проекта, а также принимал и содействовал проведению оперативных совещаний.

Таким образом, новая стратегия Европейского Союза в обеспечении безопасности границ предполагает активнее поощрять страны к эффективной охране границ. Региональное сотрудничество имеет несколько уровней и разную степень эффективности. К сожалению, в настоящее время определенный отпечаток накладывает политическая конъюнктура (например, заявления Прибалтийских государств о необходимости строить заборы на границе с Российской Федерацией). Однако понимание необходимости более тесного сотрудничества приводит к снижению жертв среди мигрантов и беженцев, снижению государственных расходов и ликвидации преступных группировок.

Источники и литература:

1. Михеев, Д. В. Динамика трансграничной миграции Псковского региона в условиях миграционного кризиса (2014–2016) / Д. В. Михеев // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 28–32.
2. Потемкина, О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза / Европа XXI века. Новые вызовы и риски / О. Ю. Потемкина; под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Федорова. – М.-СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 286–304.
3. Advanced cross-border operational tool to tackle mobile organised crime groups [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/advanced-cross-border-operational-tool-to-tackle-mobile-organised-crime-groups>. – Date of access: 26.03.2018.
4. Asylbewerber und erstmalige Asylbewerber – jährliche aggregierte Daten [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tps00191&plugin=1>. – Date of access: 26.03.2018.
5. Asylum in the EU [Electronic resource]. – Mode of access: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/docs/infographics/asylum/infographic_asylum_print_a_en.pdf. – Date of access: 26.03.2018.
6. Europol review 2016–2017 [Electronic resource] // European Union for Law Enforcement Cooperation (Europol). The Hague. The Netherlands. – Mode of access: <https://www.europol.europa.eu/crime-areas-and-trends/crime-areas/facilitation-of-illegal-immigration>. – Date of access: 26.03.2018.
7. FRONTEX. Risk Analysis for 2017. Frontex, Warsaw, 2017.
8. Migrant smuggling networks joint Europol-Interpol Report. Executive Summary May 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europol.europa.eu/.../ep-ip_report_executive. – Date of access: 26.03.2018.
9. Migrant smuggling in the EU [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europol.europa.eu/.../migrant_smuggling_europa/. – Date of access: 26.03.2018.

БОРЬБА ЗА МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Бао Ин (Минск)

Глубокие идеологические расхождения между странами-победительницами во Второй мировой войне привели к расколу мира на две враждующие социально-политические системы и к развязыванию «холодной войны». Обострение двусторонних отношений между Советским Союзом и КНР после прихода к власти в Москве Никиты Хрущева дало шанс Западу усилить давление на СССР. США нормализовали свои межгосударственные отношения с коммунистическим Китаем и умело воспользовались советско-китайскими противоречиями. Неспособность социалистической системы адекватно освоить плоды научно-технической революции, поднять качество жизни граждан, изнуряющая гонка вооружений подорвали мировую социалистическую систему. После ее распада США превратились в единственного глобального лидера, который стал перестраивать систему мировой политики и экономики под свои интересы. Администрация Президента Дж. Буша-младшего развязала войны в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.), которые на многие годы ограничили возможности Вашингтона на постсоветском пространстве и на китайском направлении, серьезно подорвали экономические ресурсы США. Администрации Барака Обамы пришлось приложить немало усилий, чтобы «вытащить» США из этих нескончаемых войн с минимальной «потерей лица», развернуть страну лицом к самой быстроразвивающейся экономике мира – Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Как изложил Генри Киссинджер в своей работе «Мировой порядок», «для Соединенных Штатов поиск мирового порядка ведется на двух уровнях: торжество универсальных принципов должно сопровождаться признанием реальности истории и культуры других регионов. И хотя уроки сложных десятилетий следует изучать, необходимо продолжать поддерживать и подкреплять лозунги об исключительном характере Америки. Америка – как решительно выражающая в современном мире стремление человека к свободе и как незаменимая геополитическая сила для отстаивания ценностей гуманизма, – должна не терять чувства направления» [1, с. 483].

Мировое положение после «холодной войны» характеризуется тем, что США пытались играть роль мирового лидера: иметь право установления правил мировой торговли, право контроля направления потока необработанных сырьевых и промышленных товаров всего мира, господство над военными силами, валютой, наукой и техникой, общественным мнением мира и т.д. Так что главная цель дипломатии Соединенных Штатов в постсоветское время состоит в защите своего лидерства в глобальном масштабе, под руководством которой в последние годы США совершили несколько неэффективных внешнеполитических шагов. К концу второго

десятилетия 21-го века постепенно на мировой арене сложился неравно-сторонний треугольник: США, Россия и Китай, в рамках которого могли быть решены многие основные проблемы международного развития.

В настоящее время среди двухсторонних отношений китайско-американские отношения являются самыми важными, китайско-российские отношения – самыми тесными, а российско-американские – самыми сложными. Связи между Китаем и Россией имеют больше символического смысла, а связи между Китаем с Соединенными Штатами носят более существенный характер. Это видно по объему товарооборота в 2017 г.: общий объем торговли между Китаем и Россией по итогам составил 84 миллиарда долларов [2], а объем между Китаем и США – 580 млрд. дол. [3]. Отношения с этими странами для Китая являются стратегическими, китайско-российские отношения придают большое значение структуре мировой политики, а китайско-американские – сильно влияют на мировую экономику. Как страны-члены Совета безопасности ООН Китай и Россия играют в мире важную роль, одновременно представляя «новые зарождающиеся экономики». Укрепление двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией базируется на объективной взаимодополняемости экономик, неприятии однополярного мира, где доминирующими являются американские интересы, стремлении играть более активную роль в международных делах [4, с. 153].

Мир и развитие – это главная тема нынешней эпохи. Стремление к миру и развитию, содействие сотрудничеству – лейтмотив нашей эры [5, с. 4]. В настоящее время общая мощь Китая значительно повысилась, Пекин старается отстаивать равноправные интересы на мировой арене. В прошлом Китай накапливал силы, развивая экономику, скрывал свои способности и ждал своего часа. На самом деле Китай, в основном, находился в пассивном положении, пытался влиться в «чужую» систему. А ныне совокупная мощь Китая уступает лишь Америке. Китай стал крупнейшей торговой державой, занимает первое место в мире по мощности производства, а также обладает могучей промышленной системой с могучим производственным потенциалом, а в ряде областей Китай даже опередил США и стал лидером. При таком положении нынешняя система международных отношений становится «узкой» для дальнейшего прогресса страны. Китаю приходится активно сближаться с международным рынком на основе своих государственных интересов, что вызвало трансформацию традиционного Китая, а также напряжение среди «старых лидеров» мира. В такой ситуации в 2013 г. председатель Китая Си Цзиньпин выдвинул стратегию «Один пояс, один путь». Инициатива «пояс и путь» – это не соло Китая, а симфония с участием разных стран, масштабный международный проект, необходимый многим сторонам. Эта инициатива затрагивает ключевое звено взаимных связей и обмена, фокусируется на международном экономическом сотрудничестве, особенно инфраструктурном, соответствует реальным потребностям стран и регионов вдоль «пояса и пути» [5, с. 24].

По мнению Джозефа Ная, динамичное развитие в экономической и военной сферах такой большой страны, как Китай, может легко вызвать опасения соседей, и привести их к объединению с другими странами для сдерживания его дальнейшего развития [6]. Поэтому «мирное возвышение» Китая может быть осуществлено только на базе реализации политических ценностей, созданных и продвигаемых им в ходе широкого применения «мягкой силы». По словам профессора А. М. Байчорова: «Пропагандируемые установки Пекина, а также Москвы на углубление внешнеполитического взаимодействия носят преимущественно тактический характер. Прочность действительно стратегического партнерства будет в перспективе зависеть от готовности Москвы признать лидирующие позиции КНР в мире, вероятность чего мала с учетом растущих аналогичных российских амбиций» [4, с. 164].

Уже не удивительно, что под влиянием стереотипов о «китайской угрозе» Запад во главе с Соединенными Штатами упорно придерживается двойных стандартов по отношению к Китаю и России, вместо совместной деятельности Запад борется за сжатие сферы влияния Китая и России, а также их партнеров. В конце 2017 г. в докладе Национального фонда демократии (NED) было выдвинуто новое понятие «острая сила», используемое для описания внешней политики Китая и России. В статье журнала Экономист (The Economist) 14 декабря 2017 г. отмечается, что «острая сила» определяется как сила, опирающаяся на «диверсии, запугивание и давление, которые совместно стимулируют самоцензуру». Если мягкая сила использует привлекательность культуры и ценностей страны для расширения её могущества, то острая сила помогает авторитарным режимам контролировать поведение внутри государства и манипулировать мнением за рубежом [7].

Мы живем в так называемой информационной цивилизации, где лидерство и доминирование определяются позициями в области передовых информационных технологий. С помощью современных технологий под лозунгом развития демократии «новое понятие» в скором времени может быть распространено по всему миру, но суть проведения медиа-войны для удаления симпатий, полученных Китаем и Россией за последние годы, ничем не отличается от прошлого. Антироссийские санкции из-за включения Крыма в состав России, высылка российских дипломатов из-за «причастности» правительства России к отравлению экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, а также торговый конфликт между Китаем и США, вызванный Соединёнными Штатами, протест США против Резолюции по развитию взаимовыгодного сотрудничества в области прав человека, предложенной Китаем 23 марта 2018 г. на заседании Совета ООН по правам человека, – все это доказывает, что чем больше Запад во главе с Соединенными Штатами беспокоится по поводу утери Вашингтоном статуса мирового лидера, тем больше усиливаются действия против Китая и России.

Благодаря динамичному экономическому развитию и прорыву в области науки и техники, в последние годы Китай во многих сферах составляет серьезную конкуренцию США. В большинстве случаев внешняя политика Соединенных Штатов не может помешать действиям Пекина. И не последнюю роль в этом играют расширяющиеся и крепнущие китайско-российские связи. Как отметил в своем интервью председатель Общества российско-китайской дружбы Д. Ф. Мезенцев: «Не бывает так, чтобы в каком-то «сегменте» отношений был прорывной успех, а где-то было серьезное отставание. Если мы говорим о высоком уровне, глубине и масштабе двусторонних отношений, значит – по определению – гуманитарные связи должны соответствовать уровню взаимодействия в сфере экономики, промышленности, высоких технологий» [5, с. 25]. Действительно, государственным руководителям, деятелям науки и культуры Китая и России еще предстоит много сделать в гуманитарной сфере против возрождения менталитета новой холодной войны, а также для создания и укрепления более привлекательного облика своих стран на мировой арене.

Источники и литература:

1. Генри Киссинджер. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 512 с.
2. 2017 нянь чжун-э маоиз 840 и мэйюань тунби цзэнчжан 20.8% (Объем торговли 2017 г. между Китаем и Россией вырос на 20.8% по сравнению с предыдущим годом) [Электронный ресурс] // Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства КНР в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://ru.mofcom.gov.cn/article/zxhz/201801/20180102701694.shtml>. – Дата доступа: 29.03.2018.
3. Шан-у-бу тунбао «2017-2018 нянь чжунго байхуо линшоуе фачжань баогао» югуань цинкуандэн (Министерство коммерции сообщает о состоянии развития розничной торговли Китая в 2017-2018 гг.) [Электронный ресурс] // Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2018-03/29/content_5278409.htm. – Дата доступа: 29.03.2018.
4. Байчоров, А. М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в 21 веке / А. М. Байчоров. – М. : Международные отношения, 2013. – 192 с.
5. Ежемесячный журнал «Китай». – 2017. – № 7. – С. 4.
6. Интервью Джозефа Ная: мягкая сила Китая слабая, гегемонизм устарел [Электронный ресурс] // Фэнхуан дасюевэнь. – 2016. – Режим доступа: <http://www.sodocs.net/doc/480a8b1f2379168884868762caaedd3383c4b58b.html>. – Дата доступа: 29.03.2018.
7. Най, Дж. Мягкая и острая сила Китая [Электронный ресурс] / Дж. Най // ИноСМИ.Ru. – 2016. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20180110/241144649.html>. – Дата доступа: 29.03.2018.

ТРАМПОВСКАЯ АМЕРИКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ: НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ

А.П. Косов (Витебск)

Начавшаяся в 2010 г. «перезагрузка» российско-американских отношений довольно быстро завершилась их новым ухудшением, причем самым серьезным Попытки вмешательства Вашингтона во внутренние дела России, а также существенные расхождения сторон по сирийскому и украинскому кризисам к середине 2010-х гг. отбросили двусторонние отношения на самую низшую точку развития за весь постбиполярный период. Поэтому надежды Москвы на их улучшение связывались с очередными президентскими выборами в США, которые состоялись 8 ноября 2016 г. Однако, как показало время, они не оправдались. Но обо всем подробнее, ниже.

На протяжении всей предвыборной кампании в Америке симпатии российского политического истеблишмента целиком и полностью были на стороне Д. Трампа, поскольку Х. Клинтон, жестко высказывавшаяся в адрес Москвы, воспринималась как преемница антироссийского курса Б. Обамы. Д. Трамп, напротив, строил свою линию как отрицание внешней политики Обамы. В частности, он говорил о необходимости нормализации отношений с РФ. Известные исследователи А. Г. Арбатов и Н. К. Арбатова абсолютно верно, на наш взгляд, назвали основные причины доброжелательного отношения российской элиты к Д. Трампу. Во-первых, его безразличие к правам человека, идее экспорта демократии и к поддержке демократической оппозиции в России и других странах постсоветского пространства. Во-вторых, Трамп провозгласил курс на пересмотр и сокращение международных обязательств США [1, с. 162]. В частности, и во время предвыборной гонки, и после победы на выборах он неоднократно выражал несогласие с попытками Вашингтона проводить смену режимов и обещал положить этому конец [7]. Реализация Белым домом такого подхода на практике открывала определенные возможности для расширения международного влияния России, поскольку у Москвы, как и у Вашингтона, свой мессионизм, цель которого заключается в спасении человечества, но иными путями, отличными от американских подходов [3, с. 7]. В-третьих, критика Трампом НАТО как «устаревшей организации», несоответствующей современным реалиям, что не могло не импонировать РФ. В-пятых, скептическое отношение Д. Трампа к ЕС и партнерам в АТР, что отвечает российским национальным интересам [1, с. 163–164]. Поэтому с его победой на президентских выборах 8 ноября 2016 г. в Москве связывалась отмена части антироссийских санкций, не касающихся Крыма и «Закона Магнитского». Заявления Кремля объяснялись тем, что отношения между РФ и США уже достигли своего дна и дальше ухудшаться не могут, поэтому неизбежно их постепенное улучшение.

После избрания Д. Трамп продолжил положительно отзываться о России и президенте В. В. Путине, что противоречило сложившемуся в США негативному двухпартийному консенсусу в отношении РФ. В телефонном разговоре с российским президентом он охарактеризовал сложившиеся российско-американские отношения как неудовлетворительные и высказал стремление их улучшить [6]. А в служебной записке Пентагона, посвященной главным «военным приоритетам» новой администрации, несмотря на то, что руководство данного ведомства по-прежнему считало Москву угрозой номер один для США, Россия была исключена из списка угроз для Вашингтона [8]. Это стало хорошим знаком для российско-американских отношений.

Однако уже изначально было очевидно, что преодолеть американский политический мейнстрим ему при всем его гипотетическом желании будет очень сложно. Независимо от партийной принадлежности, и со стороны демократов, и со стороны республиканцев по-прежнему очевидна нарастающая критика РФ. Как показывает практика формирования государственного аппарата в США, приход к власти новой администрации далеко не всегда означает смену парадигмы внешней политики на среднем и низовом управленческих уровнях в тех же Госдепартаменте, Агентстве по международному развитию, Пентагоне и разведывательных и контрразведывательных структурах [5, с. 328]. Несмотря на приход в Белый дом Д. Трампа и его заявления начать отношения с Москвой с чистого листа, значительная часть американского истеблишмента не желает перестраиваться, продолжая считать Россию врагом. Обсуждение слухов о якобы имевшем место вмешательстве российских хакеров в президентские выборы в США, которые единым фронтом подхватили западные СМИ, поспособствовали увеличению финансирования антироссийской пропаганды, популяризации разного рода концепций «гибридных войн» с РФ и т.д. [5, с. 328] Против нормализации российско-американских отношений активно выступают демократы, традиционно более жестко настроенные против России, нежели республиканцы. В республиканской партии среди активных противников улучшения отношений между Москвой и Вашингтоном можно назвать сенаторов Дж. Маккейна, Л. Грэма и М. Рубио.

Следует учитывать наличие антироссийских настроений и среди членов администрации Трампа. Примечательно, что в администрации преобладание получили сторонники жесткой линии: вице-президент М. Пенс, госсекретарь Р. Тиллерсон, советник по национальной безопасности Г. Макмастер, министр обороны Дж. Мэттис, министр внутренней безопасности Дж. Ф. Келли. Например, глава Пентагона Дж. Мэттис заявил, что с Москвой необходимо вести диалог «с позиции силы» [9]. Сменивший на посту советника по национальной безопасности генерала М. Флинна генерал Г. Макмастер также считает, что Россия является одной из угроз Соединенных Штатов. Он разделяет мнение, что политика Вашингтона

должна быть довольно жесткой по отношению к РФ [5, с. 326]. Поэтому зачастую спонтанные заявления Д. Трампа опровергаются другими должностными лицами его администрации.

Нельзя забывать о воздействии на политические круги и общественность США СМИ – общенациональных телеканалов (NBC, CBS, ABC, Fox News), общенациональных газет (USA Today, The Washington Post, The Washington Times, The New York Times, The Wall Street Journal), Интернет-изданий (Huffington Post, Politico, BuzzFeed), а также лоббистских структур и т.д., которые чрезмерно сгущают краски, подогревая антироссийские настроения в Америке, путем искажения информации и вброса фейков [4, с. 70].

Таким образом, причина продолжающегося ухудшения российско-американских отношений заключается в восприятии внешнеполитического поведения РФ и его трактовок в определенном ключе лицами, принимающими решения в Вашингтоне, а также теми, кто их консультирует и создает идейно-психологический фон восприятия образа России элитами и обществом в США [2, с. 64]. Кроме того, образ РФ в США складывается благодаря имеющимся стереотипам. Политический истеблишмент Америки воспринимает Россию как страну, которая проиграла «холодную войну», а, следовательно, она должна играть по правилам победителя, т.е. Запада. А Д. Трамп, как крайне непредсказуемый и эмоциональный политик, весьма подвержен влиянию общественного мнения, формирующегося внутри и внешнеполитическими событиями.

Следует отметить, что получив отпор по ряду внутренних вопросов, Д. Трамп пытается добиться успеха на международной арене. В результате, как показывают события, президент США вынужден демонстрировать жесткость политической линии в отношении России. Справедливым является мнение о том, что улучшение российско-американских отношений выгодно новому главе Белого дома, чтобы доказать свою состоятельность как лидера, способного вести диалог с такой страной, как Россия. Однако Д. Трампу важно, чтобы сделка была выгодной, прежде всего для США. Такой подход, конечно, не устраивает Москву [5, с. 326]. Показательной в этом плане стала встреча В. Путина и Д. Трампа на полях «большой двадцатки» в Гамбурге 7–8 июля 2017 г., на которую отдельные эксперты возлагали много надежд, но она не принесла быстрых и кардинальных изменений в лучшую сторону в российско-американских отношениях.

Тем временем постепенно возрождается жесткая позиция Вашингтона по Украине и Сирии. Так, украинский кризис не является для Д. Трампа сколько-нибудь значимым приоритетом. В ходе избирательной кампании его заявления по Украине не отличались четкостью и последовательностью, а по Крыму – были вполне созвучны позиции Москвы [1, с. 162]. Однако, оказавшись у власти, его администрация официально заявила, что Крым является неотъемлемой частью Украины. Это свидетельствует о том, что Украина продолжает оставаться объектом американской политики, на-

правленной против России [5, с. 331]. Д. Трамп не против сотрудничества с Москвой в Сирии, но на своих условиях и по своему усмотрению, как показали ракетные удары 7 апреля 2017 г. и 14 апреля 2018 г., предпринимает жесткие силовые акции против режима Б. Асада, ставя Кремль перед фактом. Принимая во внимание, насколько быстро Вашингтоном были приняты решения об ударе по сирийской территории, складывается впечатление, что Д. Трамп лично принимает внешнеполитические решения при достаточно ограниченном участии экспертов и ответственных ведомств. Поэтому абсолютно правы российские эксперты А. и Н. Арбатовы: «Если кто-то надеялся, что Трамп придет к России на поклон, извинится за прошлое поведение США и спросит, чего она впредь пожелает, – то этого точно не будет» [1, с. 173]. Д. Трамп – бизнесмен и жесткий прагматик, и именно с этих позиций он пытается строить свои отношения с В. Путиным. Американскому президенту важно, чтобы Москва не мешала ему в отношениях с исламским экстремизмом, Китаем и Ираном [1, с. 170]. При этом полностью отказаться от своих прежних пророссийских заявлений Трамп не может, поскольку это означало бы для него признать свое поражение. Тем самым получается, что «Россия – это ахиллесова пята Трампа, учитывая критику внутри США его особой предрасположенности к президенту Путину» [1, с. 172].

Таким образом, надежды российского руководства на улучшение отношений между РФ и США после прихода в Белый дом новой администрации не оправдались. Москве не стоит питать иллюзий по поводу быстрого налаживания российско-американских отношений. Поэтому непонятно, чему так бурно радовались в ноябре 2016 г. отдельные российские парламентарии (например, В. В. Жириновский, открывавший шампанское за победу Трампа). Ведь, было очевидно, что кардинальных положительных сдвигов в российско-американских отношениях ближайшее время ожидать не стоило. Главная причина – преобладание в американском истеблишменте стремления продолжать линию на сдерживание России, ослабление ее международных позиций. Разумеется, возможности для сотрудничества РФ и США существуют, и эти улучшения могут начаться, но по своей природе они будут достаточно хрупкими и ограниченными.

Источники и литература:

1. Арбатов, А. Г. Фактор Трампа в российско-американских отношениях / А. Г. Арбатов, Н. К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 160–178.
2. Борисова, А. Политический образ России в восприятии экспертного сообщества ЕС и США / А. Борисова // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 63–75.
3. Журавлева, В. Россия и США: размышляя над конфликтом / В. Журавлева // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 5. – С. 5–13.
4. Костяев, С. Изменение восприятия постсоветской России в США / С. Костяев // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 3. – С. 68–75.

5. Новая администрация США: перспективы для России. Материалы международного «круглого стола» // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 325–341.
6. Телефонный разговор с избранным президентом Соединенных Штатов Америки Дональдом Трампом [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – 2016. – 14 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53255>. – Дата доступа: 02.05.2018.
7. Bowman, M. Trump's Non-interventionism Could Split Republicans [Electronic resource] / M. Bowman // VOA. – 2016. – December 07. – Mode of access: <http://www.voanews.com/a/trump-non-interventionism-could-split-republicans/3627140.html>. – Date of access: 28.03.2018.
8. Hudson, J. Russia Missing from Trump's Top Defense Priorities, According to DoD Memo [Electronic resource] / J. Hudson, P. McLeary, D. De Luce // Foreign Policy. – 2016. – December 20. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/12/20/russia-missing-from-trumps-top-defense-priorities-according-to-dod-memo/>. – Date of access: 28.04.2018.
9. WSJ: администрация Дональда Трампа ужесточает политику в отношении России [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. – 07.03.2017. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3236237>. – Дата доступа: 02.05.2018.

УЧАСТИЕ ГЕРМАНИИ В МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЯХ ООН

А.С. Казамель, С.Ф. Свилас (Минск)

Важнейшей целью Организации Объединенных Наций является поддержание международного мира и безопасности [3]. Согласно Уставу, Организация может прибегнуть к военным операциям миротворческого или принудительного характера. Во время миротворческих операций вооруженные силы направляются в ту или другую страну по просьбе её правительства с целью примирения конфликтующих сторон. ООН по решению Совета Безопасности может принимать также превентивные или принудительные меры в случаях, когда государство создает угрозу международному миру и безопасности [4].

Участие в миротворческих миссиях ООН стало значимым направлением внешней политики Германии. Отметим, что Берлин принимает участие в них с начала 1990-х годов посредством направления военнослужащих, полицейских, а также гражданских экспертов. По данным за 2017 г. 717 военнослужащих (680 мужчин и 37 женщин) несут службу под флагом ООН [8]. За время участия в миротворческих миссиях погибло 17 немецких военнослужащих [7].

В 2012 г. ФРГ занимала третье место по финансированию миротворческих операций, что составило 8,018% расходов на их проведение [5]. В 2017 г. Германия стала четвертой страной (после США, Китая и Японии) по этому показателю, выплатив около 503 млн. долл., или 6,39% от общей суммы расходов [6].

Первое участие германских военных и гражданских специалистов общей численностью 37 человек в миротворческой операции состоялось в апреле 1991 г., она проводилась бывшей Специальной комиссией ООН (ЮНСКОМ). Операция была направлена на контроль над процессом разоружения Ирака и длилась до сентября 1996 г. [2].

15 немецких военнослужащих принимали участие в передовой миссии ООН в Камбодже (ПМООНК, октябрь 1991–март 1992 г.), 150 миротворцев входили в состав Временного органа ООН в Камбодже (ЮНТАК, май 1992 – ноябрь 1993 г.), 2420 военных стали участниками операции ООН в Сомали (ЮНОСОМ II, август 1992 – март 1994 г.). Германия направила 20 военнослужащих, не считая сотрудников гражданской полиции, для проведения миссии ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ, март 1994 – июнь 2009 г.) [2].

С июля по декабрь 1994 г. немецкие военнослужащие (30 человек) входили в состав миротворцев, которые были задействованы в миссии ООН по оказанию помощи Руанде (МООНПР). В 1995 году 1700 посланцев Берлина участвовали в операции ООН на территории бывшей Югославии (СООНО) [2].

Следует отметить, что с 1994 г. происходит снижение активности участия Германии в миротворческих операциях ООН. После террористических актов 11 сентября 2001 г. возрастает роль Берлина в урегулировании международных кризисов, при этом бундесвер предоставляет военных в основном для участия в операциях НАТО, санкционированных СБ ООН. Активную роль сыграла ФРГ в осуществлении миротворческой миссии под эгидой ООН в Ливане. Принятая в августе 2006 г. резолюция № 1701 способствовала окончанию войны и стала основой для стабилизации ситуации в регионе [1].

В 2006–2007 гг. Германия участвовала в миротворческой миссии ООН в Судане (МООНВС), предоставив своих солдат и полицейских. В дальнейшем была оказана финансовая и материально-техническая помощь для обеспечения миссии Африканского союза в Дарфуре (МАСС), а также политическая поддержка ООН в миростроительстве в Судане. Посредством предоставления людских и финансовых ресурсов вносился вклад (с 2008 г.) в реализацию совместной миссии ООН и Африканского союза в Дарфуре (ЮНАМИД) [1].

Германия содействует восстановлению Афганистана. В 2001 г. в Бонне была проведена международная конференция, положившая начало Боннскому процессу – реализации плана строительства демократического, независимого и мирного Афганистана. ФРГ направила самый крупный контингент в Международные силы содействия безопасности (ISAF) – до 3500 солдат. 5 декабря 2011 г. в Бонне при поддержке ООН состоялась международная конференция по Афганистану с целью оказания стране долгосрочной помощи [1].

ФРГ продолжает активную линию в отношении ближневосточного урегулирования, стремясь действовать с позиций «честного посредника». Политика Германии в отношении Израиля определялась и определяется не только политическими и экономическими критериями, но и моральной ответственностью за массовое уничтожение евреев во времена нацизма. Допуская определенную критику в отношении Тель-Авива, Берлин продолжает оставаться надежным союзником Израиля в Европе.

По состоянию на 2017 г. Германия принимает участие в 10 миссиях ООН: ВСООНЛ (Ливан), МООНРЗС (Западная Сахара), МИНУСМА (Мали), МООНСВ (Южный Судан), ЮНАМИД (Судан), МООНСА (Афганистан), МООНК (Косово), МООНЛ (Либерия), UNSOM (Сомали), МООНСГ (Гаити) [9]. В настоящее время Берлин концентрирует силы на миротворческой миссии ООН в Мали (МИНУСМА), куда направил самый большой контингент миротворцев.

Приведенный материал подтверждает роль ФРГ как активного актора мировой политики и международных отношений, авторитетного гаранта глобальной и региональной безопасности.

Источники и литература:

1. Кикун, Д. В. Основные направления деятельности ФРГ в ООН на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Д. В. Кикун. – М., 2013. – 171 л.
2. Трунов, Ф. О. Участие ФРГ в международном кризисном регулировании (1991–2012) / Ф. О. Трунов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 9. – С. 34–44.
3. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>. – Дата доступа: 24.01.2018.
4. Что такое деятельность по поддержанию мира? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/peacekeeping.shtml>. – Дата доступа: 02.02.2018.
5. Effective rates of assessment for peacekeeping operations, 1 January 2013 to 31 December 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/67/224/Add.1. – Date of access: 12.01.2018.
6. Effective rates of assessment for peacekeeping operations, 1 January 2016 to 31 December 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/331/Add.1. – Date of access: 12.01.2018.
7. Fatalities by Nationality and Mission [Electronic resource]. – Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/statsbynationalitymission_2_7.pdf. – Date of access: 01.02.2018.
8. Summary of Contributions to UN Peacekeeping by Country, Mission and Post [Electronic resource]. – Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/summary_of_contributions_to_un_peacekeeping_by_country_mission_and_post.pdf. – Date of access: 09.01.2018.
9. UN-Friedensmissionen und deutsches Engagement [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/internationale-organisationen/uno/04-friedensmissionen-un/205586>. – Date of access: 12.01.2018.

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ФАКТОРЫ СБЛИЖЕНИЯ И ОТТОРЖЕНИЯ

В.А. Космач (Витебск)

Российско-германские отношения с начала 2014 г., к сожалению, резко ушли в негатив, несмотря на отдельные позитивные моменты в торговле и газонефтяной сфере. Германия в лице собственного политического истеблишмента и значительной части проатлантически настроенной бизнес – элиты поддержала не только американские санкции против России, но и так называемый «евромайдан» в Киеве. В результате отброшенными в прошлое оказались «наследие Бисмарка», традиции Раппало, «новая восточная политика» ФРГ, стабильные и эффективные взаимоотношения двух стран как партнеров во времена Г. Коля, М. Горбачева и Б. Ельцина. Отношения Германия-Россия в третий канцлерский срок А. Меркель и третий президентский срок В. В. Путина резко ухудшились, что больно ударило по взаимной торговле, гуманитарным обменам и дипломатическим контактам.

На первое место в современных российско-германских отношениях вышли негативные факторы, или факторы (риски) отторжения. В их числе:

1. Негативное и недоверчивое восприятие Германией и немцами России и русских вместе с «комплексом вины» за прошлое и «отравленным сознанием» по итогам двух мировых войн в XX веке. В свою очередь, недоверие и даже враждебность русских к немцам и Германии по-прежнему подпитывается тяжелым наследием нацистских преступлений на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Переоценка исторического прошлого, в том числе событий Великой Русской революции 1917 г. (в их числе знаменитый «пломбированный вагон» русских революционеров в апреле 1917 г. и фактор немецких денег в Российской революции 1917 г.), усилили духовный негатив между двумя народами, обострили дискуссии в очередной раз по проблемным моментам в истории российско-германских отношений между историками и академическими научными центрами Германии и России. Знаменитые петербургские встречи и саммиты двух стран ушли в прошлое.

2. На фоне украинских событий 2014–2018 гг. в российско-германских отношениях снова активно стали муслироваться «ГДР-овская тематика», «польский фактор» и так называемая «проблема Кёнигсберга – Калининграда».

3. После 2014 г. основой геополитики и внешней полдтики ФРГ стал так называемый «твердый атлантизм» с акцентом на открытую демонстрацию в конкретных действиях Берлина союзнической верности США против России. Примеров огромное количество.

4. Берлин сегодня, играя первую скрипку в Евросоюзе, фактически мобилизовал ЕС против Москвы. Антироссийские санкции ЕС против России не остановлены и Германия, несмотря на огромные экономические потери и издержки для неё, продолжает играть в этом деле «первую скрипку». В ноябре 2017 г. депутат партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) Маркус Фронмайер заявил, что из-за антироссийских санкций страна лишилась 42 тыс. рабочих мест. За 2014–2017 гг. ЕС потерял от санкций против России 90 млрд. евро, Россия – 75 млрд. евро, вместе 165 млрд. евро. По словам руководителя Восточного комитета германской экономики Вольфганга Бюхеле и по оценкам германского Института мировой экономики на Германию приходится 40% всех торговых потерь западных стран из-за введения антироссийских санкций. Немецкий экспорт оказался в среднем ниже на 618 млн. евро в месяц, чем до введения санкций. С января 2015 г. по декабрь 2016 г. экспорт немецких товаров в Россию снизился на 41% [1, с. 3].

5. Негатив по линии «личностного фактора» «В. Путин – Й. Гаук» совсем недавно, и по линии «В. Путин – А. Меркель» сегодня. Ситуацию, как может, старается смягчить федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер, но этого явно недостаточно. Духа доверия между политической элитой России и Германии сегодня нет.

6. Подспудно, как медленно тлеющая головешка, современные российско-германские отношения осложняет и проводимая ныне Берлином так называемая «реальная политика» («Realpolitik») в отношении Москвы, бывших республик СССР и государств СНГ. Через механизмы «Восточного партнёрства» и НАТО, ЕС и двухсторонних связей правящая германская проамериканская политическая элита во главе с «канцлерин Меркель» активно пытается блокировать любые инициативы Москвы на постсоветском пространстве, поддерживая сепаратистские тенденции и элиты по всему периметру границ Российской Федерации. Республика Беларусь в этом плане не исключение.

Хотелось бы обратить в этой связи внимание на то, что в случае «ухода» или «увода» Беларуси на Запад на востоке Европы может возникнуть совершенно новая геополитическая ситуация и обстановка. ЕС, НАТО, а значит и США, ещё ближе продвинутся к границам России, точнее напрямую. Вряд ли это понравится Москве и В. В. Путину. Россия правильно воспримет это как прямую, в том числе военную, угрозу и, конечно же, предпримет ряд эффективных мер, в том числе военных, чтобы обезопасить себя и свои границы. Кроме того, Москва прекрасно помнит БНФ-овскую идею «Черноморско-Балтийского союза» государств (ЧБС) от Балтики до Черного моря, антироссийскую и проамериканскую по своей сути и направленности. Германия, хотя и не афиширует, крайне заинтересована именно в таком развитии событий сегодня, в реализации «ЧБС – проекта» против Москвы и В.В. Путина любой ценой. Единственно, что Россия этого не допустит, а, может быть, и согласится. Да, именно так!

Ведь «ЧБС-проект» – это американское детище, вложенное в своё время Вашингтоном в уста З. Поздняка и БНФ. «ЧБС – проект» в случае успеха, но лучше не надо, разделит геополитически (и не только!) Германию и Россию окончательно и тем самым подведёт Москву и Германию неизбежно в перспективе к возрождению «наследия Бисмарка». А там и до второго пришествия «духа Рапалло» недалеко будет.

Но лучше не надо, издержки могут оказаться и будут весьма большими. Украина это в наши дни подтверждает кровавой гражданской войной, ползучей утерей собственной государственности, разрушением экономики и падением жизненного уровня украинского населения.

В своё время мы слишком доверились Берлину, да и Западу в целом, и, как следствие забытые уроки истории, в том числе предостережения в отношении Германии и немцев со стороны известных политиков и дипломатов. В их числе – видный советский и российский дипломат, учёный-германист Юлий Александрович Квицинский, который в своей книге «Россия – Германия. Воспоминания о будущем» (2008) акцентировал наше внимание на следующее:

«1. Германия всегда стремилась занять доминирующие позиции в Европе и играть свою самостоятельную роль в международных делах. Для этого она неустанно создавала и продолжает создавать всевозможные союзы и выстраивает международные комбинации, действуя при этом решительно и быстро, постоянно меняя партнеров. Эта линия не прекратилась и после второй мировой войны. Она по-прежнему живет, с той только разницей, что сейчас ее умело рядят в одежды коллективного интереса НАТО, ЕС и прочих международных организаций.

2. Россия, Советский Союз, а теперь и Российская Федерация с некоторыми историческими нюансами и отклонениями традиционно склонны видеть в Германии одно из главных, если не самое главное направление своей внешней политики. И в этом есть резон. Вновь и вновь объявляя об этом, мы каждый раз надеемся занять особое место в сердце Германии, рассчитываем на ее признательность, верность и любовь. Но Германия – первый приоритет и для многих других государств, прежде всего, ее соседей. Немцы отлично знают, что могут выбирать среди готовых возлюбить их невест и, бросив одну, тут же заняться другой. Единственное, что серьезно влияет на такое их поведение – это сила и решительность партнера, т.е. опасения быть накаленными за непостоянство и обман.

3. Для Германии предпочтительным партнером со времен Бисмарка была Англия (теперь США). Россия – это второй, менее предпочтительный выбор. Он делается, если не срабатывает первый, и часто только для того, чтобы вновь надавить на англосаксов. При таком подходе Германия обычно чувствует себя хозяином в германо-российских отношениях, ведет себя, как тот жених, который хоть и идет под венец, но с твердым намерением сбежать, как только представится случай и выгода. Надежды на то, что его

удержат от этого шага угрызания совести или чувство признательности, почти никогда не оправдываются, и от них необходимо, наконец, избавляться. С Германией возможны только браки по расчету и на условиях, которые оставляли бы нам достаточную свободу рук и возможности, серьезного воздействия на немецкого партнера.

4. Германия не «абсолютизирует» своих договорных обязательств. Она с легкостью отказывается от них или саботирует их выполнение, если это представляется выгодным и если она может ожидать, что другая сторона не сумеет настоять на их выполнении. Чрезмерная вера в букву и дух договоров с немцами, особенно в случае серьезного изменения обстоятельств, приведших к их заключению, наивна, опасна и уже не раз ставила нашу страну в сложное положение.

5. Учувя слабое место в позиции противника или партнера, Германия тут же бросает все силы и возможности на то, чтобы расширить брешь, действуя при этом расчетливо, напористо и бесцеремонно. Однако она при этом зачастую теряет чувство реальности и меры. Остановить этот натиск с помощью обычных политических и дипломатических средств, как правило, не получается, требуются другие, более чувствительные меры воздействия. Чем раньше и решительнее они применяются, тем меньшими бывают издержки таких кризисов и недоразумений в отношениях обеих стран.

6. Считается, что резкие повороты в отношениях Германии с Россией, как правило, совершают правые консервативные и националистические силы. Социал-демократы же и либералы к таким поворотам способны в меньшей степени, склонны к половинчатости и нерешительности. Взгляд, будто только правые знамениты своей готовностью договариваться с Россией, является, однако, не совсем оправданным. Не надо забывать, что они были и закоперщиками двух войн с нами, и архитекторами перехода Германии на роль младшего партнера англосаксов во враждебных союзах против России после второй мировой войны. Однако, по-прежнему справедливо, что в критических, острых ситуациях, требующих совместных действий, с правыми взаимодействовать легче, чем с другими политическими силами в Германии. Только надо всегда держать ухо востро.

7. Учитывая не раз проявлявшуюся в истории непредсказуемость в поведении Германии, ее «своеобразное» отношение к договорам и союзам, склонность к переоценке собственных сил и недооценке сил других, а также спонтанность принимаемых решений, не следует особо полагаться на личную дружбу, доверительные контакты и всякие специальные каналы связи с германским руководством. Немцы, как правило, охотно идут на все это, используя открывающиеся перед ними возможности не только для согласования каких-то совместных шагов и позиций, но, гораздо чаще, для проталкивания своих интересов в обход мешающих им инстанций и специалистов, дезинформации и обмана другой стороны относительно своих истинных планов и намерений. В делах с Германией всегда важно отслеживать и анализиро-

вать весь комплекс происходящего в этой стране, докапываться до смысла ее намерений, судить не по словам, а по практическим действиям. Деятельности дипломатии и разведки на германском направлении с учетом уроков прошлого всегда должно уделяться первостепенное внимание.

8. Надежды на превращение Германии в некий самостоятельный силовой полюс в мировой политике (в той или иной комбинации с другими странами ЕС) в настоящий момент скорее преждевременны. Поглощенная поеданием останков Российской Империи (СССР), она не желает отвлекаться и упускать свою часть добычи. Обострение же противоречий с США и, возможно, другими странами НАТО из-за чрезмерного сближения с Россией было бы чревато для немцев серьезными издержками и, кроме того, не диктуется пока жесткой необходимостью. Пока намного выгоднее и доходнее продвигаться на Восток в общей толпе западных крестоносцев.

9. Понимая опасность усиления Германии и встревожившись первыми признаками расхождений между США и Европой, западные союзники ФРГ по своей старой привычке пытаются канализировать возрастающую мощь немцев, направляя их на Восток и Юго-Восток Европы. По сути дела, единство западного союза оплачивается за счет совместного оттеснения России на Восток и раскрытия ее природных кладовых для освоения и эксплуатации Западом. Пока эта линия будет оставаться успешной, слишком надеяться на дифференциацию между Германией и ее нынешними союзниками – между Европой и США не приходится.

10. Цели восточной политики Германии получили свое наиболее полное и циничное отражение в 1918 году в Брестском договоре и «Дополнительном договоре» к нему, а затем в 1941 году в «плане Барбаросса» и «Генеральном плане Ост». После коллапса Советского Союза объединившейся Германии удалось реализовать эти цели в объеме Брестского договора (или даже несколько большем объеме) с позиций младшего партнера США, не прибегая на сей раз к войне и применению силы. Ее генеральная линия в отношении России состоит в том, чтобы при поддержке США и других западных союзников закрепиться на новых позициях, зацементировать и сделать необратимыми произошедшие перемены.

11. Важнейшим фактором, облегчающим Германии решение этих задач, является приход в России к власти сил, которые отказываются от борьбы за восстановление позиций Российской Империи и Советского Союза как великих держав, смирились с крушением и расчленением нашего народа и тысячелетнего государства, и, по существу, проводят политику содействия закреплению этих невыгодных и унижительных для России сдвигов. Германия вместе со своими союзниками заинтересована в поддержке этих сил и как государство, традиционно ориентирующееся на экспансию в восточном направлении и укрепление своего потенциала и мощи за счет наших ресурсов, придает особое значение развитию дружественных связей именно с нынешним новым руководством России и его поддержке.

12. Подобное положение, однако, носит временный и неустойчивый характер. Прошедшие горькую школу Версаля и Потсдама, немцы не могут в глубине души не сознавать этого. Однако они, скорее всего, окажут сопротивление неизбежным со временем переменам. Германия может явиться существенным тормозом выходу России из нынешнего «послебрестского» периода ее истории, с чем необходимо считаться при выстраивании отношений с ней.

13. Восточная политика Германии, а в более широком смысле, и ее внешняя политика в целом, всегда были функцией мощи или немощи России. К сильной России Германия приспосабливалась и иногда действовала с ней заодно, на слабую Россию она нападала и грабила ее. Нет никаких оснований полагать, что в будущем это будет иначе. Поэтому решение вопросов наших отношений с Германией лежит, прежде всего, на путях решения наших внутренних проблем. Если встанем с колен, то будет один рисунок игры, не встанем – будет другой и отнюдь для нас не радостный.

14. Разборки с Германией и борьба за Германию будут и дальше оставаться одним из важнейших направлений российской внешней политики. Германия в силу объективных причин будет для нас желательным партнером, но, в то же время, и постоянной латентной угрозой для наших интересов. Смысл российской политики в отношении, Германии, по большому счету, должен состоять в том, чтобы иметь такую Германию, которая была бы достаточно сильной, чтобы создавать противовес другим державам Запада, и достаточно слабой, чтобы не представлять прямой угрозы России и зависеть в достижении своих целей от России и её поддержки» [2, с. 180–185].

Неадекватное восприятие Германией России, в принципе, было всегда. Оно находилось то в скрытом, латентном состоянии, то агрессивно выплёскивалось наружу. И тогда обе страны, немцы и русские, воевали, причём русские трижды приходили в Берлин победителями – в октябре 1760 г., в марте 1813 г. и мае 1945 г. Немцы проигрывали в войнах именно из-за неадекватного восприятия Германией России, из-за недооценки германских политиков и военных, и также части бизнес-элиты Германии мощи и возможностей России, самого духа патриотизма и жертвенности во имя Отечества, которые в прямом смысле слова в крови у русских и в основе системообразующих факторов русской (евразийской) цивилизации.

Источники и литература:

1. «Германия потеряла из-за санкций более 42 тысяч рабочих мест» // Известия. – 2017. – 24 ноября. – № 222. – С. 3.
2. Квицинский, Ю. А. Россия и Германия. Воспоминания о будущем / Ю. А. Квицинский. – М. : Детектив-Пресс, 2008. – 192 с.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: КИТАЙ И СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

К.А. Лапчук (Минск)

Инициатива «Один пояс, один путь» – это амбициозный проект в области международного сотрудничества, предложенный Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Он призван объединить усилия 65 стран, в которых проживает около 4,4 млрд человек, что составляет 60% населения мира [4, с. 1].

Одним из приоритетных направлений проекта является сотрудничество Китая с регионом Ближнего Востока. Китайские инвестиции способствуют установлению стабильности в данном регионе, а китайские товары становятся хорошей альтернативой западной продукции [5, с. 1–6].

Для Китая значимость прочных отношений с регионом Ближнего Востока, в частности странами Персидского залива, определяет вопрос энергоресурсов. Более половины мировых запасов нефти приходится на регион Ближнего Востока, а КНР на сегодняшний день является одним из крупнейших покупателей нефти, около 80% энергоресурсов для Китая импортируется из стран Ближнего Востока. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» КНР были подписаны соглашения о сотрудничестве со странами-членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в области энергоресурсов, торгово-инвестиционного партнерства, высокотехнологичных производств и возобновляемых источников энергии. В конце 2017 г. нефтяные корпорации КНР PetroChina и Sinopec предложили выкупить 5% акций саудовской компании Saudi Aramco – крупнейшего в мире нефтяного экспортера [3]. Также Китай участвует в разработке иранского нефтяного месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе. Доля КНР в разработке составляет 30%, что эквивалентно 4,8 млрд долл. США. Таким образом, Китай стремится обезопасить себя и гарантировать бесперебойные поставки нефти, в той или иной мере способствуя установлению стабильности в сложном регионе Ближнего Востока.

КНР второй крупнейший торговый партнер Объединенных Арабских Эмиратов. Через ОАЭ проходит около 60% процентов экспорта Китая на региональные рынки. В рамках соглашения о сотрудничестве с руководством китайской провинции Цзянсу, расположенной на берегу Желтого моря, компания Abu Dhabi Ports (ADPC) подписала соглашение с Jiangsu Provincial Overseas Cooperation and Investment Co Ltd (JOCIC) для реализации совместных проектов в свободной экономической зоне Халифа Порт (Khalifa Port Free Trade Zone – KPFTZ). Также в 2016 г. компания подписала соглашение с крупнейшим в мире контейнерным перевозчиком China Ocean Shipping Company (COSCO), таким образом Халифа Порт станет одним из важнейших логистических и торговых узлов в рамках проекта

«Один пояс, один путь» [2, с. 72–73]. В конце 2017 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между промзоной Халифа (Khalifa Industrial Zone Abu Dhabi – KIZAD) и Банком Китая (Bank of China Ltd) в Абу-Даби. Согласно меморандуму Банк Китая (Bank of China Ltd) в Абу-Даби будет предоставлять услуги по кредитованию и финансированию для местных и иностранных инвесторов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Пять китайских компаний Hanergy Thin Film Power Group, Jiangsu Fantai Mining Development Co Ltd, Xuzhou Jianghe Wood Co Ltd, Jiangsu Jinzi Environmental Technology Co Ltd и Guangzheng Group уже заявили о своих планах инвестировать в промзону Халифа около 330 млн. долларов США. В долгосрочной перспективе Китай и ОАЭ планируют сосредоточиться на торговом партнерстве, сотрудничестве в области высокотехнологичных производств и источников возобновляемой энергии. В рамках обеспечения своей энергетической безопасности Китай осознает потребность подготовки к постнефтяной эпохе и уже становится лидером в области возобновляемых источников энергии.

Помимо многочисленных взаимовыгодных перспектив сотрудничество с регионом Ближнего Востока несет в себе множество потенциальных рисков. Политические, экономические и дипломатические риски сопряжены с нестабильным положением на Ближнем Востоке. Волна протестов и демонстраций, связанных с «Арабской весной», привела к смене власти и вооруженным конфликтам в ряде стран региона, что может поставить под угрозу своевременную реализацию проекта «Один пояс, один путь». Руководство КНР в последние десятилетия придерживалось позиции «невмешательства» во внутренние дела стран Ближнего Востока, однако в новых условиях ситуация в регионе может вынудить Китай изменить своей традиционной позиции. Террористическая угроза связана с тем, что с появлением таких организаций и движений как «Аль-Каида», «Талибан» и «Исламское государство» идеология исламизма получила широкое распространение во всем мире. Существует также определенный культурно-религиозный риск. Культурные и религиозные обычаи стран Ближнего Востока откладывают отпечаток на все сферы жизнедеятельности региона, в том числе и на сферу юриспруденции и права, банковскую и финансовую систему [1].

«Один пояс, один путь» включает в себя различные маршруты, в которых определенным китайским провинциям и городам отведены конкретные роли. Так, например, город Гуанчжоу на юге Китая является началом так называемого «Морского шелкового пути», а Ланьчжоу в центральной части страны маршрута из Китая в Центральную Азию. Одним из факторов сотрудничества КНР и стран Ближнего Востока стали китайцы-мусульмане. Это касается, прежде всего, Нинся-Хуэйского автономного района в северо-восточном Китае. Здесь проживает наиболее многочисленная община китайцев-мусульман – второе по численности национальное меньшинство Китая, именуемое хуэйцзу. Хуэйцзу являются потомками мусульман, прибывших в

Китай по «Великому шелковому пути» и осевших здесь. Таким образом, история ислама в Китае насчитывает более 1300 лет. Нинся с ее исламскими корнями имеет прочные связи с Ближним Востоком. В сентябре 2017 г. в административном центре Нинся Иньчуане прошла Китайско-Арабская ЭКСПО-2017, которая является важнейшей платформой сотрудничества Китая и Арабских стран в рамках проекта «Один пояс, один путь». В ЭКСПО приняли участие 47 стран и более 1000 компаний, было заключено более 1000 сделок, стоимостью около 90 млрд долл. США.

В современных условиях для стран Персидского залива и всего региона Ближнего Востока сотрудничество с Китаем имеет стратегическое значение. Странам Ближнего Востока необходимо вписать свои региональные модели развития в рамочную программу «Один пояс, один путь» для успешной реализации проекта.

Источники и литература:

1. Казанин, М. В. Роль государств Ближнего Востока в стратегическом плане КНР «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] / М. В. Казанин // Институт Ближнего Востока. – 2016. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=28980>. – Дата доступа: 19.03.2018.
2. Комиссина, И. Н. Морской Шелковый путь XXI в. – глобальный геополитический проект Китая / И.Н. Комиссина // Проблемы национальной стратегии. РИСИ. – 2017. – № 1 (40) – С. 60–81.
3. РБК Бизнес. Китай предложил Саудовской Аравии продать ему 5% Saudi Aramco [Электронный ресурс] / РБК Бизнес // – 2017. – 16 окт. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/16/10/2017/59e4be749a794775efcfd517>. – Дата доступа: 19.03.2018.
4. Godement, F. “One Belt, One Road”: China’s Great Leap Outward / F. Godement, A. Kratz. – European Council on Foreign Relations, June 2015. – 18 p.
5. Simpfendorfer, B. The New Silk Road. How a Rising Arab World is turning to China / B. Simpfendorfer. – UK : Palgrave Macmillan, 2009. – 197 p.

КОПТСКИЙ ВОПРОС В ЕГИПЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В.Д. Коломенская (Минск)

Основной составляющей в египетско-американских отношениях является военное сотрудничество и ставка на Египет как важного партнера в арабо-израильском диалоге. США рассматривает Египет как перспективного партнера, который имеет серьезный вес в мусульманском мире. Администрация США видит свои приоритеты в экономической и политической областях и сфере безопасности, что предполагает сотрудничество, прежде всего, с официальными властями, лишь в меньшей степени затрагивая положение религиозных меньшинств. Значительную активность проявляет коптская об-

щина в США, однако ее действия часто не находят отклика у коптов Египта. Официальной позицией коптской церкви в лице патриарха Тавадроса II является, в первую очередь, мирное сосуществование христиан и мусульман в Египте и их совместная борьба с экстремизмом [12].

Основными факторами, определяющими политику США в отношении Египта, являются важное географическое положение, демографический, а значит, в перспективе и военный потенциал Египта, а также его авторитет и значение в арабском мире. Египет контролирует Суэцкий канал, что обеспечивает наряду с функционированием военного флота США в Средиземном море и Индийском океане около 8% мировых морских перевозок [7].

Египет обладает обширным культурным исламским потенциалом: в Каире находится штаб-квартира Лиги арабских государств, Каирский исламский университет Аль-Азхар. Население страны в 2017 г. составило 94,6 млн человек, таким образом, Египет может обладать потенциально одной из самых многочисленных армий в арабском мире [11]. В то же время, заключенный в 1979 г. сепаратный мирный договор Египта с Израилем стал не только значимым американским дипломатическим достижением, но и вовлек Египет в союз в США.

Данный союз стал возможен благодаря ежегодной американской военной и экономической помощи в адрес Египта. В период с 1946 по 2016 гг. США предоставили Египту внешней помощи на сумму в 77,4 млрд. дол., что включает в себя и военную помощь. Экономическая помощь США составляла около двух третьих расходного бюджета Египта [7].

Американская военная помощь Египту расходовалась на финансирование закупок американских систем вооружения и оплату услуг военных contractors США. Впервые она была предоставлена в размере 1,5 млн дол. в 1979 г. – в год заключения Кэмп-Дэвидских соглашений Египта с Израилем. К 1981 г. размер военной помощи достиг 550 млн дол., а в 1982 г. – 900 млн дол., с 1983 г. и до настоящего времени ежегодная американская военная помощь Египту составляет 1,365 млрд. дол. С 1979 по 2013 гг. американцами было оказано военной помощи Египту на сумму в 41,8 млрд дол. Важно отметить, что доля военной помощи в общем балансе помощи США Египту превалирует над экономической [7].

На данный момент американская экономическая помощь не регулируется двусторонними соглашениями об общих уровнях экономической помощи. Она разделена на две составляющие: программы в секторах экономического развития, здравоохранения, демократии, политической конкуренции и управления, образования и программы поддержки среднего и малого бизнеса [11].

Таким образом, можно отметить, что основным мотивом египетско-американских отношений является военное сотрудничество и экономическая помощь. Данные мотивы не включают в себя интересы религиозного меньшинства Египта – коптов. В то же время, из-за тяжелой экономиче-

ской ситуации, череды волнений и периодических вспышек насилия по отношению к христианам, происходит ослабление коптской общины в Египте и ее сокращение из-за эмиграции коптов в Европу, Канаду, Австралию, страны Латинской Америки и главным образом – в США, где возрастает активность местной коптской общины.

Крайне активно действует коптское лобби в конгрессе США: ими используется любой инцидент в попытке заставить конгрессменов проявить жесткую позицию и оказать давление на правительство Египта. Так, с целью борьбы с религиозной дискриминацией в 2010 г. американский конгресс проголосовал за приостановку помощи США Египту до тех пор, пока там не откажутся от преследования христианского меньшинства. Египетский президент Хосни Мубарак каждый свой визит в США неизменно слышал критику касательно положения коптов. Правительство Египта было вынуждено идти на уступки с целью устранения межконфессиональных трений. Так, в 2003 г. правительство провозгласило Рождество Христово официальным праздником Египта, а с 2004 г. разрешило трансляцию рождественских богослужений по телевидению. Реакция на принятые меры была неоднозначной: если коптское лобби в конгрессе США восприняли их как серьезные шаги, то копты самого Египта не считали эти мелкие уступки весомыми шагами на пути создания общества гражданского согласия [6, с. 156].

В начале 2000-х гг. коптская организация в США «За права человека и демократию» неоднократно обращалась к египетскому правительству с целью проведения демократических реформ. Представители коптской общины в США также требовали от египетского правительства осуществления мер, нацеленных на улучшение положения религиозных меньшинств. В частности, обращались с требованием отделения религии от государства, установления равных прав перед законом всех египтян вне зависимости от религиозной принадлежности, реформирования школы, снижения роли религии в правительственных институтах, пропорционального представительства разных конфессиональных групп населения в органах власти, недопущения оскорблений мусульманами христиан в теле- и радиоэфире [6, с. 157].

Администрация США, преследуя цель осуществления влияния на внутрисполитическую жизнь Египта, поддерживает коптов Америки в их действиях, направленных против преследования своих единоверцев в Египте. В 1998 г. Египту был предложен законопроект по борьбе с религиозными преследованиями. Однако египетские копты не поддержали этот проект, опасаясь, что под видом борьбы с религиозным преследованием будет осуществляться вмешательство государства во внутренние дела религиозных общин [3].

Лоббирование коптского вопроса в США и навязывание правительству Египта соответствующих законопроектов ведет к нарастанию напряженности в самом Египте между правительством и коптами, мусульманами и коптами.

Предыдущий коптский патриарх Шенуда III неоднократно выступал с осуждением тех коптов США, кто своими заявлениями о притеснениях христиан Египта угрожает межконфессиональному миру в стране. Однако зарубежные копты утверждают, что их борьба направлена против дискриминации их единоверцев, а не против ислама и мусульман [10, с. 171].

В своих интервью новый коптский патриарх Тавадрос II не раз подчеркивал: христиане и мусульмане его древней страны способны жить в мире и взаимном уважении. В сентябре 2017 г. стало известно, что коптская православная церковь во главе с ее патриархом Тавадросом II отказала в приеме вице-президенту США Майклу Пенсу в ходе его визита в Каир в конце декабря 2017 г. В специальном заявлении секретариата патриархии причиной отказа было названо «неподходящее по времени решение администрации США относительно Иерусалима, которое не принимает во внимание чувства миллионов человек, представляющих арабские народы» [1].

Таким образом, коптская община США проявляет значительную политическую активность, живо интересуясь проблемами египетских коптов. Стоит отметить, что по сравнению с египетскими собратьями копты-эмигранты, во-первых, имеют большую свободу для выражения протеста, во-вторых, исходят из своего опыта общения с западной культурой и ценностями, которые могут быть в ряде аспектов довольно сильно отличными от принятых в египетском обществе. Вследствие этого многие египетские копты не разделяют взглядов коптов-эмигрантов (или, по крайней мере, не выражают согласия с ними вслух). Официальная церковь также не поддерживает протест коптов-эмигрантов против притеснения египетских христиан, очевидно, опасаясь испортить отношения с государственной властью [2, с. 93].

Более того, отношения президента Абдул-Фаттаха Ас-Сиси и патриарха Тавадроса II основываются на принципах сотрудничества и взаимопонимания (традиция, прерванная лишь во время правления «Братьев-мусульман») [10, с. 175]. Так, Ас-Сиси пообещал христианам, что восстановление всех храмов будет произведено за счет государства. Очевидно, что одним из приоритетов Ас-Сиси является внутренняя безопасность страны, одной из основ которой выступает и межрелигиозный диалог между мусульманским большинством и коптами [9].

Можно констатировать, что официальная позиция США заключается в осуждении дискриминации коптов. Однако истинное отношение к коптскому вопросу находит отражение через замалчивание коптского вопроса во время встреч на высшем уровне (например, визит Кондолизы Райс в Египет 2005 г.) [6, с. 158]. До настоящего времени правительство США не выдвигало конкретных требований египетскому правительству по коптскому вопросу.

Более того, важно отметить, что египетские копты являются самой многочисленной христианской общиной арабского мира, их численность по разным оценкам достигает 14 млн человек, в то время как христиане остальных стран Ближнего Востока составляют всего около двух миллионов

человек [3]. Таким образом, 90% христиан Ближнего Востока – египтяне. Это объясняет тот факт, что они все больше становятся приоритетной целью Исламского государства. Одной из стратегий их ликвидации, очевидно, является запугивание терактами, что может втянуть их в эскалацию насилия, в результате которой христиане в любом случае будут проигравшими [4]. По этой причине египетские копты заслуживают отдельного внимания во внешней политике не только США, но и других мировых лидеров.

Источники и литература:

1. Египетская коптская православная церковь отказала в приеме вице-президенту США [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/4798941>. – Дата доступа: 15.01.2018.
2. Зинькина, Ю.В. Коптская община: современность и перспективы / Ю.В. Зинькина. – М. : Институт Ближнего Востока, 2010. – 120 с.
3. Капицин, И. А. О преследованиях христиан в мире в наши дни [Электронный ресурс] / И. А. Капицин // Православие.ru. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/68313.html>. – Дата доступа: 15.01.2018.
4. Почему египетские копты – приоритетная цель исламистов [Электронный ресурс] // Иносми.ру. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170412/239115836.html>. – Дата доступа: 25.03.2018.
5. Рагхаван, С. После арабской весны в Египте растут масштабы гонений на христиан [Электронный ресурс] / С. Рагхаван // Иносми.ру. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20161114/238200023.html>. – Дата доступа: 15.01.2018.
6. Социальная роль восточных христианских диаспор на Западе / Е. А. Кривец // Ярославский педагогический вестник – 2011. – № 4. – С. 155–159.
7. США – Египет: печальные итоги десятилетий подчинения [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2017/04/14/ssha-egipet-pechalnye-itogi-desyatiletiiy-podchineniya>. – Дата доступа: 25.03.2018.
8. Besenyo, C. J. Arab Spring, Christian Fall? – The situation of Christian minorities in the Middle East after the Arab Spring / C. J. Besenyo. – University of Szeged, 2013. – 20 p.
9. Christians in Egypt: Strategies and Survival [Electronic resource] // Middle East Institute. – Mode of access: <http://www.mei.edu/events/christians-egypt-strategies-and-survival>. – Date of access: 10.03.2018.
10. Monier, E. The Arab Spring and Coptic-Muslim Relations: From Mubarak to the Muslim Brotherhood / E. Monier // European Yearbook of Minority Issues. – Boston, 2012. – P. 168–186.
11. Setting the Terms for U.S.-Egypt Relations Christians in Egypt: Strategies and Survival [Electronic resource] // Center for American Progress. – Mode of access: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2017/02/21/426654/setting-the-terms-for-u-s-egypt-relations/>. – Date of access: 11.03.2018.
12. US Congress, Coptic churches and the future American-Egyptian relations [Electronic resource] // Al Arabiya. – Mode of access: <http://english.alarabiya.net/en/perspective/features/2017/01/04/US-Congress-Coptic-churches-and-the-future-American-Egyptian-relations.html>. – Date of access: 28.03.2018.

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ (1999–2018 гг.)¹

А.П. Косов (Витебск)

8 декабря 1999 г. А.Г. Лукашенко и Б.Н. Ельциным был подписан Договор о создании Союзного государства Беларуси и России. Это стало очередным шагом на пути сближения двух стран. Данный интеграционный формат появился в довольно сложной для Минска и Москвы геополитической обстановке конца XX в. Ниже попытаемся рассмотреть международные условия, оказавшие воздействие на белорусское и российское руководство в процессе создания Союзного государства (СГ).

В конце 1990-х гг. Россия и Беларусь оказались в непростой геополитической ситуации. В 1999 г. в НАТО вступили Польша, Чехия, Венгрия, а еще девять государств ЦВЕ – Албания, Болгария, Латвия, Литва, Македония, Румыния, Словакия и Эстония – являлись официальными кандидатами на членство в Североатлантическом альянсе. В результате Беларусь оказалась на переднем крае потенциального противостояния между значительно ослабленной тогда РФ и претендующим на мировое доминирование Западом. При этом у самого Минска уже несколько лет были довольно натянутые отношения с США и ЕС. Вашингтон и Брюссель обвинили белорусские власти в несоблюдении прав человека и отсутствии демократии в стране. В свою очередь, Москва подвергалась западному давлению за события на Северном Кавказе. На этом фоне дальнейшее белорусско-российское сближение полностью отвечало интересам национальной безопасности двух стран. Поэтому согласно Договору о создании Союзного государства, предусматривалось осуществление единой политики в области обороны и военного строительства [9]. Кроме того, существенное влияние на решение о координации двусторонних усилий в оборонительной сфере оказали действия НАТО в Югославии. К тому же, как в Москве, так и в Минске понимали, что Запад не собирается уходить с постсоветского пространства [8, с. 112]. Это послужило определенным импульсом для создания регионального противовеса Североатлантическому альянсу. Так, А. Г. Лукашенко назвал действия НАТО в отношении СРЮ «неприкрытым актом агрессии» [20]. Неудивительно, что выступая в Минске перед парламентариями 21 декабря 1999 г., белорусский лидер заявил, что «Союз Беларуси и России станет реальным противовесом однополюсному агрессивному трансатлантическому монополизму...» [1, с. 204]. Правда,

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов).

известный отечественный международник В. Е. Снапковский считает, что не стоит слишком жестко увязывать белорусско-российскую интеграцию и процесс расширения НАТО на восток, хотя связь между двумя этими процессами, несомненно, существует [22, с. 48].

Рассматривая процесс создания Союзного государства, следует отметить, что его геополитическая составляющая представляла наибольший интерес именно для России. Беларусь, находившаяся в натянутых отношениях с Западом, откуда время от времени звучали угрозы в адрес белорусских властей, безусловно, нуждалась в российском покровительстве. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. республика существенно зависела от дипломатической поддержки Москвы на международной арене [26, р. 137]. Однако в интеграционном объединении делала ставку, прежде всего, на получение преференций в торгово-экономической и энергетической сферах. Для РФ сближение с Беларусью чрезвычайно важно именно с геополитической точки зрения. Так, если в 1991 г. западная граница находилась на расстоянии 2000 км от Москвы, то после распада СССР – уже в 300 км от российской столицы [5, с. 90]. Исходя из этого, военный союз с Беларусью однозначно усиливал позиции Российской Федерации в Европе, и предотвращал создание сплошного пояса геополитической изоляции России, т.е. создавал буферную зону между ней и Западом [14, с. 203]. К тому же, белорусская территория – это кратчайший путь для транзита на Запад российских энергоносителей и товаров. Поэтому, согласимся, что Беларусь значительно усиливает геополитическое положение России, обеспечивая ей прямой доступ к границам европейских государств [7, с. 43]. Кроме того, как отмечал немецкий эксперт Х. Тиммерманн, с помощью Минска Москва рассчитывала укрепиться в качестве гравитационного центра постсоветского пространства. Потеря же Беларуси политически и эмоционально воспринималась бы в России как тяжелое поражение. «И наоборот, тесно связанная с Россией Белоруссия рассматривается в Кремле как ценнейший союзник» [23, с. 100]. Как подчеркивала известный российский ученый и политик Н. А. Нарочницкая, «...на самом деле Союз нужен больше России, чем Белоруссии. Белоруссия – недостающий элемент мозаики, который Запад выкладывает от Прибалтики до Черного моря» [19]. По словам российского посла в Минске А. А. Сурикова: «Запад пока не в состоянии “оторвать” Беларусь от России». Это свидетельствует о понимании Москвой истинных геополитических и геостратегических намерений коллективного Запада [12, с. 43].

Однако с начала XXI в. Москва стала последовательно менять цель интеграции с Беларусью, пытаясь придать республике значение лимитрофа, поэтому создавала ей образ счастливой страны благодаря союзу с Россией и одновременно использовала ее как стратегического партнера [25, с. 6]. Действительно, перевод в 2000-е гг. белорусско-российского сотрудничества на прагматические основы взаимодействия привел к существенному торможению построения Союзного государства. В это время между

Минском и Москвой начались торговые и энергетические кризисы. В двусторонних отношениях сложилась нехарактерная для строящих СГ ситуация. На интенсивность интеграционных процессов в рамках Союзного государства доминирующее влияние оказывают политические мотивы (в России – влияние разных политических элит, базирующихся на прагматическом эгоизме; в Беларуси – стремление сохранить в полном объеме суверенитет и независимость страны). Все это явно не способствует укреплению геополитической мощи, как Беларуси, так и России. Кроме того, вполне реальна коррекция белорусским руководством «многовекторности», если Кремль по-прежнему будет культивировать прагматическо-олигархический подход в отношении Беларуси [7, с. 44].

Как известно, данной ситуацией попытался воспользоваться Запад. Именно по этой причине Беларусь, не отвечающая западным стандартам демократии, была включена в программу «Восточное партнерство». Находясь между двумя геополитическими центрами, наша страна выступает для них в двух качествах: «соединяющего моста» и «разъединяющего буфера» [3, с. 132]. Именно поэтому Минск с большой заинтересованностью отнесся к «Восточному партнерству» [3, с. 148].

Однако участие Беларуси в данном проекте оказалось неполноценным из-за позиции Запада относительно внутривнутриполитического развития страны. Продолжавшееся давление США и ЕС на официальный Минск, усилившееся после проведения президентских выборов в декабре 2010 г., (ограничение контактов, санкции против официальных лиц, журналистов и частного бизнеса и т.д.) способствовало поддержке белорусским руководством предложенной Россией широкоформатной евразийской интеграции, свидетельством чему стала статья А. Г. Лукашенко в газете «Известия» [16]. Согласно главе белорусского государства, торможение процесса завершения создания Союзного государства вызывает к жизни новые интеграционные форматы [15]. В любом случае, евразийские интеграционные проекты оказались более предпочтительны для Беларуси, нежели участие республики в «Восточном партнерстве». Уже в 2013 г. Минск, убедившись в отсутствии принципиальных изменений в отношениях с ЕС, свел свое участие в проекте до символического уровня [24, с. 28]. Следует понимать, что белорусские власти никогда не рассматривали свои отношения с ЕС в качестве альтернативы отношениям с Российской Федерацией [18].

После начала в 2013 г. украинского кризиса и избрания Россией жесткой линии поведения в отношении Запада усилились разговоры, как внутри Беларуси, так и за ее пределами, о потенциальной для страны российской угрозе. Возможную «оккупацию» страны войсками РФ многие западные комментаторы и некоторые представители прозападных политических сил Беларуси пытались привязать к запланированным на осень 2017 г. учения «Запад-2017». Так, З. Пазыняк заявил, что военные учения «Запад-2017» нужно рассматривать «как грубое нарушение суверенитета Беларуси

и начало гибридной оккупации нашей страны». По его мнению, «имперская политика России проводится независимо от того, кто там находится у власти. Эта политика России не изменится ни при какой власти, ни при какой идеологии» [11]. Телеканал «Белсат», цитируя представителя Консервативно-христианской партии Белорусского нацфронта А. Чахольского, также назвал российских военнослужащих потенциальными оккупантами. В его эфире говорилось о том, что Россия перебросит в Беларусь больше, нежели обговаривалось сторонами, войск, которые в дальнейшем будут использованы для «агрессии в отношении Прибалтики» [2]. Директора минского Центра стратегических и внешнеполитических исследований А. В. Сивицкого на мысль об исходящей от РФ потенциальной опасности для Беларуси навел факт размещения двух дивизий в Клинцах и Ельне. А еще большую тревогу у эксперта вызвал тот факт, что с белорусским руководством в этом вопросе Москва не советовалась. Беспокоят А. В. Сивицкого и сценарии, которые разрабатываются в российском Генштабе относительно Беларуси. Подобные взгляды свидетельствуют якобы об имеющемся у России силовом варианте удержания Беларуси в сфере своего влияния. Так, отечественный политолог В. И. Карбалевич уверен, что Москва не допустит «потери» зависимой от нее Беларуси. Согласно ему, если Минск начнет выход из интеграционных структур с Россией (ОДКБ, ЕАЭС), Кремль задействует силовой вариант как в случае с Украиной, когда Киев поставил на повестку дня соглашение об ассоциации с Евросоюзом [4]. Однако, на наш взгляд, правы те эксперты, которые призывают не преувеличивать имеющиеся проблемы в белорусско-российских отношениях. Так, профессор БГУ В. Е. Снапковский справедливо говорил о том, что утверждение об отдалении Беларуси в последние годы от России в связи с чем между двумя странами возможен конфликт является надуманным и недоказанным [4].

Следует отметить, что, несмотря на имевшую место быть летом-осенью 2017 г. западную истерию вокруг проведения российско-белорусских учений «Запад-2017», количество учений НАТО в Польше и странах Прибалтики с 2009 г. возросло более чем вдвое, а численность натовских войск – более чем в три раза. Так, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь О. А. Белоконев обратил внимание, что в странах Балтии и Польше созданы передовые командные центры НАТО. По его словам, общая численность иностранных воинских контингентов в Польше и прибалтийских странах составило около 8 тыс. человек, 72 танка, около 250 боевых бронированных машин, 16 гаубиц и 17 вертолетов [17]. При этом, по заявлению министра обороны Республики Беларусь генерал-лейтенанта А. А. Равкова, данное учение «не является ответом на усиление военной составляющей НАТО у границ наших государств, хотя эти действия и вызывают естественную озабоченность со стороны руководства Союзного государства» [10]. Из всего происходящего,

Н. В. Карпиленя из Института пограничной службы Республики Беларусь пришел к выводу, что Запад сделает все, чтобы не допустить дальнейшего сближения с Россией, «пугая» примерами агрессивной политики РФ в виде «захвата» Крыма, Донбасса и т.д. Как заявляет эксперт, более тесное военное сотрудничество с Москвой (включая присутствие отдельного российского военного контингента на белорусской территории) «позволило бы кардинально повлиять на планы расширения НАТО, поставив в крайне невыгодное военно-стратегическое положение не только прибалтийские государства, но и “взорвавшийся” националистический режим на Украине» [13, с. 27]. Сегодня, по словам Н. В. Карпилени: «Мы становимся свидетелями разыгрывания политического сценария, в качестве приза в котором – медленный отрыв Беларуси от Союзного строительства. Максимально ослабив Беларусь посредством программ «Восточного партнерства», Болонской системы образования, добиваясь от России продолжения “нейтральности” в украинском кризисе, а также прекращения отстаивания ею своих национальных интересов политическими и военными средствами в Сирии, Запад способствует накоплению и обострению внутренних проблем в Беларуси» [12, с. 43].

Сегодня функционирование Союзного государства осуществляется в крайне неблагоприятных для России условиях. В этих обстоятельствах союз с Минском является весьма важным [6, с. 156]. Беларусь содержит сложную и дорогостоящую военно-техническую инфраструктуру, обременительную для небольшого государства, но важную для Российской Федерации – военные аэродромы (в том числе для приема тяжелых бомбардировщиков); радиолокационную станцию (РЛС) под Барановичами; пункт связи с подводными лодками в Вилейке и т.д. [21, с. 34–35].

Таким образом, несмотря на то, что геополитический фактор не был ведущим в процессе создания Союзного государства, именно военно-политическое сотрудничество Минска и Москвы оказалось наиболее успешным в данном интеграционном проекте. Перед лицом внешних вызовов и угроз в трансформирующемся на наших глазах постбиполярном мире Беларусь и Россия, являясь ближайшими союзниками и партнерами, осуществляют тесное взаимодействие в сфере обороны. Существующие потенциальные опасности являются весомым фактором сотрудничества двух стран в рамках Союзного государства.

Источники и литература:

1. Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006 гг. / навук. рэд. М. П. Касцюк. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 215 с.
2. Белорусская оппозиция назвала учения «Запад-2017» российской «гибридной оккупацией» [Электронный ресурс] // Военно-политическое обозрение. – 28.08.2017. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/86081.html>. – Дата доступа: 15.02.2018.
3. Бригадин, П. Беларусь в контексте Европейской политики: между ЕС и Россией / П. Бригадин, Н. Веремеева, Д. Ротман // Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под науч. ред. Е. Коростелевой. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 130–169.

4. Бугай, М. Карбалевиц: Россия никогда не признает нейтралитет Беларуси. Если Беларусь начнет выход из интеграционных структур, Москва применит силу [Электронный ресурс] / М. Бугай // Наша ніва. – 29.06.2016. – Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=172842&lang=ru>. – Дата доступа: 19.03.2018.
5. Бурьян С. В. Военно-политические отношения Российской Федерации и Республики Беларусь (1991–2005 гг.) / С. В. Бурьян; под ред. А. А. Иванова. – Казань : Отечество : КВВКУ, 2010. – 172 с.
6. Гаврилина, Н. Е. Союзное государство и современные геополитические отношения / Н. Е. Гаврилина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2. – С. 155–160.
7. Гайдукевич, Л. Геополитический облик Республики Беларусь: состояние и перспективы / Л. Гайдукевич // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 3. – С. 42–45.
8. Гарнетт, Ш. Перекрестки Европы: Россия, Запад и новые сопредельные государства / Ш. Гарнетт // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 3/4. – С. 84–113.
9. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/>. – Дата обращения: 02.04.2018.
10. Зверев, Ю. Зачем Европу запугивают «Западом-2017»? [Электронный ресурс] / Ю. Зверев // Военно-политическое обозрение. – 31.08.2017. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/86156.html>. – Дата обращения: 21.09.2017.
11. Зенон Пазыняк: учения «Запад-2017» – начало гибридной оккупации Беларуси [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости. – 26.08.2017. – Режим доступа: <http://naviny.by/article/20170826/1503759541-zenon-paznyak-ucheniya-zapad-2017-nachalo-gibridnoy-okkupacii-belarusi>. – Дата обращения: 17.09.2017.
12. Карпиленя, Н. В. О некоторых философско-геополитических выводах и предложениях для формирования многополярного мира: в белорусской проекции / Н. В. Карпиленя // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 3(12). – С. 38–50.
13. Карпиленя, Н. В. Проблемы и противоречия на пути к многополярному миру с позиции цивилизации Суши и Союзного государства / Н. В. Карпиленя // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2016. – № 3(8). – С. 19–27.
14. Косов, А. П. Геополитическая составляющая интеграционной политики Российской Федерации в отношении Республики Беларусь / А. П. Косов // Інтеграцыйныя працэсы ў гісторыі краін усходняй Еўропы : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 19–20 лістапада 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), М. К. Кошалеў і інш. – Мінск, 2008. – С. 197–204.
15. Лукашенко: при активном развитии ЕЭП проект Союзного государства, может быть, и растворится [Электронный ресурс] // Naviny.by. – 18.11.2011. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2011/11/18/ic_news_112_380896. – Дата обращения: 03.09.2016.
16. Лукашенко, А. Г. О судьбах нашей интеграции – статья в газете «Известия» / А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press127193.html#doc>. – Дата обращения: 22.12.2011.
17. Лукашенко и Путин проинспектируют учения «Запад-2017» [Электронный ресурс] // Военно-политическое обозрение. – 01.09.2017. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/86215.html>. – Дата обращения: 21.09.2017.

18. Мельянцов, Д. Беларусь в Восточном партнерстве: Ожидания и реальность [Электронный ресурс] / Д. Мельянцов // BISS. – 19.11.2013. – Режим доступа: <http://belinstitute.eu/ru/node/1556>. – Дата доступа: 14.09.2016.
19. Наталия Нарочницкая: «Россия не может потерять эти территории» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. – 18.04.2006. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2006/04/18/nataliya_narochnickaya_rossiya_ne_mozhet_poteryat_e_ti_territorii/. – Дата доступа: 28.10.2016.
20. «Неприкрытым актом агрессии» назвал президент Белоруссии Александр Лукашенко боевые действия сил НАТО против Югославии [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 25.03.1999. – Режим доступа: http://gazeta.lenta.ru/war/opinions_Printed.htm#i10. – Дата доступа: 02.04.2018.
21. Розанов, А. А. Политика Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности / А. А. Розанов, О. М. Бычковская // Труды факультета международных отношений : науч. сб. Вып. III / редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 33–40.
22. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-расійскія адносіны : зб. навук. артыкулаў / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2009. – 139 с.
23. Тиммерманн, Х. Особый случай Белоруссии / Х. Тиммерманн // Россия в глобальной политике. – 2006. – Март/Апрель. – Т. 4, № 2. – С. 96–105.
24. Тихомиров, А. В. Белорусские внешнеполитические приоритеты в контексте участия в интеграционных процессах: взгляды власти и общества / А. В. Тихомиров // Современные евразийские исследования : Научный журнал / под ред. Ю. Г. Голуба. – Саратов, 2014. – Вып. 1. – С. 24–30.
25. Часноўскі, М. Э. Асаблівасці беларуска-расійскай інтэграцыі ў пачатку XXI ст. / М. Э. Часноўскі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 5–13.
26. Rontoyanni, C. Belarus and the East / C. Rontoyanni // Postcommunist Belarus / edited by S. White, E. Korosteleva, J. Löwenhardt. – New York, London : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – P. 123–141.

ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕС НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.М. Прохоров (Тула)

Современное развитие международных отношений детерминирует ускорение процессов формирования региональных интеграционных объединений. Связано это с тем, что межгосударственная интеграция как процесс сближения в сторону комплексного взаимного сотрудничества способствует нивелированию глобальных рисков для каждого из участников. Более того, в практической плоскости кооперация содействует получению дополнительных возможностей по привлечению новых материальных и нематериальных ресурсов для экономического роста и помогает нахождению общих точек соприкосновения между государствами для решения общих локальных вопросов и проблем в различных областях мировой политики.

За последние десятилетия сложилась многоуровневая система интеграционных образований государств различного рода в отдельных регионах мира. Наиболее представительными и авторитетными международными акторами на европейском континенте и постсоветском пространстве, задающие основные направления интеграции, являются Европейский союз (ЕС) и Россия. Но при этом формирование межгосударственных объединений происходит не в рамках создания единых общеевропейских институтов, а в виде блоковых образований, отношения которых носят альтернативный или конкурентный характер. Между ЕС и Россией разворачивается геополитическая борьба за влияние, ресурсы, региональные транзитные маршруты. Более всего в этот процесс включены Беларусь и Украина, находящиеся в поиске идентичности в системе международных отношений.

Европейский союз рассматривает Беларусь и Украину как государства, переживающие состояние политической и экономической трансформации, и считает, что может внести определяющий вклад в этот процесс. На практике это означает, что трансформация должна осуществляться в соответствии с представлениями ЕС без учета ценностей и интересов партнеров. В результате для стран постсоветского пространства была оформлена интеграционная программа «Восточное партнерство», декларирующая необходимость гармонизации законодательства со стандартами ЕС, демократизацию системы управления, создание зоны свободной торговли и либерализацию визового режима. Но при реализации стало очевидным, что проект нацелен на разрыв культурно-исторических и экономических связей Беларуси и Украины с Россией и вовлечение их путем реализации указанных приоритетных преобразований по развитию демократии в орбиту влияния ЕС.

В последние годы интенсифицировала интеграционную активность и Россия, поддерживая множественность форматов сотрудничества на постсоветском пространстве и предлагая определенные альтернативы евроинтеграции. Идентифицируя на официальном уровне Беларусь, Молдову и Украину как территорию своих привилегированных интересов, Россия предприняла шаги по их привлечению к работе в рамках недавно созданного Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом, в отличие от ЕС, уровень развития демократии у потенциальных участников не является критическим фактором для членства в этой организации. Существующие многовековые культурно-исторические и экономические связи делают интеграцию на постсоветском пространстве привлекательной. Многостороннее углубление сотрудничества рассматривается как способ усиления политического влияния и экономического роста потенциальных участников.

Беларуси и Украине предложены на выбор модели международного сотрудничества, а фактически и модели развития. Формально участие в одном из интеграционных проектов не исключает взаимодействия с другим. Но крайняя политизированность дискуссии о путях развития стран постсоветского пространства, взаимная критика России и ЕС по ряду во-

просов, разница в наборе требований, предъявляемых к участникам интеграции, – все это способствует восприятию программы ЕС «Восточное партнерство» и деятельности Евразийского экономического союза как конкурирующих проектов. ЕС и Россия предлагают странам постсоветского пространства качественно разные перспективы.

Беларусь. Беларусь, используя геополитическое положение, имеет определенные возможности развиваться в контексте европейской политики, экономики и культуры путем тесного сотрудничества с государствами и институтами Европейского союза. Однако официальный Минск декларирует приверженность к участию в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Решение в пользу ориентации на «восточный вектор» развития продиктовано политическими и экономическими выгодами. Беларусь, являясь участником Союзного государства Беларуси и России, Союза Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и государством-инициатором создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сохранила и приумножила тесные производственные и торговые связи с бывшими советскими республиками, провела техническую модернизацию, усилила свои позиции на рынках Евроазиатского региона. В совокупности названные факторы сказались на укреплении государственности и позиционировании Беларуси как одного из основных региональных международных акторов.

В то же время, со стороны Беларуси нарастает критика в адрес политики России в ЕАЭС и некоторых других государств-членов, которые, по мнению белорусского руководства, преследуют узконациональные интересы в ущерб интересам евразийского объединения. В связи с этим официальный Минск в последние годы начинает задумываться над опасностью односторонней ориентации на Россию и начинает нормализацию отношений с ЕС. Очевидно, что руководство европейских структур заинтересовано в том, чтобы интегрировать Беларусь в политические и социально-экономические совместные проекты. На фоне украинского кризиса и миротворческой роли Беларуси в его разрешении, ограничительная политика ЕС по отношению к официальному Минску, вызванная отсутствием прогресса в вопросах демократии, прав и свобод человека в Беларуси, сменяется повышением интенсивности и уровнем контактов, в повестке дня появляются новые инициативы. Базовым требованием официального Брюсселя к Беларуси для начала «реального прихода инвестиций» стало выпустить освобождение лиц, считавшихся в ЕС «политзаключенными».

В 2016–2017 гг. Беларусь повысила статус представительства и активно участвовала в саммитах «Восточного партнерства». За последние два года Минск присоединился к Восточноевропейскому партнёрству по вопросам энергоэффективности и экологии, наиболее активно стал участвовать в программах исследований и инноваций, активизировал переговоры по соглашениям об упрощении визового режима и реадмиссии, уста-

новил диалог по вопросам таможенного контроля и усилил подготовку к вступлению во Всемирную торговую организацию. Но, несмотря на наметившуюся положительную динамику, процесс нормализации отношений сопряжен с определенными проблемами. По сравнению с другими членами «Восточного партнерства» отношения Беларуси и европейских государств остаются по-прежнему довольно сдержанными.

В ближайшей перспективе по-прежнему политический фактор будет оставаться препятствием в восстановлении полноценных контактов Беларуси и ЕС. Европа не пойдет на возобновление полномасштабных политических отношений с официальным Минском при сохранении в государстве «мягкой диктатуры». Не случайно, Брюссель в 2016 г. значительно увеличил финансирование поддержки Беларуси в рамках программы «Восточного партнёрства». Основную часть выделенных денежных средств планируется потратить на стимулирование «демократизации» Беларуси: развитие гражданского общества, укрепление общественных институтов, проведение структурных всесторонних реформ. На практике эти действия означают усиление влияния ЕС на внутривнутриполитические процессы в Минске, конечной целью которых остаётся геополитическая переориентация Беларуси с России и ЕАЭС на Запад.

Следует признать и то, что пределы в отношениях Беларуси с ЕС очерчивает многосторонняя и тесная многоуровневая кооперация с Россией, которая имеет достаточно механизмов влияния для того, чтобы скорректировать в нужном направлении политику соседнего суверенного государства. Но официальный Минск будет стремиться сохранить плавающий курс внешней политики. Белорусские власти нацелены на сохранение дружественных отношений с Россией и нормализацию отношений с ЕС. При этом реальных, интеграционных процессов с Москвой и Брюсселем Минск будет стараться избегать. Таков вероятный сценарий развития белорусской внешней политики.

Украина. Системный кризис в Украине 2013–2014 гг. привел к «перезагрузке» власти, кристаллизации ценностей и приоритетов развития общества. Одним из важных последствий таких изменений стало утверждение европейского вектора развития Украины, реализованное в 2014 г. в подписании Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Для официального Киева в отличие от Беларуси сближение с ЕС наполнено не только экономическим интересом, но связывается с перспективами более тесной интеграции в общеевропейское пространство. Проанализировав изменения в государствах Центральной и Восточной Европы, которые стали последними членами ЕС, можно предположить, что Украина через ассоциацию с «единой Европой», рассчитывает на перспективу реального улучшения сектора экономики и повышения уровня развития государства. Хотя на практике объективные социально-экономические и политические условия полноценной реализации намеченного плана отсутствуют.

Однако очевидно, что серьезной экономической заинтересованности в Соглашении об ассоциации с Украиной у официального Брюсселя нет, но и для Украины экономические последствия либерализации торговли сомнительны. Со стороны ЕС идея соглашения в значительной мере носит политический характер. Ключевым компонентом ассоциации является приближение законодательства Украины к соответствующим нормам и процедурам ЕС. Руководство ЕС хочет поставить определенные преграды тому, чтобы Россия «прибрала Украину к рукам», прежде всего потому, что уже сейчас опасается ЕАЭС и того, во что эта организация может в ближайшее время перерасти. Присоединение к ней Украины сделало бы ЕАЭС реальной силой в мировом масштабе. Поэтому, заключение договора об ассоциации ЕС – Украина рассматривается как гарантия от участия Киева в интеграционных процессах на постсоветском пространстве.

Украинский кризис убедительно показал, что на постсоветском пространстве Россия сталкивается с конкуренцией со стороны ЕС. Много делается для того, чтобы не допустить возникновения на постсоветском пространстве эффективно действующего интеграционного объединения во главе с Россией. ЕС готов использовать все свои ресурсы для достижения этой цели. По существу, России на постсоветском пространстве навязана игра с «нулевой суммой». Совершенно очевидно, что украинский кризис может быть урегулирован на основе договоренностей между Россией и ЕС, но в современных международных условиях достижение взаимоприемлемых соглашений, а главное, их выполнение является крайне сложным делом. И Россия, и ЕС сформулировали свои максимальные запросные позиции, и их согласование потребует немало времени. Главную роль в этой ситуации будет играть баланс сил в международных отношениях на европейском континенте, который складывается не в пользу России. Все это вносит в преодоление украинского кризиса значительную неопределенность. Столкновения в Украине интересов России и ЕС могут быть детонатором международного кризиса, который поставит под угрозу мир и безопасность в Европе и во всем мире.

Таким образом, сегодня одним из главных итогов борьбы за сферы влияния стало то, что явно несбалансированная модель взаимодействия России и ЕС на постсоветском пространстве прекратила своё существование. А несомненные издержки, которые уже несут страны ЕС в результате их конфронтации с Россией, должны убедить их, что вся прежняя концепция, выраженная в программе «Восточное партнерство» в отношении постсоветского пространства была ошибочной из-за её недостаточной экономической обеспеченности, а также угроз и рисков неизбежного противодействия со стороны России. А это значит, что единственный выход из сложной дипломатической ситуации, в которую завёл путь конкуренции два интеграционных проекта, может заключаться лишь в поиске взаимоприемлемых компромиссов, способных привести к примирению между Россией и ЕС.

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

М.С. Орехова (Белгород)

Интеграционные процессы в современном мире характеризуются глобальным, межгосударственным и региональными уровнями становления политических и социально-экономических связей. При этом роль трансграничного взаимодействия приграничных территорий сопредельных стран неуклонно возрастает. Представляется актуальным оценить промежуточные итоги участия российских регионов в трансграничном сотрудничестве, выделить основные проблемы и достижения, а также оценить перспективы российско-го регионализма с учетом изменившейся геополитической ситуации.

Отсчет истории становления и развития трансграничного взаимодействия субъектов РФ начался практически с момента распада СССР. Исследователи выделяют следующие этапы этого процесса:

- I этап (1991–1996 гг.) характеризуется неорганизованными попытками муниципальных и региональных властей, а также субъектов экономической деятельности смягчить последствия разрушения социально-экономических связей на постсоветском пространстве и сохранением некоторой инерции восприятия общего советского прошлого;

- II этап (1997–2003 гг.) – образование первых еврорегионов с участием приграничных территорий РФ, Украины, Беларуси и европейских стран;

- III этап (2004–2009 гг.) – институциональное и правовое оформление трансграничного сотрудничества российских регионов, дальнейшее расширение числа еврорегионов с российским участием;

- IV этап (с 2009 г. по настоящее время) характеризуется замедлением динамики роста и углубления взаимодействия приграничных территорий РФ с сопредельными областями под давлением геополитических факторов и внутривнутриполитических процессов в России и соседних странах [1, с. 2007].

В настоящее время субъекты Российской Федерации взаимодействуют с приграничными территориями соседних стран в формате 11 еврорегионов. Наблюдается значительная асимметрия в интенсивности трансграничных контактов: районы Калининградской области участвуют сразу в пяти проектах (еврорегионы «Неман», «Балтика», «Сауле», «Лына-Лаве», «Шеуле»). Эти еврорегионы были сформированы до 2004 г. и накопили значительный опыт приграничного сотрудничества с польскими воеводствами и округами Литвы, Латвии, Швеции и Дании. Однако эксклавное положение Калининградской области препятствует транслированию положительных эффектов такой интеграции на другие субъекты Российской Федерации.

Четыре еврорегиона образованы с участием украинских территорий («Днепр», «Слобожанщина», «Ярославна», «Донбасс»). С сожалением приходится констатировать, что характер отношений регионов России и

Украины в 2003–2013 гг. носил нестабильный характер и во многом зависел от состояния российско-украинских межгосударственных отношений. В настоящее время в связи с ужесточением порядка пересечения границы интенсивность приграничного сотрудничества резко снизилась, многие проекты прекращены или заморожены.

Достаточную успешность и слабую зависимость от внешнеполитической конъюнктуры демонстрируют еврорегионы на российско-финской границе («Карелия») и на границе с ЕС («Псков-Ливония»). Соглашение об образовании «Псков-Ливония» было подписано в 2004 г., однако приграничное взаимодействие соседних районов Эстонии, Литвы и Псковской области началось значительно раньше – еще в 1996 г. был образован Совет по приграничному сотрудничеству этих территорий.

К основным сферам деятельности еврорегионов относятся:

- взаимодействие региональных и муниципальных органов управления, направленное на повышение квалификации кадров в сфере приграничного сотрудничества, консультации и обмен опытом;
- формирование региональной идентичности, сохранение и развитие культурного потенциала региона;
- развитие сотрудничества в социальной сфере (образование, здравоохранение, социальная защита);
- совместные экологические и природоохранные проекты;
- развитие приграничной транспортной инфраструктуры, организация и упрощение режима пограничных переходов;
- согласование планов развития приграничных территорий, разработка и реализация различных социально-экономических проектов, выгодных всем заинтересованным сторонам [2, с. 78–79].

Еврорегионы, сформированные российской стороной с участием европейских стран, являются участниками Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕБР) и получают финансовую помощь в рамках поддержки региональных программ ЕС (INTERREG, TACSIS и др.) [3]. Однако в структуре европейской регионализации «внешние» еврорегионы с участием стран, не входящих в ЕС, носят подчиненное значение, их финансирование не относится к числу приоритетных. В то же время эксперты подчеркивают, что финансовое участие российской стороны, зачастую, недостаточное. Кроме того, многие выделенные финансовые фонды оказываются неосвоенными ввиду недостаточной квалификации и возможностей российских участников в реализации инфраструктурных и экономических проектов.

В системе приоритетов российского регионализма преобладает коммуникативный компонент. Наибольшую интенсивность демонстрируют социокультурные связи между образовательными учреждениями всех уровней: от школ до университетов. Это связано с относительно невысокими финансовыми затратами и отсутствием необходимости согласования таких контактов на федеральном уровне. Культурные мероприятия в фор-

ме дней традиционной культуры, праздников, ярмарок и фестивалей также стали повседневным явлением в жизни приграничных российских областей. По мнению экспертов, такие формы трансграничного сотрудничества играют существенную роль в формировании региональной идентичности, но не являются конечной целью сотрудничества, и характерны для начального этапа становления трансграничных связей. Кроме того, российская сторона демонстрирует слабую заинтересованность в наиболее перспективных областях взаимодействия: технологической и инновационной.

К менее успешным сферам приграничного сотрудничества российских регионов относятся туризм и экология, в то время как европейские партнеры традиционно демонстрируют высокую заинтересованность именно к совместным природоохранным проектам. Эксперты отмечают размытость целеполагания российского трансграничного регионализма, что становится важным препятствием в разработке и реализации взаимовыгодных трансграничных проектов [4, с. 204].

Существенной преградой развития российского регионализма низкий уровень полномочий муниципальных и региональных властей при сохранении высокой степени централизации государственной власти. Это объясняет слабую инициативность местных властей в развитии приграничного сотрудничества, бюрократические препоны в принятии решений и получении финансовых средств. По мнению экспертов, перераспределение властных полномочий и выработка взвешенной региональной политики является основой дальнейшего расширения и развития трансграничного сотрудничества регионов РФ [5, с. 239].

Российский регионализм отличается от европейского слабой вовлеченностью негосударственных и некоммерческих акторов, что связано с низким уровнем развития институтов гражданского общества, а также неоднородностью пограничных режимов. Существующие границы и таможенные барьеры являются главным препятствием в трансграничном сотрудничестве экономических субъектов, прежде всего, частного бизнеса. Неравномерность развития приграничных территорий соседних стран, различная степень освоенности земель, слабая заселенность пограничных районов также снижают возможности российского регионализма.

В то же время потенциал наиболее перспективного российско-белорусского приграничного сотрудничества на сегодняшний день практически не освоен. «Днепр» – единственный еврорегион с участием субъектов РФ (Брянская область) и Беларуси (Гомельская область). Обе страны имеют тесные политические связи, входят в Таможенный Союз ЕАЭС, не имеют территориальных претензий и нерешенных пограничных споров. В период ослабления связей с Украиной и подписания ею ассоциированного соглашения с ЕС партнерство с Беларусью приобретает особую актуальность.

Асимметричность российского регионализма проявляется также в недостаточном развитии приграничного сотрудничества на южных и юго-

восточных границах страны. Прежде всего, это касается Казахстана, с которым нас связывает не только протяженная граница, но и длительный опыт партнерства в рамках СНГ, ОДКБ, Таможенном Союзе, ЕАЭС и других региональных интеграционных организациях. Тесное сотрудничество приграничных территорий РФ и Казахстана может способствовать восстановлению утраченных социально-экономических связей, совместному противодействию нелегальным видам экономической деятельности, реализации необходимых экологических проектов и многим другим. На сегодняшний день накоплен позитивный опыт сотрудничества правоохранительных органов обеих стран, регулярными стали форумы приграничных регионов РФ и Казахстана, которые, однако, слабо выходят за рамки торгово-культурных мероприятий. По мнению экспертов Евразийского банка развития, российско-казахское приграничье еще не является функционирующим макрорегионом [6, с. 41].

В заключение необходимо отметить, что западными и северо-западными регионами Российской Федерации накоплен значительный опыт сотрудничества в формате еврорегионов. Он доказал необходимость и значимость такой формы взаимодействия соседствующих территорий для выравнивания их социально-экономического потенциала, снижения производственных издержек, формирования региональной идентичности. В то же время геополитическая ситуация последних лет препятствует дальнейшему развитию существующих проектов, особенно на границе с Украиной. В этих условиях пространство трансграничного сотрудничества должно расширяться в сторону более тесного взаимодействия со странами СНГ, отношения с которыми носят более стабильный характер. В то же время необходимым условием реализации принципов регионализма является соблюдение субсидарности, т.е. перераспределение компетенций от центральной власти к региональному и муниципальному уровням.

Источники и литература:

1. Глазова, С. С. Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма / С. С. Глазова, Е. А. Панфилова, М. А. Биганова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-9. – С. 2003–2009.
2. Корнеев, В. Еврорегионы – новый формат взаимодействия / В. Корнеев, Г. Федоров // Космополис. – 2008. – № 2 (21). – С. 75–85.
3. Ассоциация европейских приграничных регионов АЕВР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aebr.eu>. – Дата доступа: 25.03.2018.
4. Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере еврорегионов «Эресунн», «Псков-Ливония» и «Днепр» // Вестник международных организаций. – 2013. – Т. 8, № 4. – С. 196–211.
5. Рябов, Д. В. Анализ современной практики и особенностей приграничного и трансграничного сотрудничества Российской Федерации с государствами-членами СНГ / Д. В. Рябов, Г. В. Яковенко, А. В. Окунева, А. Г. Яковенко // Известия МГТУ «МАМИ». – 2012. – Т. 3, № 2(14). – С. 238–241.
6. Таможенный Союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. – СПб. : Центр интеграционных исследований, 2012. – 100 с.

Р А З Д Е Л 5

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2018 гг.)

ВІЦЕБСКАЯ ГУБЕРНЯ ПАМІЖ БССР І РСФСР

А.В. Бараноўскі (Мінск)

У канцы снежня 1918 г. на VI-й Паўночна-Заходняй абласной канферэнцыі РКП(б) было прынята рашэнне аб утварэнні Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусі, дадзенае рашэнне замацоўвалася ў Маніфесце Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі ад 1 студзеня 1919 г. У склад Беларускай рэспублікі ўвашлі Віцебская, Гродзенская, Магілёўская, Мінская і Смаленская губерні. ССРБ павінна была стаць апошнім звяном у ланцугу фармальна незалежных савецкіх дзяржаў, якія аддзялілі б Савецкую Расію ад капіталістычных дзяржаў. Тым больш, што ў Польшчы пасля прыходу да ўлады Ю. Пілсудскага, быў узят курс на падрыхтоўку ваеннай інтэрвенцыі ў савецкую Расію.

Адразу пасля абвяшчэння ССРБ з губерняў у ЦК РКП(б) пайшлі звароты з пратэстамі супраць утварэння рэспублікі і ўключэння ў яе склад. Найбольш непрымірумую пазіцыю адносна далучэння да Беларускай рэспублікі заняла Віцебская губернская партыйная арганізацыя. 2 студзеня ў Віцебску адбылося пасяджэнне партыйнага камітэта РКП(б), на якім мясцовае кіраўніцтва выказалася прынцыпова супраць стварэння Беларускай Рэспублікі [1, арк. 1].

Дадзенае рашэнне на месцах было падтрымана не ўсімі. Так, 4 студзеня адбыўся агульны сход Невельскай арганізацыі РКП(б), на якім прысутныя выступілі супраць пастановы Віцебскага губернскага партыйнага камітэта РКП(б) і падтрымалі пастанову I-га з'езда КП(б)Б. “Пастанова аб аддзяленні Віцебскай губерні і непрызнанні самой Беларусі з’яўляецца наступствам настойлівага імкнення Віцебскага камітэта супрацьпаставіць палітыцы ЦК і пастанове I-га з'езда камуністычнай арганізацыі Беларусі сваю асаблівую палітыку, якая ідзе на шкоду як расійскаму, так і міжнароднаму пралетарыату” [2, арк. 7].

Нягледзячы на гэта, Віцебскі партыйны камітэт працягваў выступаць супраць стварэння ССРБ і ўваходжання ў яе склад Віцебскай губерні. Падчас пасяджэння партыйнага камітэта Віцебскай арганізацыі РКП(б) якое адбылося 9 студзеня, старшыня губкама С. М. Крылоў заявіў, што ў Маскву дэлегавана С. І. Шейдліна, якая павінна там высветліць, ці можна будзе губернскаму з’езду Саветаў і канферэнцыі партыі падняць пытанне супраць стварэння Беларускай рэспублікі [1, арк. 4 аб.—5].

С. І. Шейдліна вярнулася з Масквы 20 студзеня і азнаёміла партыйны камітэт з рашэннем Цэнтра аб выдзяленні Віцебскай губерні са складу ССРБ і далучэнні да РСФСР. У той жа дзень, адпаведная пастанова была прынята на III Віцебскай губернскай партыйнай канферэнцыі [1, арк. 8]. У рэзалюцыі партыйнай канферэнцыі адзначалася: “Як вядома, на I з’ездзе камуністаў Беларускай Рэспублікі было вырашана замест Заходняй камуны арганізаваць Беларускаю Рэспубліку, у склад якой павінна была ўвайсці і Віцебская губерня. Мы ж, абмеркаваўшы гэтае пытанне на месцы, прыйшлі да такой высновы, што Віцебская губерня нічога агульнага не мае з Беларуссю, насельніцтва зусім абрусела, а таму і было вырашана вітаць вылучэнне Віцебскай губерні са складу Беларускай ССР” [3, арк. 40]. Праз два дні Віцебскі губкам РКП(б) накіраваў тэлеграму ў ЦК РКП(б) аб выдзяленні са складу ССРБ. 27 студзеня Цэнтральнае Бюро КП(б)Б, заслухаўшы рэзалюцыю партыйнай канферэнцыі Віцебскай губерні аб неўваходжанні ў склад Беларусі, паставіла адмовіцца, як у савецкіх, так і ў партыйных адносінах ад Віцебскай губерні, даўшы апошняй поўную свабоду звязвацца непасрэдна з Цэнтрам ці ўваходзіць у іншае абласное аб’яднанне [4, с. 87].

2–3 лютага ў Мінску адбыўся I Усебеларускі з’езд Саветаў, які пагадзіўся з жаданнем Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў заставіць у складзе РСФСР. Пры гэтым улады Віцебскай губерні лічылі пытанне настолькі прадвызначаным, а сам з’езд чыстай фармальнасцю, што адмовіліся пасылаць сваю дэлегацыю ў Мінск [5, с. 153].

Можна вылучыць некалькі прычын вяртання Віцебскай губерні ў склад Савецкай Расіі асобна з боку РСФСР, БССР і Віцебскай губерні.

Для Савецкай Расіі склалася неспрыяльная знешнепалітычная абстаноўка. Польшча прэтэндавала на беларускія землі і адмаўлялася прызнаць ССРБ. Кіраўніцтва РКП(б) дапускала магчымасць ахвяры беларускімі землямі, але не ўсёй тэрыторыяй, таму і было вырашана вярнуць Віцебскую, а таксама Магілёўскую і Смаленскую губерні ў склад РСФСР. Губерні, якія вярталіся Савецкай Расіі, мелі таксама важнае значэнне ў забеспячэнні харчаваннем цэнтральных раёнаў Расіі. На думку, беларускага гісторыка С. Хоміча, ЦК РКП(б) не мог не хваляваць магчымы рост сепаратысцкіх настрояў і ўнутрыпалітычная сітуацыя, канфлікт паміж групамі А. Мяснікова і Д. Жылуновіча.

Ідэя абмежавання тэрыторыі ССРБ не была ўспрынятая ні групай Мяснікова, ні прыхільнікамі Жылуновіча. Калі б не было гэтага ўнутранага расколу і выступі абедзве групы з адзінай пазіцыяй, магчыма, што ЦК РКП(б) прыйшлося б адмовіцца ад ідэі аддзялення некалькіх губерняў ад ССРБ. Згода ЦБ КП(б)Б на перадачу Віцебскай губерні ў склад РСФСР тлумачыцца тым, што менавіта Віцебская партыйная арганізацыя заняла найбольш непрымальную пазіцыю адносна далучэння да ССРБ.

Сярод кіраўнікоў Віцебскай губерні пераважалі выхадцы з цэнтральных рэгіёнаў Расіі. Ім былі зразумелы ўнутраныя сувязі з Масквой і Петраградам. Цэнтр адыгрываў велізарную ролю ў эканамічных адносінах для губерні. Віцебскае партыйнае кіраўніцтва адзначала, што ў выпадку канчатковага далучэння да ССРБ прыйдзеца ламаць сваю гаспадарку. “Беларусь краіна не прамысловая, яна самая адсталая, яна цалкам далучылася да цэнтральнай Расіі, і калі мы аддзелімся, то станем на шлях небяспечны”.

Такім чынам, рашэнне аб далучэнні Віцебскай губерні да РСФСР прымалася з палітычнага і эканамічнага пункту гледжання, а не нацыянальнага.

У далейшым партыйнае кіраўніцтва Віцебскай губерні не лічыла беларускае пытанне годным увагі. Спробы прыхільнікаў беларускай культуры наладзіць у губерні беларускую работу сустракалі неразуменне і супрацьдзеянне мясцовых уладаў. Кіраўніцтва Беларускай Рэспублікі неаднаразова звярталася ў ЦК РКП(б), з просьбай пакласці канец ціску на беларускую работу.

У 1921 г. у Наркамат асветы БССР прыйшоў ліст з Лепельскага павятовага Саюза працоўнай асветы Віцебскай губерні. У ім праўленне Саюза прасіла растлумачыць, ці з’яўляецца злачынствам этнаграфічнае даследаванне краю і пастаноўка п’ес на беларускай мове. Аўтары звароту адзначалі, што работа ў галіне беларускай культуры паралізуецца тым, што лічыцца ўладамі контррэвалюцыйнай, а за людзьмі, якія ёю займаюцца, вядзецца пільнае назіранне.

Жадаючы азнаёміцца з пастаноўкай беларускай культурна-асветніцкай работы ў Віцебскай губерні, Віцебск ў 1922 г. наведваў наркам асветы БССР У. Ігнатоўскі. Ён быў здзіўлены поўнай адсутнасцю беларускай работы ў губерні, насельніцтва якой у асноўным беларускае. Дакладная запіска была перададзена нават І. Сталіну, аднак ніякай рэакцыі не было [5, с. 229].

У маі 1923 г. ЦК РКП(б) разгледзеў пытанне аб межах БССР і даў згоду на яго далейшую распрацоўку. Менавіта з гэтага часу пачалася актыўная праца па вяртанні ўсходнебеларускіх зямель у склад БССР. На месцах пачало актыўна абмяркоўвацца дадзенае пытанне, з найбольшым энтузіязмам да ўваходжання Віцебскай губерні ў склад БССР аднеслася мясцовая інтэлігенцыя. Настаўнікі, работнікі адукацыйных і культурных ўстаноў, пачынаючы з 1923 г., віталі далучэнне да Беларускай рэспублікі. Што тычыцца працоўных і сялян, то большасць з іх выступала супраць далучэння да БССР. Іх турбавала, што ўваходжанне ў склад Беларускай рэспублікі адмоўна адаб’еца на іх матэрыяльным становішчы. Праз год рабочыя і сяляне ўзбуйненне БССР успрынялі як факт, які адбыўся, бо разумелі, што ўсе рашэнні былі прынятыя ў Цэнтры і іх не змяніць.

Адмоўна да вяртання Віцебскай губерні ў склад БССР аднеслася і мясцовае кіраўніцтва. Гэта абумоўлівалася некалькімі прычынамі. Па-

першае, значная частка кіраўніцтва губерні была накіравана ў Віцебск з іншых рэгіёнаў Савецкай Расіі, у сувязі з гэтым яны разглядалі беларускія землі як неад’емную частку РСФСР. Па-другое, партыйныя і савецкія работнікі асцерагаліся страціць свае пасады, паколькі ў выпадку далучэння губерні рэарганізацыя непазбежная. Па-трэцяе, далучэнне да БССР азначала неабходнасць вывучэння беларускай мовы адказнымі работнікамі, а гэта ў сваю чаргу моцна турбавала і раздражняла многіх.

29 лістапада 1923 г. Палітбюро ЦК РКП(б) разгледзела прапанову Аргбюро і пастанавіла далучыць да БССР “роднасныя ёй у бытавых, этнаграфічных і гаспадарча-эканамічных адносінах тэрыторыі”, у тым ліку цалкам Віцебскую губерню. Аднак рашэнне Палітбюро ЦК РКП(б) было перагледжанага Камісіяй ЦВК СССР па змяненні межаў паміж РСФСР і БССР, Веліжскі, Невельскі і Себежскі паветы Віцебскай губерні было вырашана пакінуць у складзе РСФСР. З гэтым беларускія ўлады былі катэгарычна не згодныя, таму 18 снежня А. Г. Чарвякоў накіраваў запіску ў ЦК РКП(б) “Аб стаўленні Камісіі ЦВК СССР да пастановы Палітбюро ЦК РКП(б) аб узбуйненні БССР”, у якой указаў, што камісія ЦВК СССР, нягледзячы на пратэст прадстаўнікоў Беларусі, падвергла другаснаму абмеркаванню пытанне аб паветах і прыняла шэраг рашэнняў, якія супярэчаць пастанове Палітбюро [4, с. 210].

У гэты ж дзень, у Маскве, адбылося пасяджэнне Камісіі ЦВК СССР па змяненні межаў паміж РСФСР і БССР. Беларускі бок настойваў на далучэнні Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў да БССР. На наступны дзень, 19 снежня, старшыня Камісіі ЦВК СССР па змяненні межаў паміж РСФСР і БССР А. Енукідзе накіраваў ліст у Палітбюро ЦК РКП(б) “Аб рознагалоссях паміж членамі Камісіі”, у якім гаварылася, што члены камісіі не прыйшлі да адзінагалоснага рашэнні па трох паветах Віцебскай губерні, якія па рашэнні большасці камісіі застаюцца ў межах РСФСР па дзвюх прычынах: па-першае, сярод насельніцтва ў гэтых паветах колькасць беларусаў не перавышае 33%, а па-другое, эканамічна гэтыя паветы імкнуцца да Пскоўскай губерні.

13 лютага 1924 г. Прэзідыум УЦВК адхіліў хадаўніцтва Беларускага ЦВК аб перадачы БССР Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў Віцебскай губерні, бо для гэтага няма падстаў [?]. 4 сакавіка Прэзідыум УЦВК пастанавіў перадаць БССР па старым (да 1922 г.) адміністрацыйным дзяленні Віцебскі, Гарадоцкі, Дрысенскі, Лепельскі, Аршанскі, Полацкі, Сенненскі і Суражскі паветы Віцебскай губерні. Канчатковае рашэнне па Веліжскаму, Невельскаму і Себежскаму паветах было прынята 24 сакавіка 1924 г. на пасяджэнні Прэзідыума УЦВК. Дадзеныя паветы перадаваліся ў склад Пскоўскай губерні [6].

Старшыня Віцебскага губернскага выканаўчага камітэта Д. Прышчэпаў разам са старшынёй паўнамоцнай камісіі СНК БССР па

прыёме тэрыторыі Віцебскай губерні І. Адамовічам падпісалі акт аб далучэнні губерні да БССР.

Такім чынам, Віцебская губерня ў пачатку XX ст. некалькі разоў мяняла сваю дзяржаўную прыналежнасць. У сакавіку 1924 г. губерня была канчаткова перададзена ў склад БССР. На наш погляд, існавала некалькі прычын перадачы часткі тэрыторый РСФСР у склад БССР. Па-першае, неабходнасць пашырэння Беларускай Рэспублікі тлумачылася перш за ўсё меркаваннямі знешнепалітычнага характару. Пасля Рыжскай мірнай дамовы значная частка беларускіх зямель апынулася ў Польшчы. Кіраўніцтва БССР прыкладала значныя намаганні, каб стварыць і падтрымаць сярод насельніцтва Заходняй Беларусі прасавецкія настроі. Узбуйнення БССР у сваю чаргу падымала пытанне аб вяртанні тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Па-другое, меркаванні знешнепалітычнага характару падмацоўваліся ўнутрыпалітычнымі і эканамічнымі момантамі. Кіраўніцтва БССР таксама спасылалася на кепскі стан, у якім знаходзілася нацыянальная работа ў беларускіх губернях, уключаных у склад РСФСР.

Крыніцы і літаратура:

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВВ). – Ф. 10050-п. Воп.1. Спр. 27.
2. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп.1. Спр. 15.
3. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп.1. Спр. 22.
4. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов : в 2 т. / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Т. 1 (март 1917 – ноябрь 1926). – 495 с.
5. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич – Минск : Экономпресс, 2011. – 415 с.
6. Барановский, А. В. К вопросу о передаче Велижского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии в состав Псковской в 1920-х годах / А. В. Барановский // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 23. – С. 47–53.

ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВА МИД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С.Ф. Свилас (Минск)

Руководство МИД БССР в первые двадцать лет функционирования министерства (К. В. Киселев, П. Е. Астапенко, А. Е. Гуринович) рассматривало работу по созданию системы хранения и пользования архивными документами как важное направление своей деятельности, вносило этот вопрос в повестку заседаний Коллегии и референтских совещаний, систематизировало материал о состоянии фонда в годовых отчетах. На формирование архива внешнеполитического ведомства существенное влияние оказало сотрудничество Белорусской ССР с Международным советом архивов, а также тесное

взаимодействие республиканского МИДа, органа республиканско-союзного подчинения, с союзными структурами. Постановление Президиума ЦК КПСС и СМ СССР о вступлении в МСА Главного архивного управления СССР, Архивного управления УССР, Архивного управления БССР и об участии их представителей в работе III Международного конгресса архивов датируется январём 1956 г. Международный совет архивов являлся неправительственной организацией, активно взаимодействующей с ЮНЕСКО (отношения категории А, «консультации и сотрудничество»). В соответствии с указанным постановлением Архивное управление Министерства внутренних дел БССР (с 1960 г. – Архивное управление СМ БССР) в феврале 1956 г. направило письмо председателю МСА И. Грасвинкелю о желании вступить в организацию и приложенным членским взносом в 75 швейцарских франков. 25 сентября 1956 г. на указанном конгрессе, состоявшемся во Флоренции, МСА принял Управление в число своих членов [8].

Представителем республики в организации был назначен начальник Архивного управления А. И. Азаров – «1907 года рождения, русский, член КПСС с 1939, окончил Московский историко-архивный институт в 1940 году, кандидат исторических наук» [3, л. 212; 4, л. 174; 1]. Взносы БССР в МСА, в том числе финансирование участия специалистов в его мероприятиях, выплачивались из союзного бюджета [7, л. 9; 6]. До середины 1960-х гг. республика участвовала в шести форумах этой организации, проходивших в Италии, Югославии, ФРГ, Швеции, Польше, Бельгии [15]. Эксперты получили возможность изучения передового зарубежного опыта и способствовали повышению архивной культуры сотрудников государственных учреждений республики, в частности, дипломатов.

В исследуемый период в штате МИДа не было профессионального архивиста, что сказалось на комплектации дел и требует от исследователя, работающего с рассекреченными документами, дополнительных усилий. Архив внешнеполитического ведомства был создан в 1944 г., причем документация откладывалась в двух отделах: политическом (с 1961 г. – секретариат) и протокольно-консульском [2, л. 27]. Через год после вступления республики в МСА работа ведомственного архива проверялась комиссией в составе первого секретаря политотдела Г. Г. Чернущенко и второго секретаря В. В. Грекова, результаты были доложены на апрельском заседании Коллегии. Среди недостатков отмечались переплетение функций библиотеки и архива, нечеткое распределение документов по организациям, дублирование протоколов. К. В. Киселев высказался за стажировку референта по архиву Н. Н. Коваленко в МИД СССР и обратился к А. И. Азарову с просьбой прислать консультанта [10, л. 16–17]. В марте 1958 г. библиотекарь Я. А. Глиндзич и Н. Н. Коваленко докладывали Коллегии об упорядочении работы архива. Министр предложил создать комиссию в составе заместителя министра П. Е. Астапенко (председатель), первого секретаря А. С. Зайцева, помощника министра Г. К. Новицкого, а также Я. А. Глиндзич и Н. Н. Коваленко для решения вопроса [12]. На февраль-

ской Коллегии 1962 г. К. В. Киселев потребовал от комиссии запросить инструкцию МИД СССР и на её основе составить документ для республиканского министерства, возмущившись, что это еще не сделано [11].

Архивом пользовались как дипломаты (для составления справок и подготовки выступлений), так и сотрудники других учреждений БССР (в том числе в научных целях). В 1962 г. было обработано и переплетено 987 томов документов, среди которых 29 томов выступлений глав и членов делегаций БССР в различных международных органах (для сравнения: в 1957 г. – 151 том), что свидетельствует о значительном повышении внешнеполитической активности республики. В качестве основного недостатка отмечалось слабое информирование архивом министерств и ведомств о передовом зарубежном опыте (правда, уже началось сотрудничество с библиотекой института информации, институтами энергетики и права АН БССР). Составить инструкцию по хранению материалов было поручено уже В. И. Лукьяновичу, новому референту по архиву [5, л. 168; 6, л. 168].

В 1963 г. Коллегия приняла решение о создании комиссии по составлению Положения об архиве в следующем составе: эксперт-консультант, заведующий отделом международных организаций Л. И. Максимов (председатель), ответственный секретарь Комиссии по делам ЮНЕСКО Г. К. Новицкий, третий секретарь И. В. Рудник, референт В. И. Лукьянович [14]. В том же году на партийном собрании обсуждалась работа кандидата в члены КПСС В. И. Лукьяновича над повышением идейно-теоретического уровня. Выпускник Минского института иностранных языков, он заочно учился на юридическом факультете БГУ, указанную должность занимал с февраля 1960 г. Коллеги отметили, что В. И. Лукьянович провел определенную работу по комплектованию и систематизации архивных материалов с учетом критических замечаний, высказанных на Коллегии, трижды участвовал в составе делегаций БССР на международных конференциях, знаком с новым изданием «Истории дипломатии» и литературой по международным вопросам. Секретарь парторганизации, заведующий протокольно-консульским отделом А. Д. Рассолько подчеркнул необходимость и важность работы над Положением об архиве министерства [13]. Год спустя при утверждении Коллегией этого документа заместитель министра А. Е. Гуринович предложил особое внимание обратить на формирование закрытого фонда [9], рассекречивание которого произошло в 1990-е годы.

Академик РАН А. О. Чубарьян отметил такую важную особенность документов периода «холодной войны», как отражение в них идеологических стереотипов (1997) [18, с. 13]. Хотя многие отчеты, протоколы, справки, записи бесед, ответы на запросы отражают реальные события и ситуации, советские дипломаты в их интерпретации исходили из общей критики капитализма, постоянного противопоставления «правильных» советских позиций и «неправильной» политики западных государств, из убеждения, что западное общество пребывает в состоянии глубокого кризиса, а будущее – за социализмом.

В сообщении о свободе информации, посланном в 1963 г. по запросу ЮНЕСКО в Париж, подчеркивалось, что «культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, является новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества; она воплотит в себя все многообразие и богатство духовной жизни общества...; это будет культура бесклассового общества, общенародная, общечеловеческая» [16]. Вместе с тем важнейшим требованием к записям бесед с сотрудниками Секретариата и иностранными дипломатами, другой информации о событиях в Организации была достоверность, и оно соблюдалось. Усилия, предпринятые руководством и сотрудниками МИД Белорусской ССР в 1950-е – начале 1960-х гг., по созданию и упорядочиванию архивного фонда, сделали возможным более глубокое и детальное изучение внешнеполитической деятельности Белорусской ССР современными исследователями.

Источники и литература:

1. Международные политические конференции и вопросы оформления делегаций на них. 1956 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 334. Л. 5.
2. Отчет о работе МИД БССР за 1953 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 253. – 47 л.
3. Отчет о работе МИД БССР за 1955 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 327. – 282 л.
4. Отчет о работе МИД БССР за 1956 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 349. – Л. 163–191.
5. Отчет о работе МИД БССР за 1957 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 367. Л. 129–171.
6. Отчет о работе МИД БССР за 1962 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 480. – 346 л.
7. Отчет о работе МИД БССР за 1963 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 505. – 273 л.
8. Переписка заместителя начальника Архивного управления МВД БССР В. Гурского с председателем МСА И. Грасвинкелем (февраль–сентябрь 1956 г.) // НАРБ. – Ф. 907. Оп. 1. Д. 214. Л. 216, 219, 221.
9. Протокол № 10 заседания Коллегии МИД БССР от 5 ноября 1964 г. О работе архива министерства // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 513. Л. 113.
10. Протокол № 2 заседания Коллегии МИД БССР от 18 апреля 1957 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 353.
11. Протокол № 2 заседания Коллегии МИД БССР от 8 февраля 1962 г. О работе архива МИД БССР // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 459. Л. 34.
12. Протокол № 4 заседания Коллегии МИД БССР от 10 марта 1958 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 375. Л. 52.
13. Протокол № 4 партийного собрания парторганизации МИД БССР от 22 ноября 1963 г. // НАРБ. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 31. Л. 11–14.
14. Протокол № 9 заседания Коллегии МИД БССР от 20 июня 1963 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 486. Л. 61.
15. Свилас, С. Ф. Об участии архивистов Белорусской ССР в международном сотрудничестве в годы хрущевской «оттепели» / С. Ф. Свилас // Актуальные проблемы крыніцазнаўства айчынай гісторыі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т, рэдкал.: А. М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2011. – С. 310–313.

16. Сообщение МИД БССР «О свободе информации» для Секретариата ЮНЕСКО (1963 г.) // НАРБ. – Ф. 907. Оп. 1. Д. 706. Л. 77–78.
17. Специализированные учреждения и неправительственные организации (1964 г.) // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 521. Л. 11.
18. Чубарьян, А. О. Новая история «холодной войны» / А. О. Чубарьян // Новая и новейшая история. – 1997. – № 6. – С. 3–23.

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ УГРОЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1945–1991 гг.

Г.Г. Краско (Минск)

После окончания Второй мировой войны по мере развертывания противостояния между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции активизировалась деятельность их спецслужб. Уже в первые послевоенные годы произошла трансформация спецслужб Великобритании, были созданы новые разведывательные органы США, Франции, ФРГ [3–5]. В связи с ростом напряженности между бывшими союзниками специальные службы и организации иностранных государств значительно активизировали свою деятельность на советском направлении.

Политика, проводившаяся США в отношении СССР, находила поддержку в странах Западной Европы. Так, в марте 1948 года был заключен Брюссельский пакт между Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, что привело к формированию «Западноевропейского союза» и созданию специального центра по координации деятельности разведывательных служб этих стран. Продолжением поляризации отношений в международном сообществе стало создание в 1949 году двенадцатью западными государствами (США, Канада, Великобритания, Франция, Исландия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Исландия, Норвегия, Дания, Италия, Португалия) военно-политической структуры – Организации Североатлантического договора (НАТО, Североатлантический Альянс). С момента создания Североатлантического Альянса стала осуществляться в широких масштабах межгосударственная координация разведывательной деятельности спецслужб западных стран в формах согласованного планирования, совместного проведения разведывательных операций, взаимопомощи в области разведки. В рамках организации обмена информацией между разведывательными и контрразведывательными органами стран НАТО был создан объединенный разведывательный комитет. Ведущая роль в нем отводилась США и их спецслужбам.

В это же время в США произошел качественный прорыв в работе с открытыми источниками информации. В 1947 году Ш. Кент, которого в США считают отцом «аналитической разведки», утверждал, что в мирное

время до 80% информации, необходимой политикам для принятия решений, возможно получить из открытых материалов. Чтобы доказать эту точку зрения, он предложил пяти профессорам Йельского университета на основании анализа только общедоступных источников подготовить отчет о состоянии вооруженных сил США, численности боевых частей и соединений не ниже уровня дивизии, мощи военно-морского флота и боевой авиации. Через три месяца, 1 сентября 1951 г., ученые представили т.н. «Йельский отчет», который на 90% соответствовал действительности и был в последующем засекречен ЦРУ до 1994 года [6]. Этот пример подтверждает, что в интересах разведывательного сообщества США были задействованы серьезные интеллектуальные ресурсы: ведущие научные центры и специально созданные институты, характерной чертой работы которых на советском направлении была специализация по актуальным аспектам – общество, политика, подготовка кадров.

С конца 1940-х гг. спецслужбы иностранных государств стали активно использовать легальные возможности по сбору информации. Конфронтация США и их союзников с СССР требовала соответствующего разведывательного обеспечения реализуемых мероприятий. В этой связи основные усилия, как военных, так и внешнеполитических разведывательных служб стран НАТО, были нацелены на сбор информации о военном и экономическом потенциале Советского Союза, его мобилизационных возможностях. Российский исследователь В. А. Райкова отмечает, что прибывший в 1952 году в Москву американский посол Дж. Ф. Кеннан, изучив дела в посольстве, в докладе главе внешнеполитического ведомства США среди основных тревоживших его фактов выделял чрезмерное увлечение разведывательной деятельностью и активное вовлечение сотрудников посольства в шпионаж за военными ведомствами и спецслужбами [2, с. 52–53].

С 1950-х годов спецслужбы иностранных государств усилили разведывательные акции на легальной основе. Так, отечественной контрразведкой был зафиксирован рост количества поездок в БССР военных дипломатов, в первую очередь посольств США, Великобритании, ФРГ, Франции. Они были направлены на сбор сведений о дислокации, мобилизационной готовности войсковых частей на белорусской территории.

Напряженность между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привела к активизации информационно-пропагандистской деятельности. В рамках реализации доктрины директора ЦРУ А. Даллеса западные специалисты активно разрабатывали формы и методы информационно-пропагандистской работы, совершенствовали практику деструктивного информационного воздействия и целенаправленного информационного давления на граждан и государственные институты своих противников. На территориях западных государств, где находились белорусские диаспоры (Великобритания, Германия, Франция, Канада, США и др.), при финансовой поддержке властей образовывались различные эмигрантские антисоветские организации.

Проведенный анализ архивных материалов показал, что во второй половине 1950-х гг. отдельные элементы обстановки по линии контрразведки в Белорусской ССР значительно изменились. Так, на территории восстановленной после войны республики дислоцировались важные промышленные предприятия союзного значения, были сосредоточены крупные железнодорожные узлы, военные объекты, в том числе закрытые сооружения военно-воздушных сил. Эти объекты привлекали внимание сотрудников спецслужб западных государств, регулярно посещавших БССР под дипломатическим прикрытием, а также по туристическим каналам и в рамках внешнеэкономической деятельности. В 1959 году в докладе на внеочередном XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев декларировал курс на мирное сосуществование государств с различным социально-общественным устройством [1, с. 81]. Такой подход предусматривал и увеличение количества иностранцев, посещавших СССР. В связи с улучшением межгосударственных отношений и возросшими масштабами экономического, научно-технического и культурного обмена с зарубежными странами возрос и интерес разведывательных органов спецслужб иностранных государств к БССР. Рост иностранного присутствия на территории республики являлся благоприятным фактором для активизации в БССР разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств, особенно США, Великобритании, ФРГ и Франции. Они активно использовали в разведывательных целях, в первую очередь для сбора информации по политическим, экономическим, военным вопросам, туристический канал.

К увеличению потока иностранцев, транзитом следовавших через БССР, привело открытие автостреды «Брест – Москва». Кроме того, через БССР транзитом следовали участники таких крупных международных форумов, проходивших в Москве, как VI (1957 г.) и XII (1985 г.) Всемирные фестивалы молодежи и студентов, а также XXII летние Олимпийские игры (1980 г.). Кроме того в 1950-х – 1980-х гг. БССР посетили многие лидеры иностранных государств: в 1958 году – первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулко, в 1965 году – президент Югославии И. Броз Тито, в 1966 году – председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, в 1971 году – глава Организации освобождения Палестины Я. Арафат, в 1972 году – лидер Кубы Ф. Кастро, в 1973 году – президент Франции Ж. Помпиду, в 1974 году – президент США Р. Никсон, в 1976 году – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Болгарии Т. Живков, в 1977 году – президент Финляндии У. Кеннонен, в 1983 году – генеральный секретарь коммунистической партии КНДР Ким Ир Сен, в 1985 году – премьер-министр Индии Р. Ганди.

Произошедшие в середине 1970-х гг. изменения в международной обстановке, в том числе благодаря договоренностям, достигнутым в результате подписания Заключительного акта Сопровождающего документа к Соглашению о сотрудничестве в Европе (ОБСЕ) в августе 1975 г. в Хельсинки, привели к некоторым ослаблениям в существовавших разрешительных режимах и

установленных порядках въезда-выезда советских и иностранных граждан, и, следовательно, расширению контактов между странами с различным социально-общественным устройством. В эти годы наблюдалось активное заключение международных договоров по вопросам торгово-экономического, технического, научного, культурного и других видов сотрудничества, реализация которых была сопряжена с поддержанием служебных и личных связей между представителями стран. Такое развитие обстановки наряду с положительными аспектами способствовало созданию реальных условий для реализации разведывательных устремлений спецслужбами иностранных государств.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. спецслужбы иностранных государств, используя легальные возможности, наряду с усилением традиционного интереса к вооруженным силам и военно-промышленному комплексу стремились к получению информации о положении в экономике БССР, а также развитию внутривнутриполитической ситуации в республике.

Таким образом, проведенный автором анализ отдельных аспектов деятельности на территории БССР спецслужб иностранных государств показал, что разведывательный интерес к республике был обусловлен, прежде всего, ее важным стратегическим положением, особенностями исторического и социально-экономического развития как национальной союзной республики, размещением на ее территории особо важных военных объектов и промышленных комплексов, научно-исследовательских институтов и учреждений.

Источники и литература:

1. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января – 5 февраля 1959 г. : стеногр. отчет : в 2 т. – М. : Красный пролетарий, 1959. – Т. 1. – 592 с.
2. Райкова, В. А. Московское посольство Джорджа Ф. Кеннана (май – сентябрь 1952 г.) / В. А. Райкова // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.) : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 25–26 апр. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 51–54.
3. Отдел 85. О том, как немецкая разведка боролась с нацистами в своих рядах [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2010/03/22/bnd>. – Дата доступа: 28.01.2016.
4. Central Intelligence Agency (CIA) [Electronic resource] // Britannica. – Mode of access: <http://www.britannica.com/topic/Central-Intelligence-Agency>. – Date of access: 28.01.2016.
5. Faligot, R. La Piscine: les services secrets français, 1944–1984 / R. Faligot, P. Krop. – Paris : Seuil, 1985. – 426 p.
6. Yale report [Electronic resource] // CIA. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol17no2/html/v17i2a02p0001.htm>. – Date of access: 30.09.2014.

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ПЕРЕГОВОРАХ В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ¹

Д.В. Юрчак (Витебск)

Вопрос о подписании в государственной резиденции «Вискули» в Беловежской пуще Соглашения о создании Содружества Независимых Государств является весьма политизированным на сегодняшний день, так как произошедшие события кардинально изменили судьбу Советского Союза, став фактически признанием и констатацией того, что эта могущественная сверхдержава с огромным людским потенциалом перестала существовать.

Поэтому к Вискулям всегда было приковано внимание историков и публицистов, а их оценки данного события чаще всего зависели от политических взглядов авторов. В частности, очень часто можно услышать исключительно негативные оценки действий основных участников переговоров, которых обвиняют в сговоре с целью отстранения М. С. Горбачёва от власти и развала СССР. Вместе с тем, стоит учитывать, что у руководителей трёх республик (и в их ближайшем окружении) были различные цели и мотивы как при организации самих переговоров, так и в ходе их проведения, о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания участников тех событий и иные источники.

Стоит учитывать и сложившиеся обстоятельства, когда по факту после августа 1991 года дезинтеграционные процессы ускорились, наблюдался отказ ряда республик от подписания нового союзного соглашения, формат которых не устраивал многих. Союзный центр во многом уже утратил контроль над республиками. Проведение референдума о независимости в Украине явственно свидетельствовало о курсе местных элит и во многом было на руку Б. Н. Ельцину, который стремился использовать это в своих целях. Поэтому некоторое время СССР находился в подвешенном состоянии.

Л. Ф. Шевцова следующим образом оценивает произошедшее в Беловежской пуще: «Ситуацию переломили Ельцин и Кравчук, давно уже соревновавшиеся в стремлении сбросить мешавшие им оковы союзного Центра. Но они нуждались в «третьем», своеобразном прикрытии и амортизаторе. Им вряд ли мог стать независимый и упрямый Назарбаев <...> Белорусский лидер Шушкевич оказался идеальным «третьим». Более того, его участие даже направляло наблюдателей по ложному следу – они стали впоследствии строить прогнозы о «славянском союзе» [3, с. 29].

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов).

Такая оценка роли белорусской стороны в лице председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. С. Шушкевича, на наш взгляд, во многом может быть распространена и на всю белорусскую делегацию, в состав которой также входили председатель Совета Министров Республики Беларусь В. Ф. Кебич и министр иностранных дел П. К. Кравченко. Очевидно, что это не полный перечень участников переговоров с белорусской стороны, но именно эти государственные деятели определяли позицию республики на переговорах в Вискулях. Кроме того, они оставили мемуары, повествующие о тех событиях, что особенно важно, так как видеофиксации переговоров не велось и исторических источников, проливающих свет на происходящие события, крайне мало.

Вместе с тем, мемуары очень часто субъективны и зависят от политических взглядов самих авторов. В частности, стоит учитывать, что С. С. Шушкевич и П. К. Кравченко на момент написания своих работ находились в оппозиционном лагере и не скрывали своих положительных оценок произошедшего в 1991 году в Вискулях. Так, С. С. Шушкевич считал, что события развивались в рамках «цивилизованного развода» и именно этот шаг позволил избежать вооружённого противостояния и беспорядков в стране. В частности, он писал: «Подписание Беловежского соглашения я считаю вторым по значимости важным событием и для Беларуси, и в моей жизни. Привожу далее его полный текст, привожу потому, что десятки раз те, кто меня за подпись под ним упрекал, его не читали и не знали, но по инерции, как было принято в Советском Союзе, упрекали. А упрекать не за что. Документ признан серьёзными аналитиками «шедевром легитимной дипломатии конца второго тысячелетия» [4, с. 191].

В свою очередь В. Ф. Кебич называет всё произошедшее в Вискулях не иначе как «государственным переворотом», постоянно акцентируя внимание на то, что он до последнего не знал о планах руководства России и Украины. И с этим, на наш взгляд, можно согласиться. Хотя при этом Вячеслав Францевич признаёт, что подписание договора о новом формате отношений было необходимо и основу нового союза должны были составить именно три славянских республики СССР [1, с. 219].

Стоит обратить внимание на то, что по воспоминаниям белорусских государственных деятелей первоначально основным поводом для встречи в Вискулях был экономический вопрос. Сомневаться в правдивости этого утверждения не приходится, так как для всех республик Советского Союза в условиях распада единой хозяйственной системы ключевым оставался вопрос обеспечения энергоресурсами. Именно об этом хотел поговорить фактический руководитель Беларуси В. Ф. Кебич с российским лидером в неформальной обстановке. С. С. Шушкевич писал, что ему осенью позвонил В. Ф. Кебич и сказал: «Вы в очень хороших отношениях с Борисом Николаевичем Ельциным, это нельзя не использовать для обогрева наших граждан. Пригласите его на охоту в пушу, примем, как подобает принять

президента России, и, не сомневаюсь, уговорим его нам помочь с нефтью и газом». Проблемы с подписанием нового союзного соглашения стали формальным поводом реализовать на практике это устремление» [4, с. 178].

Однако почему для решения экономических вопросов нужна была Украина? Белорусский спикер обращает внимание на причины такого необычного формата в переговорах: «Зачем был нужен Кравчук? Были факторы за и против. Против, так как трёхсторонние договорённости достигаются значительно сложнее двухсторонних. За, потому что у нас одинаковая главная проблема – потребность в энергоносителях на зиму – и нелепо устроить нездоровую конкуренцию по вопросу, кто сумеет лучше угодить России, чтобы их получить. А вместе, всё честно, взаимопрозрачно, понятно. Вторая причина расширения состава участников встречи была обусловлена тем, что многие отрасли промышленности, особенно крупные энергопотребители, должны были ясно представлять, что их ждёт в плане энергообеспечения в ближайшей перспективе. Поэтому делегации на вискюльскую встречу укомплектовывались руководителями и представителями заинтересованных министерств и ведомств» [4, с. 180–181].

По словам самого В. Ф. Кебича, инициатором переговоров стал Б. Н. Ельцин, который позвонил С. С. Шушкевичу и предложил провести встречу по вопросам подписания нового союзного договора в Беларуси, причём без Горбачёва. Он же предложил позвать Л. М. Кравчука, отношения с которым у Бориса Николаевича не ладились. Однако намеченный на конец ноября визит был отложен из-за референдума в Украине. Как утверждает председатель Совета Министров Беларуси, Президент СССР был в курсе подготовки встречи, но ему она была преподнесена российской стороной как способ уговорить украинское руководство на условия союзного центра при поддержке С. С. Шушкевича [1, с. 187–189].

Как видим, два ключевых белорусских переговорщика расходятся в своих трактовках событий. Вместе с тем, обе версии имеют право на существование и не противоречат одна другой. Более того, именно российский лидер мог стать инициатором проведения встречи в трёхстороннем формате. Также стоит учитывать, что Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук, стремясь к своим целям, вряд ли ставили руководство Беларуси в свои планы (которые изначально у них были разные), так как не были заинтересованы в огласке.

Вместе с тем, П. К. Краченко утверждает, что руководители Беларуси были в курсе происходящего. На что В. Ф. Кебич в своей книге отвечает очень резко и эмоционально, утверждая, что Пётр Кузьмич «лжет, когда утверждает, что я с самого начала знал о готовящейся юридической ликвидации Советского Союза. Лжет, когда живописует в выдуманных им же деталях, как я, осуществив хитроумную переговорную комбинацию, настоял на том, чтобы под Соглашением о создании СНГ стояли подписи не только глав республик, но и премьер-министров. Лжет по необходимости

создать себе имидж самого честного и дальновидного политика и просто по привычке...» [1, с. 201].

В подтверждение слов тогдашнего премьер-министра республики о том, что руководство Беларуси как принимающая сторона было не в курсе происходящего, говорит даже отсутствие печатной машинки в резиденции. А значит принимающая сторона готовилась к переговорам в неформальной обстановке, но никак не к подписанию какого-либо документа. Впоследствии эта ситуация станет одной из самых тиражируемых в СМИ, но именно она будет свидетельствовать в пользу того, что основная игра велась за спиной у руководства Беларуси, которому в этой сложной игре отводилась роль статистов и гостеприимных хозяев, которые, что также немаловажно для российских идеологов соглашения, имели право подписывать документ о денонсации Договора об образовании СССР от 1922 года.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о выборе места проведения встречи. Приверженцы идеи спланированного развала СССР уверены, что Беловежская пуца была выбрана по причине нахождения на государственной границе, чтобы в случае провала можно было легко бежать в Польшу и далее на Запад. К этому, на наш взгляд, стоит относиться скептически. В мемуарах выбор места проведения трактуется по-разному. В частности, как видно из уже приведённой цитаты из книги С. С. Шушкевича, охоту и отдых в Беловежской пуце лидеры республики рассчитывали использовать как фактор для ведения переговоров по поставкам энерго-ресурсов. Кроме того, Беларусь для Б. Н. Ельцина и Л. М. Кравчука была нейтральной площадкой, которая устраивала всех, а особого выбора для проведения встречи такого формата вне столицы не было.

Иной версии придерживается П. К. Кравченко, который считал, что выбор места был определён на основе предложения депутата Верховного Совета БССР Г. Козлова, озвученного ещё в конце 1990 года в Москве. Этот парламентарий был близок к окружению Б. Н. Ельцина и считал, что новое союзное соглашение должно быть заключено в Бресте (или его окрестностях) как своеобразный «исторический ответ» на Брестский мир, ставший для большевиков одним из главных провалов во внешней политике [2, с. 149]. Такое предположение очень маловероятно и также скорее вписывается в рамки какой-то очередной конспирологической теории.

Поэтому предположение о том, что выбор места был определён несколькими ключевыми факторами (расположение подальше от Кремля, на нейтральной для российской и украинской делегаций территории, где можно было отдохнуть по старым номенклатурным традициям) выглядит весьма обоснованным, легко объяснимым и вполне вероятным.

Таким образом, очевидным является факт, что тогдашнее руководство Беларуси оказалось втянуто в события в Беловежской пуце лишь потому, что наша страна больше всего подходила для переговоров, в которых были заинтересованы Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук. Эти переговоры

С. С. Шушкевич и В. Ф. Кебич рассчитывали использовать в своих целях для решения злободневных экономических вопросов и налаживания контактов с руководством России и Украины, но оказалось, что у других участников переговорного процесса были иные планы, которые превратили изначально неформальную трехстороннюю встречу в Вискулях в событие мирового масштаба, ознаменовавшее исчезновение с политической карты мира великой державы.

Источники и литература:

1. Кебич, В. Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В. Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
2. Кравченко, П. К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении. Записки дипломата и политика / П. К. Кравченко. – М. : Время, 2006. – 456 с.
3. Шевцова, Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 535 с.
4. Шушкевич, С. С. Моя жизнь. Крушение и воскрешение СССР / С. С. Шушкевич. – М. : РОССПЭН, 2012. – 471 с.

ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л.В. Вонсович (Минск)

Распад Советского Союза разрушил систему биполярного мира, привел к нарушению баланса сил, к стремлению США доминировать как в мировой политике, так и в экономике. Этому стремлению США противостоят три других глобальных центра силы – Китай, Россия, Евросоюз. Между ними в различных регионах мира развернулась борьба за сферы влияния, за энергоресурсы, за сферы управления в энергетической отрасли. Сложившаяся в результате этого система международных отношений, в основе которой лежат новые угрозы, такие как распространение ядерного оружия, терроризм, многочисленные локальные конфликты, поставила перед белорусским государством задачу создания условий для безопасности, включая экономическую, энергетическую, социальную, «обеспечения справедливого распределения выгод, связанных с глобализацией» [1, с. 114]. Исходя из реалий своего геополитического положения, белорусское государство провозгласило курс на многовекторную внешнюю политику и объявило себя последовательным сторонником формирования многополярной системы международных отношений.

Республика Беларусь сделала ставку на проверенных партнеров – ряд государств, возникших на постсоветском пространстве, которые, после распада СССР столкнулись с совокупностью внутривнутриполитических и соци-

ально-экономических проблем и осознали необходимость региональной интеграции, способной помочь противостоять внешним угрозам. Речь идет о Евразийском экономическом союзе, который в нынешних условиях представляет собой наиболее оптимальную форму соединения многообразных национальных, экономических, политических, природных и иных ресурсов постсоветских стран. Он был создан на основе Договора о Евразийском экономическом союзе [2], подписанном в Астане 29 мая 2014 г. В нем в качестве приоритетных целей данной организации обозначена необходимость всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики, проведение скоординированной промышленной политики, согласованной налогово-бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики государств-участниц ЕАЭС. Актуальными являются также и активные действия по усилению структурно-технологического компонента интеграции. К реализации указанных в Договоре целей стремится Республика Беларусь через осуществление своей внутренней и внешней политики.

По мнению ряда экспертов, Евразийский союз способен вдохнуть новую жизнь в единый экономический организм, унаследованный от Советского Союза, удовлетворить потребности государств-участников ЕАЭС в развитии общего рынка, движении товаров, людей, финансов, привлечении иностранных инвестиций, и, наконец, укреплении их независимости. При этом важным является понимание того, что положительных эффект такого объединения возможен только в случае приумножения совокупного потенциала интегрирующихся стран, а именно России, Казахстана, Беларуси, Армении и Киргизии.

Именно эти государства на сегодняшний день объединили свои усилия для превращения ЕАЭС в сильную геополитическую целостность, связующее звено между Европой и Азией с учетом истории и современных реалий глобализирующегося мира. В центре это объединения находится Российская Федерация, вынужденная противостоять многочисленным попыткам Запада оторвать от нее ряд государств на постсоветском пространстве, помешать начавшимся там процессам интеграции обещаниями о принятии в западные интеграционные структуры (ЕС, НАТО), об оказании щедрой американско-европейской помощи. Это особенно видно, на примере Украины, часть политической элиты которой, оторвавшись от своих многовековых исторических корней, переориентировалась в сторону Запада, повторяя как мантру утверждение американского политолога З. Бжезинского относительно того, что «Россия с Украиной – всегда великая держава, а без Украины – всегда нет». В действительности же Украина на данный момент имеет с ЕС только соглашение об ассоциации, что дает ей возможность осознания значимости евразийской интеграционной перспективы, имеющей ряд преимуществ перед европейским выбором, носящим больше идеологический, нежели практический характер.

Перспективы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве очевидны, и это связано, прежде всего, с тем, что оно и сегодня сохраняет «определенный уровень целостности» и своего рода «остаточную идентичность», что выражается, к примеру, «в широко используемых до сих пор советских технологиях, общем социокультурном и научном наследии» [3, с. 82]. Понимание данного обстоятельства активизирует деятельность ЕАЭС, который благодаря совокупным усилиям постсоветских государств, стремится преодолеть геополитический раскол в этом регионе, разрешить ряд проблем территориального и этнополитического характера, ускорить процессы экономического роста, активизировать борьбу за сферы влияния. Увеличив количество членов и расширив сферу деятельности, Евразийский экономический союз может обрести новые очертания и выйти в перспективе на уровень Евросоюза и по своему масштабу и по участию в международных делах. При этом важно использовать позитивный опыт Европейского союза в плане развития интеграционных процессов, а также учитывать те ошибки, которые в начале XXI столетия ввергли этот масштабный интеграционный проект в глубокий и продолжительный системный кризис. Речь идет о стремлении ЕС строить политическую модель союза, в основе которой лежит экономическая интеграция, способная помочь сформировать федеративное государство. Об ошибочности данного суждения свидетельствуют недавние события, в частности референдум о выходе Соединенного Королевства из состава Евросоюза, наплыв иммигрантов, многочисленные проблемы политического и иного характера. В моделировании контуров ЕАЭС важно учитывать также контекст развития интеграционных процессов в Азии, к примеру, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, где важным остается тезис относительно того, что интеграция тогда устойчива, когда соблюдается суверенитет каждой страны.

К сожалению, интеграционные процессы в рамках ЕАЭС происходят медленно и в весьма сложных условиях фактически все еще расколотого постсоветского пространства, слабо определенной позиции в системе глобальных экономических отношений и возрастающей год от года международной напряженности. Так же следует отметить недостаточную скорректированность приоритетов экономической политики ЕАЭС, размытость в определении и согласованности ее целей, обозначении четких контуров модели развития экономики для стран Евразийского союза. Среди явных просчетов можно обозначить также несогласованность макроэкономической политики ЕАЭС, отсутствие координации позиций по уровню инфляции и курсам национальных валют. Проблемой является и то, что двигателем интеграционных усилий выступает бюрократия, ее межгосударственные, а иногда и личные связи. А вот роль частного сектора в интеграционных процессах является минимальной. Не достаточно четкой представляется и позиция России, которая по ряду экономических и политических причин не до конца выполняет консолидирующие функции и не может

предельно ясно сформулировать общую позицию сотрудничества государств на постсоветском пространстве. Иногда очевидно стремление России контролировать внутривитическую жизнь многих постсоветских стран, что приводит к конфликтам. Слабо задействован и политический формат интеграции в рамках Евразийского союза.

Проблемой является также промежуточное положение ЕАЭС между Европейским союзом с одной стороны и Китаем с другой. При этом КНР предлагает свою региональную инициативу – «Один Пояс – Один Путь», а ЕС свою – Восточное партнерство. В силу этого страны Евразийского экономического союза не до конца осознают перспективы интеграции, поскольку конструирование Евразии продолжается. Более того ЕАЭС строился по образу и подобию Европейского союза с копированием его системы управления, но с явно измененными принципами ее функционирования. В структуре ЕАЭС наднациональные органы не занимают сильную позицию, а действуют с весьма скромными полномочиями, как, например, Евразийский Суд, Высший Совет и т.д.

Членам ЕАЭС также важно помнить о том, что страны с недостаточно доходной экономикой, без развитого рынка, согласованной экономической политики, интегрирования своего финансового и ресурсного потенциала, об этом, кстати, свидетельствует мировой опыт, не могут занять достойное место в условиях современных мирохозяйственных отношений. Решить подобные проблемы поможет изменение экономической основы сотрудничества в сторону модернизации национальных экономик, гармонизации имеющихся стандартов, законов и методов руководства экономической составляющей жизнедеятельности общества, а также развитие горизонтальных связей между членами ЕАЭС в рамках проектной интеграции. Важна и модернизация производственного потенциала стран ЕАЭС, что предполагает развитие специализированных институтов, ориентированных на финансирование проектов в производственной сфере, обеспечение их необходимыми ресурсами. Есть мнение в перспективе реализовать проекты согласованного размещения производств на пространстве ЕАЭС с целью более полного использования природных и трудовых ресурсов, выравнивания уровня и качества жизни народов интегрирующихся государств.

Следует также отметить, что успех интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в т.ч. и в рамках ЕАЭС, во многом зависит от экономического и политического развития России как ядра этих процессов. Экономический прогресс, отмена антироссийских санкций, диверсификация экономических отношений сделают Россию привлекательной в качестве партнера для других государств и ослабят давление со стороны Запада. Важным является и признание Российской Федерацией партнеров по ЕАЭС как равноправных себе, имеющих возможность проводить самостоятельную политику и эволюционировать в сторону политических перемен. Есть также мнение, что процессы интеграции активизируются, если ЕАЭС выйдет «за пределы постсоветского пространства, состыкуется с

ЭПШП на платформе ШОС в целях формирования общего экономического пространства на всем Евразийском континенте» [4, с. 59].

В силу изложенного выше, Республика Беларусь выстраивает свою геополитическую стратегию на трех основополагающих принципах: политическом суверенитете, экономической открытости и равных партнерских отношениях между странами в рамках интеграционных проектов, в т.ч. и в Евразийском экономическом союзе. Беларусь осознает перспективы развития ЕАЭС, значимость его потенциала для интегрирующихся стран, для расширения и углубления сотрудничества на постсоветском пространстве, для развития более широкого интеграционного проекта, связанного, к примеру, с реализацией экономического проекта Великого шелкового пути или налаживания взаимодействия с государствами-членами ШОС. Реализация основных приоритетов внешней политики Беларуси предполагает укрепление ею своего положения и положения своих партнеров в рамках ЕАЭС и тем самым содействие реальному движению к многополярному миру.

Источники и литература:

1. Волошин, В. Мировая турбулентность как угроза энергетической безопасности России / В. Волошин // Мир перемен. – 2016. – № 4. – С. 114–128.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/imgmvd/dgim/e1.pdf>. – Дата доступа 7.02.2018.
3. Гринберг, Р. Весна Евразийского союза: хрупкие надежды / Р. Гринберг // Мир перемен. – 2012. – № 1. – С. 5–9.
4. Гринберг, Р. Постсоветское пространство сегодня: итоги и уроки / Р. Гринберг // Мир перемен. – 2016. – № 4. – С. 5–8.

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИНСТИТУТА ТАМОЖЕННОГО АТТАШЕ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В.А. Острога, С.Ю. Бусел (Минск)

Таможенная служба Республики Беларусь активно участвует в реализации внешнеполитических и внешнеэкономических задач, стоящих перед нашим государством. Известно, что одним из видов двустороннего сотрудничества таможенных служб является деятельность в рамках института таможенных атташе. Под ним понимается деятельность официальных лиц таможенной службы одного государства на территории другого государства на постоянной основе. На сегодня данный институт получил своё наибольшее развитие в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки и имеет две модели реализации:

1) специальное представительство органа государственного управления, к компетенции которого отнесено ведение таможенного дела;

2) прикрепление должностных лиц вышеупомянутого ведомства к дипломатическому представительству (как посольству, так и консульству) в стране пребывания.

Типовыми задачами таможенных атташе являются обеспечение взаимодействия и сотрудничества с таможенной службой страны пребывания; сбор информации о состоянии таможенного дела в стране пребывания; защита экономических интересов представляемой страны (мониторинг ситуации по товарообороту между странами; участие в мероприятиях правоохранительной направленности); обеспечение взаимодействия и сотрудничества с деловыми кругами страны пребывания и оказание консультативной помощи участникам внешнеэкономической деятельности. Кроме того, одним из направлений двустороннего сотрудничества таможенных служб является внешнее взаимодействие таможенных служб в рамках специальных миссий. Специальные миссии являются площадкой, на которых, как правило, на временной основе проходят встречи экспертного уровня для решения актуальных вопросов взаимодействия таможенных администраций.

Таможенная служба Республики Беларусь с момента своего создания в 1991 г. осуществляет активное международное сотрудничество. Но, до 1 января 2018 г. она не имела своих постоянных представителей в иностранных государствах, что в большей степени было обусловлено значительными финансовыми расходами. Однако, их размещение в ряде иностранных государств несомненно послужит укреплению международных связей в сфере таможенного дела на двусторонней основе и внесет весомый вклад в оперативные решения задач, возникающих в процессе таможенного администрирования, его стратегическое планирование.

На наш взгляд, в настоящее время назрела необходимость размещения белорусских таможенных атташе за пределами страны.

В первую очередь, как минимум, они могут находиться в государствах-участниках основного интеграционного объединения Республики Беларусь – Евразийского экономического союза. Это позволит:

- обеспечить максимальное единообразие правоприменительной практики таможенных органов союзных государств в области таможенного дела;
- ускорить и упростить таможенные операции в рамках совершенствования таможенного контроля;
- организовать информационный обмен таможенной информацией для обеспечения надлежащего контроля за транзитом товаров и транспортных средств;
- совершенствовать борьбу с нарушениями таможенных правил;
- вырабатывать совместные предложения по унификации законодательства в сфере таможенного дела
- перенимать передовой и инновационный опыт таможенного администрирования союзных государств и участия государств в международных проектах в таможенной сфере;

- проводить мониторинг исполнения таможенного законодательства Таможенного союза;
- своевременно реагировать на изменение ситуации на всём протяжении границы союза;
- осуществлять аналитическую и информационно-разъяснительную работу с резидентами страны пребывания.

Во-вторых, с учетом того, что Республика Беларусь придает особое значение разносторонним связям с Китайской Народной Республикой, белорусско-китайское взаимодействие в таможенной сфере будет содействовать выполнению существующих договоренностей. Сотрудничество с КНР имеет значительный потенциал для взаимодействия в рамках института таможенных атташе и в рамках специальных миссий (регулярные встречи и семинары как на уровне руководителей таможенных служб, так и на уровне экспертов), выработки дополнительных шагов по развитию двустороннего сотрудничества, обмена опытом (подготовка кадрового резерва, проведение семинаров и т.д.), совершенствования действующей договорно-правовой базы и повышения сотрудничества между таможенными ведомствами. Примером может быть, подписание в июне 2016 г. Меморандума о сотрудничестве в области подготовки кадров между ГТК Республики Беларусь и Главным таможенным управлением Китая в ходе визита в КНР председателя ГТК Ю. А. Сенько.

Посредством усилий таможенных атташе Республика Беларусь сможет в этой области эффективно выполнять свои обязательства, совершенствовать нормативно-правовую базу сотрудничества по отдельным актуальным направлениям. Как известно, особое внимание ГТК уделяет проводимой на платформе Евразийской экономической комиссии работе по заключению Соглашения об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные рубежи Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. Регулярный обмен данными о товарах и транспортных средствах международной перевозки, проходящие через таможенные границы Союза и КНР, сопоставление таких данных и выявление причин расхождений в них будет оказывать содействие не только повышению степени доверия между ЕАЭС и КНР, окажет положительное влияние на эффективность предотвращения, выявления и пресечения нарушений таможенных законодательств двух сторон. Обмен данными создаст благоприятные условия, способствующие ускорению совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля [2].

Данное соглашение призвано содействовать реализации проекта «Один пояс – Один путь» (Экономический пояс Шелкового пути). Этот проект является самым масштабным экономическим, транспортным, логистическим проектом, в развитии которого заинтересовано большинство стран евразийского континента, в том числе и Беларусь. Проект нацелен на создание экономического коридора, проходящего через территорию многих стран на евроазиатском континенте [3]. Товары будут следовать по

экономическому поясу из Китая в Западную Европу с минимальными временными затратами, не встречая на пути своего движения инфраструктурных и административных препятствий.

В стратегическом плане особая роль в этом проекте отводится таможенным службам, а именно по ускорению совершения таможенных операций в пунктах пропуска на межгосударственных границах и на границах экономических объединений, таких, например, как ЕАЭС и ЕС. Основные товарные потоки из Юго-Восточной и Центральной Азии следуют транзитом в Европу через территорию Беларуси. конечной целью проекта в перспективе может быть формирование единого евразийского пространства и трансконтинентальной магистрали от Юго-Восточной Азии до Атлантического океана. И на этом пути институту таможенных атташе Республики Беларусь может принадлежать одна из основных ролей в достижении намеченных целей [3]. Несомненно, для реализации проекта встречи таможенных атташе либо экспертов стран, присоединившихся к нему и имеющие перспективные торговые и транзитные условия, являются ключевыми.

Как отмечалось, 2018 г. является точкой отсчета функционирования института таможенного атташе Республики Беларусь. С 1 января этого года была введена должность официального представителя ГТК Республики Беларусь в Посольстве Республики Беларусь в Королевстве Бельгия. Она была создана, прежде всего, в соответствии с решением Президента Республики Беларусь, с целью активизации сотрудничества со странами Европейского союза и укрепления взаимных связей таможенной службы Беларуси с Всемирной таможенной организацией, иными международными организациями. Первым белорусским таможенным атташе стал начальник управления организации таможенного контроля ГТК Республики Беларусь С. А. Федоров.

Основными направлениями деятельности официального представителя ГТК Республики Беларусь, становится привлечение в Беларусь средств международной технической помощи путем более целенаправленной работы с донорами международной технической помощи (иностранными государствами, международными организациями, их представителями либо уполномоченными этими государствами и организациями субъектами права, представляющими международную техническую помощь), своевременный сбор, обобщение и анализ информации об изменениях в сфере таможенного (налогового) администрирования и внесение руководству таможенной службы предложений по минимизации потенциальных рисков различного характера, обеспечение взаимодействия на постоянной основе с таможенной службой страны пребывания, сбор информации о состоянии таможенного дела в стране пребывания, участие в работе Всемирной таможенной организации, подготовка предложений по совершенствованию национального законодательства и использования наилучших мировых практик в этой области, а также взаимодействие с деловыми кругами страны пребывания [4].

Таким образом, одним из основных направлений развития международного сотрудничества таможенной службы Республики Беларусь является создание сети представительств таможенных атташе для интенсификации деятельности ведомства в системе международных организаций, взаимодействия с таможенными службами иностранных государств, совершенствования международной договорной базы по вопросам сотрудничества и взаимной помощи в таможенных делах.

Источники и литература:

1. Сотрудничество в таможенной сфере [Электронный ресурс] // Белорусско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. – Режим доступа: http://www.belaruschina.by/data/fck/file/2016/The_cooperation_in_the_customs_sphere_ru.doc. – Дата доступа: 18.03.2018.
2. Министр по таможенному сотрудничеству ЕЭК Владимир Гошин обсудил вопросы информационного взаимодействия с Председателем Главного таможенного управления КНР Юй Гуанчжоу [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-07-2015-3.aspx>. – Дата доступа: 14.03.2018.
3. Коноваленко, С. Таможня создаёт коридоры сотрудничества [Электронный ресурс] / С. Коноваленко // Федеральная таможенная служба. – Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22483:-q-q-q-. – Дата доступа: 16.03.2018.
4. Международное сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.gov.by/ru/mezhdunarodnoje_sotrudnichestvo-ru/. – Дата доступа: 18.03.2018.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ ЗА РУБЕЖОМ

С.И. Шереметьев (Москва)

Особая роль в разработке и проведении внешней культурной дипломатии принадлежит диппредставительствам и культурным центрам Беларуси за рубежом, которые являются одним из важнейших звеньев в механизме осуществления двусторонних культурно-гуманитарных связей, продвижения привлекательного образа государства в ключевых регионах мира.

В Беларуси поэтапно **создается сеть культурных центров за рубежом**, совершенствуются и определяются направления их деятельности, механизмы и источники финансирования. В настоящее время за рубежом действуют четыре белорусских центра – в Китае, Пакистане, Польше и России.

Несмотря на первые шаги, которые делают культурные центры Беларуси за рубежом, их культурно-гуманитарная и информационная работа уже сегодня способствует формированию и укреплению взаимопонимания

и доверия с зарубежными странами, наращиванию участия страны в системе международного культурного сотрудничества.

Учитывая наметившуюся тенденцию к расширению использования в современной международной политике «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий [1], заслуживает внимание изучение опыта работы Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее – Россотрудничество, Агентство) в целях использования его некоторых подходов для совершенствования работы белорусских центров за рубежом.

Россотрудничество – федеральный орган исполнительной власти, подведомственный МИД России. **Стратегический вектор деятельности** – распространение влияния «русского мира» посредством расширения информационного, образовательного, социально-культурного и экономического пространства Российской Федерации за рубежом. Основная **целевая аудитория** – соотечественники, проживающие за рубежом.

Агентство представлено **в 81 стране мира 98 представительствами**: 74 российских центра науки и культуры (далее – РЦНК) в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 22 странах [2] (предельная численность центрального аппарата – 278 единиц, загранаппарата – 600 единиц [3]). В Беларуси РЦНК действуют в Бресте, Гомеле, Минске.

К числу своих **географических приоритетов** Россотрудничество относит государства – участники СНГ. Разработан перспективный план открытия новых РЦНК и представительств до 2020 года.

Россотрудничество является **координационным, методическим и финансово-распределительным центром**, обеспечивающим единые подходы в деятельности своих подразделений за рубежом. **Финансирование** деятельности осуществляется в рамках выделения целевых бюджетных средств на **содержание аппарата, выполнения государственных программ, реализацию локальных «страновых» программ.**

Данный подход обеспечивает Россотрудничеству, с одной стороны, **гарантированный государственный заказ** на реализацию за рубежом государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, с другой – среднесрочное и долгосрочное бюджетное финансирование.

Официальные направления работы Россотрудничества:

1. Системная поддержка русского языка за рубежом.

В рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы организуются обучающие курсы русского языка, выдается сертификат установленного уровня владения языком (в 2016 году курсы русского языка действовали в 58 странах мира на базе 63 представительств, обучалось 16 000 человек [4, с. 11]).

2. Продвижение российских образовательных услуг.

Ключевым приоритетом деятельности Россотрудничества является **расширение сети русских школ за рубежом** и проведение комплексных мероприятий по их поддержке (в 2016 году работало более 6200 русских школ за рубежом, проведено свыше 350 мероприятий [4, с. 6]).

Россотрудничество способствует продвижению **российского высшего образования** за рубежом и **набору иностранных студентов** в российские вузы (ежегодно квота на обучение иностранных граждан составляет 15 000 человек из 180 стран мира [4, с. 24]). Уделяется особое внимание **работе с проживающими за рубежом выпускниками российских образовательных учреждений**.

Агентство организует **конкурсы и олимпиады для школьников**, в рамках которых выявляется талантливая молодежь и обеспечивается качественный отбор иностранных граждан на обучение в российские образовательные организации.

Реализация данного направления обеспечивает **решение вполне прагматических задач, стоящих перед Россией**, а именно:

- а) **отбор и приток наиболее талантливой молодежи** как интеллектуального ресурса с последующим возможным трудоустройством в России;
- б) улучшение демографической ситуации;
- в) приток иностранной валюты в страну;
- г) **лоббирование интересов России** в рамках взаимодействия с выпускниками российских вузов.

3. Работа с соотечественниками за рубежом.

Россотрудничество принимает участие в реализации Государственной программы **содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию** (в 2016 году проведено более 100 мероприятий по проблематике переселения. В Минске прошла презентация программы по добровольному переселению соотечественников в Сахалинскую область [4, с. 39]).

В целях консолидации общественных объединений соотечественников Агентство оказывает содействие в **проведении ими мероприятий**, приуроченных к празднованию памятных дат российской истории и культуры, юбилеев выдающихся деятелей, фестивалей творчества соотечественников, народных праздников, концертов, выставок, конкурсов; организуется работа школ, студий и кружков по интересам.

4. Продвижение достижений российской науки и содействие в укреплении международного научного сотрудничества.

Россотрудничество оказывает российским партнерам информационно-организационное содействие в: а) их участии в международных научных конференциях, семинарах, презентациях научных достижений или инновационных продуктов; б) поиске партнеров среди представителей научных и деловых кругов для ведения совместных исследований.

5. Продвижение российской культуры за рубежом.

Агентство реализует комплексные программы по подготовке и проведению концертов, творческих вечеров, лекций, выставок и другое. Принимает участие в проведении перекрестных годов национальных культур с зарубежными странами, ведет работу по сохранению памятников духовной культуры и поддержанию историко-мемориальных мест погребения за рубежом, составлению перечня объектов культурного наследия.

6. Содействие международному развитию.

Россотрудничество принимает участие в разработке Национальной программы содействия международному развитию. В рамках программы реализуются проекты содействия странам СНГ в гуманитарной, образовательной и социальной областях с целью поддержания устойчивого социально-экономического развития государств, решения глобальных и региональных проблем, содействия стабильности и безопасности в системе международных отношений.

7. Развитие молодежных коммуникационных проектов.

Агентство является государственным заказчиком-координатором **Программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов** иностранных государств «Новое поколение». Основным содержанием программы является знакомство молодежи разных стран с общественно-политической, социально-экономической, научно-образовательной и культурной жизнью в России (в 2016 году по программе Россию посетили 1000 иностранных молодых лидеров из 100 государств, в том числе **из Беларуси – 65 человек** [4, с. 27]).

Особое внимание уделяется **поддержке инициатив молодежной диаспоры за рубежом** и обеспечению участия молодых соотечественников в мероприятиях культурно-просветительского и спортивного характера в Российской Федерации (в 2016 году проведено около 100 фестивалей, творческих конкурсов, выставок, ориентированных на молодежь и детей соотечественников [4, с. 43]).

Выводы и предложения по организации работы культурных центров Беларуси за рубежом.

Опыт работы Россотрудничества по обеспечению стратегического продвижения международного культурно-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации за рубежом является **продуктивным и результативным**. Применение механизма финансирования из ряда источников, реализация государственных стратегических направлений деятельности позволяют Агентству **усиливать влияние России за рубежом**.

Принимая во внимание разные стартовые позиции Беларуси и России с точки зрения различных геополитических устремлений, и с учетом ресурсных ограничений представляется целесообразным следующие подходы в работе культурных центров Беларуси за рубежом:

- 1. Использовать в определенной степени управленческую и координационную систему Россотрудничества.**

Полагаем возможным применить механизм модели Россотрудничества, который будет представлять собой следующее: наделение дополнительными полномочиями одно из структурных подразделений МИД Беларуси функциями по разработке новых проектов и мероприятий, а также по координации действий между культурными центрами Беларуси за рубежом.

2. Внедрять инновационные методы и наработки Агентства, в части: содействия консолидации соотечественников, проживающих за рубежом, и создания национально-культурного «лобби» **в иностранных государствах**; расширения пространства использования белорусского языка за рубежом; продвижения идеи о качественном и соответствующем высоким стандартам **современном белорусском образовании**, привлечении иностранных студентов для обучения в белорусские ВУЗы; **формирования и укрепления положительного имиджа Беларуси** как государства с развитой научной и технологической сферой, мощным промышленным потенциалом, богатым историческим и культурным наследием с целью решения задач по социально-экономическому и культурному развитию страны; организации ознакомительных визитов в Беларусь для иностранных делегаций, представляющих различные сферы деятельности с акцентом на молодежное крыло соотечественников.

3. Применять системный подход финансирования из разных источников, аналогичный подходу Россотрудничества, предусматривающий финансирование мероприятий по линии реализации государственных и локальных программ по месту нахождения представительств. Для этого необходимо расширить практику участия МИД Беларуси в государственных и ведомственных программах (например «Культура Беларуси»).

В перспективе важно принимать активное участие в разработках комплекса мероприятий, связанных с системой образования и молодежной политикой.

Источники и литература:

1. Указ Президента Российской Федерации № 640 от 30 ноября 2016 года «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>. – Дата доступа: 04.04.2018.
2. О Россотрудничестве [Электронный ресурс] // Сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/about>. – Дата доступа: 04.04.2018.
3. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2013 г. № 476 «Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» [Электронный ресурс] // Сайт Россотрудничества. – Режим доступа: http://rs.gov.ru/uploads/document/file/11/ukaz_no_476_0.pdf. – Дата доступа: 04.04.2018.
4. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2016 году [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/pages/389>. – Дата доступа: 04.04.2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимов Юрий Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Бао Ин – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Барановский Александр Викторович – аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Барышников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Бусел Сергей Юрьевич – магистр управления и экономики, сотрудник Минской региональной таможни, г. Минск, Беларусь.

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Вечер Лидия Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Вонсович Лариса Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Докучаев Алексей Владимирович – кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия.

Дорофеев Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Россия.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии федеральной службы исполнения наказаний, г. Псков, Россия.

Жиров Антон Анатольевич – аспирант Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Россия.

Зуев Илья Владимирович – магистр исторических наук, аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Казамель Анна Сергеевна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Коломенская Валерия Дмитриевна – аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Космач Венямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой; доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Краско Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Крупская Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Кулиньска Каролина – аспирант факультета права, администрирования и экономики Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша.

Лапчук Ксения Альбертовна – аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Малай Вера Владимировна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Монин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия.

Орехова Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Острога Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Пипченко Наталия Александровна – доктор политических наук, доцент кафедры международной информации Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Погорская Ирина Ивановна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Подрез Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, директор учебно-научного института истории и философии Сумского государственного педагогического университета имени А.С. Макаренка, г. Сумы, Украина.

Прохоров Александр Михайлович – учитель истории и обществоведения Центра образования № 4 г. Тулы, г. Тула, Россия.

Рубо Олеся Петровна – соискатель кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Соловей Татьяна Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Тимошкова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Тодорова Ралица Вениславова – аспирант Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Урывский Андрей Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Фомичев Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия.

Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Шереметьев Сергей Иванович – советник, начальник Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Витебского областного исполнительного комитета; доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ (1918 г. – начало XXI в.)**

Материалы III Международной научно-практической конференции

Витебск, 17–18 мая 2018 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 10.05.2018. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 13,01. Тираж 50 экз. Заказ 71.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.